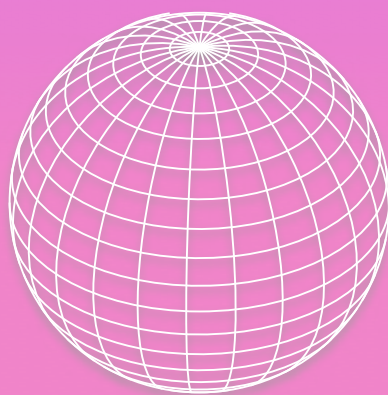

Министерство образования и науки РФ
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

МАТЕРИАЛЫ
XVII Межвузовской научно-практической
конференции

ПАЛИТРА
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

19-20 ноября 2024 года

Санкт-Петербург
2024

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ «ЛЭТИ»

им. В. И. Ульянова (Ленина)

Гуманитарный факультет

МАТЕРИАЛЫ

XVII Межвузовской научно-практической конференции

ПАЛИТРА ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

19 – 20 НОЯБРЯ 2024 ГОДА

Санкт-Петербург
2024

УДК 316.356.2
ББК с55.3л0
М34

Материалы XVII межвузовской научно-практической конференции «Палитра языков и культур», г. Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2024 года. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024.136 с.

ISBN 978-5-7629-3410-7

Организатор конференции

КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТУДЕНЧЕСКИЙ ОФИС

Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина)

Состав оргкомитета

Минина Анастасия Андреевна
проректор по международной
деятельности

Яльшев Ренат Амируллович
руководитель Международного
студенческого офиса

Гигаури Нина Константиновна
декан Гуманитарного факультета

Степанова Наталия Валентиновна
профессор кафедры ИНЯЗ

Сурова Анна Игоревна
документовед Международного
студенческого офиса

Административная и рабочая группы

Шумков Андрей Арнольдович
д-р филол. наук, доцент, заведующий
кафедрой иностранных языков

Шульженко Татьяна Владимировна
доцент кафедры иностранных языков,
заместитель заведующего кафедрой

Преображенская Ольга Алексеевна
доцент кафедры иностранных языков

Журавлёва Ольга Михайловна
доцент кафедры иностранных языков

Ульяницкая Любовь Александровна
доцент кафедры иностранных языков

Тихонова Елена Сергеевна
доцент кафедры иностранных языков

Боровой Максим
документовед Международного
студенческого офиса

Казарян Милена Артуровна
Переводчик ОМAM

Якубенко Елена Геннадьевна
старший преподаватель кафедры
иностраных языков

Сигаева Мария Сергеевна
старший преподаватель кафедры
иностраных языков

Кабанова Наталья Александровна
старший преподаватель кафедры
иностраных языков

Финионова Наталья Игоревна
старший преподаватель кафедры
иностраных языков

Малышева Валерия Николаевна
ассистент кафедры иностранных языков

Курганская Екатерина Владимировна
ассистент кафедры иностранных языков

Чупахина Александра Олеговна
ассистент кафедры иностранных языков

MINISTRY FOR EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
ST. PETERSBURG ELECTROTECHNICAL UNIVERSITY
“LETI”

Faculty of Humanities
International Student Office

PROCEEDINGS
of the XVII National University Conference

PALETTE OF LANGUAGES AND CULTURES

NOVEMBER 19 –20, 2024

Saint Petersburg
2024

УДК 316.356.2
ББК с55.3л0
М34

Proceedings of the XVII National University Conference “Palette of Languages and Cultures”, Saint Petersburg, November 19 – 20, 2024. ETU Publishing house, Saint Petersburg, 2024. 136 p.

ISBN 978-5-7629-3410-7

Conference Organizers:

FOREIGN LANGUAGES DEPT.
INTERNATIONAL STUDENT OFFICE
Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

Organizing Committee

Anastasia Minina
Vice-Rector
for International Affairs
Renat Yalyshev
Head of International Student Office
Nina Gigauri
PhD, Dean of the Faculty of Humanities

Nataliia Stepanova
PhD, Prof. of Foreign Languages Dept.
Anna Surova
International Student Office
Document specialist

Administrative and working groups

Andrey Shumkov
Doctor of Linguistics
Head of Foreign Languages Dept
Tatiana Shulzhenko
Associate Prof.
Deputy Head of Foreign Languages Dept.
Olga Preobrazhenskaya
PhD, Associate Prof.
Olga Zhuravleva
PhD, Associate Prof.
Deputy Head of Foreign Languages Dept.
Lyubov Ulyanitskaya
PhD, Associate Prof.
Elena Tikhonova
PhD, Associate Prof.
Maksim Borovoy
International Student Office
Document specialist

Milena Kazaryan
Translator of the Department of
International Academic Mobility
Elena Yakubenko
Senior Lecturer
Maria Sigaeva
Senior Lecturer
Nataliia Kabanova
Senior Lecturer
Nataliia Finionova
Senior Lecturer
Valeria Malysheva
Teaching Assistant
Ekaterina Kurganskaia
Teaching Assistant
Aleksandra Chupakhina
Teaching Assistant

Вступительное слово

Дорогие коллеги!

Ежегодно по инициативе кафедры иностранных языков в Санкт-Петербургском государственном электротехническом университете «ЛЭТИ» проводится Форум «Палитра языков и культур», приуроченный к Международному дню толерантности. В рамках Форума проходит межвузовская студенческая научно-практическая конференция.

В связи с тем, что 2024 год в России объявлен годом культуры, искусства, семьи и спорта, в качестве темы Форума были выбраны слова К. Д. Ушинского: *«Человек не только чувствует в себе стремления природы к бытию, но и понимает, к чему она стремится, и все её стремления имеют для него значение настолько, насколько дают ему возможность удовлетворить своему стремлению — стремлению, вытекающему из него самого, т. е. из его души, стремлению к жизни, или, точнее, стремлению к деятельности сознательной и свободной».*

В настоящем сборнике представлены материалы конференции, посвященные исследованию актуальных проблем лингвистики и межкультурной коммуникации в контексте общей темы Форума.

Внимание авторов докладов обращено к различным лингвокультурам: восточным, африканским, европейским, а также к субкультурам. В фокус исследования попадают традиции и этикет, религия, вопросы языковой ситуации и языковой политики, социализации и культурной интеграции.

Культура, искусство, семья и спорт как отдельные виды дискурса рассматриваются в ракурсе межкультурного взаимодействия на материале кинематографа и художественной литературы.

Целый ряд работ, представленных в настоящем сборнике, имеет когнитивно-дискурсивную направленность и ставит своей целью анализ актуального медиаполитического материала – предвыборного дискурса, воплощенных в нем дискурсообразующих концептов и ценностных установок, а также общих когнитивных механизмов конструирования тех или иных образов в медиапространстве.

Мы желаем участникам Форума творческих успехов и надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

*С наилучшими пожеланиями,
Организационный комитет*

Оглавление

<i>П. И. Безбородова</i> СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЕ	8
<i>А. С. Бугаёв, Н. В. Степанова</i> ЯЗЫК НЕНАВИСТИ В ОНЛАЙН-КОММЕНТАРИЯХ: АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЕГУМАНИЗАЦИИ МИГРАНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	12
<i>П. А. Городничева, С. С. Федорова</i> CONFLICTOGENIC COMPONENT OF THE RESTORATION OF CULTURAL HERITAGE SITES	18
<i>А. А. Григорьева</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ДИСКУРС	23
<i>С. А. Демидова</i> КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ЭТИКЕТА В ТУРЦИИ И ФРАНЦИИ.....	27
<i>С. О. Демидова, Н. В. Степанова</i> ОТРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ.....	32
<i>А. А. Забоева, А. Л. Соколова</i> КИНЕМАТОГРАФ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА КУЛЬТУРЫ КАДЖУНОВ В СЕРИАЛЕ «TRUE DETECTIVE»).....	37
<i>О. Н. Исаева</i> СПОРТ, ИНВАЛИДЫ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ	42
<i>Е. И. Косарева</i> РЕЛИГИОЗНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЯПОНИИ И РОССИИ: ОТ ИЕЗУИТОВ К ПРАВОСЛАВИЮ	46
<i>Д. С. Левкевич, А. О. Чупахина</i> К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА.....	50
<i>А. С. Маркелов, Н. В. Степанова</i> АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА FREEDOM В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ).....	53
<i>С. В. Моцева</i> ИНТЕНЦИЯ УБЕЖДЕНИЯ: МЕТАФОРА КАК КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ	59
<i>Е. И. Никитин</i> ЭТНИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В ХХІ ВЕКЕ. СЛУЧАЙ ПАКИСТАНА..	62
<i>А. А. Подопрigorова, В. Н. Мальшева</i> СВОЕОБРАЗИЕ СУБКУЛЬТУРЫ КОСПЛЕЕРОВ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ВОСТОЧНЫМИ КУЛЬТУРАМИ.....	66
<i>О. А. Преображенская</i> ФРАНЦУЗСКАЯ СЕМЬЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	72
<i>А. С. Радышевский</i> THE META NARRATIVE OF JOKER: FOLIE À DEUX.....	76
<i>Р. Б. Рахматуллин, К. А. Балаева</i> ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	80
<i>М. С. Сытник, А. М. Лесохина</i> ОБРАЗ КОСМОСА В ПОЭЗИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ХХ ВЕКА	83
<i>А. В. Тераль, А. Д. Пушкарева</i> SOCIALIZATION OF CHINESE STUDENTS IN HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY AND PROBLEMS OF CULTUAL INTEGRATION	87
<i>С. А. Туре</i> ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЭТНОСОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ГВИНЕИ	92

<i>Л. А. Ульяницкая, Е. С. Скребнев</i> РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЬГИИ: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ.....	96
<i>Ферранти Кастеллано М. Б.</i> DAYDREAMING IN WORKS OF MIKHAIL LERMONTOV AND GÉRARD DE NERVAL.....	102
<i>К. Б. Чельшева</i> CULTURAL CHARACTERISTICS OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE. ANALYZING THE 2024 PRESIDENTIAL DEBATES IN AMERICA ACCORDING TO THE COMMUNICATION CODE.....	105
<i>А. А. Чуйко, О. Г. Минина</i> ЧЁРНЫЙ ПИАР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ	111
<i>Н. С. Щеников, И. В. Кузьмич</i> АНАЛИЗ КОНЦЕПТА PLEASURE В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	115
<i>Н. Ф. Щербак</i> КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОГО КИНО	120
<i>И. В. Шугайло</i> КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, СЕМЬЯ И СПОРТ КАК РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ДИСКУРСА В УЗБЕКИСТАНЕ.....	123
<i>В. Е. Эйдигер, А. М. Лесохина</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ТАНЦА (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА К. САУРА «КРОВАВАЯ СВАДЬБА»).....	128
<i>Е. В. Яковлев</i> ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОКСИ-ВОЙНА» И ИХ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	132

УДК 316.772.2

П. И. Безбородова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

pauline.bezborodowa@yandex.ru

СПЕЦИФИКА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РЕЛИГИОЗНОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена специфике коммуникации между носителями различных языков, объединенных религиозным верованием. Сообщения в религиозной коммуникации обычно скрыты и запутаны, иногда имеют несколько значений, в зависимости от традиций и культуры. Социальные взаимодействия могут быть отражены в ритуальных коммуникативных ситуациях. Исходя из этого, целью статьи является рассмотрение коммуникативных особенностей и способов информационного обмена в религиозной среде.

Межкультурная коммуникация, религиозные традиции, коммуникативная ситуация, культура, символная система

Межкультурная коммуникация представляет собой совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам [Садохин, 2004, с. 68]. В. П. Фурманова понимает межкультурную коммуникацию как коммуникативные ситуации представителей различных языков и культур, различные формы межкультурного взаимодействия [Фурманова, 1994]. Под коммуникативной компетенцией при этом понимается знание используемых при коммуникации символных систем и правил их функционирования, а также принципов коммуникативного взаимодействия.

Культура, в свою очередь, складывается из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и других привычек, усвоенных человеком как членом общества [Тайлор, 1989]. Культура воспринимается как мировоззрение или образ жизни, который развивается и сохраняется группой людей, и передается из поколения в поколение. Религия – неотъемлемая часть культуры. Люди интерпретируют культуру, следуя издавна сложившимся религиозным традициям и ритуалам. Существование религиозных символов укрепляет веру людей в традиции. Такие символы обязательно включают в себя элементы высоких убеждений, которые порождают священные ценности.

В действительности, религиозная коммуникация может поддерживать и сохранять существующую культуру и продолжает чтить вековые традиции предков, а социальные взаимодействия между последователями одного

вероисповедания направлены на установление информационного обмена таким образом, чтобы он способствовал укреплению религиозных взглядов, социальных коммуникативных ситуаций и культурных ценностей.

В религиозной среде наиболее распространены следующие способы передачи информации:

- устная традиция, подразумевающая передачу знаний и учений через устные рассказы и молитвы;
- письменные тексты, включающие священные писания, книги и трактаты, которые содержат учения и предания;
- визуальные образы – иконография, символы и ритуальные объекты, передающие духовные идеи и ценности;
- служения, обряды и ритуалы.

Все формы ритуала являются коммуникативными, поскольку включают в себя символическое поведение человека в социальных взаимодействиях как способ передачи какой-либо информации. Сообщения в ритуальной коммуникации, как вербальные, так и невербальные, содержат значения, которые можно объяснить с религиозной точки зрения. Ритуальная коммуникация передает культурные послания, содержащие определенные идеи или мысли, понятные получателю сообщения. Послания могут быть представлены в форме визуальных символов.

Один из примечательных примеров межкультурного коммуникационного поведения в религиозной среде можно наблюдать во время паломничества Хадж в исламской традиции. Каждый год миллионы мусульман со всего мира собираются в Мекке для выполнения обрядов Хаджа, одного из пяти столпов ислама. Паломничество включает в себя ряд ритуалов, каждый из которых является символом ислама и передает религиозные идеи, понятные всем последователям ислама, независимо от их этнической принадлежности. В число обязательных ритуальных действий Хаджа входят:

- Таваф, представляющий собой семикратный обход против часовой стрелки вокруг мусульманской святыни и символа единства мусульман – Каабы;
- семикратный легкий бег между холмами Ас-Сафа и Аль-Марва, символизирующий веру, настойчивость и жертву;
- вукуф – стояние на горе Арафат;
- бросание камней в три столба, олицетворяющих дьявола;
- жертвоприношение, символизирующее преданность, благодарность Аллаху.

Стоит привести и другой универсальный символ паломничества – ирхам – одеяние паломника, состоящее из двух белых совершенно простых и незащитых тканей. Ирхам не только позволяет другим

идентифицировать паломников Хаджа, но и служит символом равенства и чистоты.

Коммуникативная ценность упомянутых ритуалов заключается в их универсальности для представителей разных этнических групп. Обряды и символы не нуждаются в объяснении в процессе коммуникации, позволяют последователям ислама идентифицировать себя и укрепляют чувство общности, независимо от языковой и этнической принадлежности.

Помимо ритуальной коммуникации существуют и другие виды социальных взаимодействий. Хотя паломники обычно общаются на разных языках и могут ограничиваться только простыми фразами на английском или арабском, в процессе паломничества вырабатывается неформальная система жестов и сигналов, которые помогают им взаимодействовать друг с другом. Эта система знаков содержит невербальную коммуникацию, в которую входят указательные жесты, поднятие руки для привлечения внимания, сложенные на груди руки как призыв к молитве и другие. Следует также отметить, что, например, в Мекке и Медине существуют указатели, направляющие ко всем ключевым местам Хаджа, которые в равной степени упрощают возникновение коммуникативных задач.

Паломничество Хадж представляет собой уникальную платформу для межкультурного общения, где различные этнические группы и культуры взаимодействуют в рамках единого религиозного опыта, а принятая символическая система, в свою очередь, помогает паломникам поддерживать друг с другом коммуникацию, несмотря на языковые барьеры и культурные различия, обеспечивая единство выполнения ритуалов.

Межкультурная коммуникация – это процесс обмена символическими системами, способными направлять поведение человека при восприятии сообщений. Межкультурная коммуникация может принимать вид ритуальных коммуникативных действий. Ритуальная коммуникация осуществляется религиозными последователями, которые следуют традициям и проводят обряды, интерпретируя культуру и, таким образом, идентифицируя через нее себя. Система верований, религия и культура сильно влияют на восприятие сообщений в ритуальном общении. Процесс религиозной коммуникации происходит благодаря таким вспомогательным факторам, как ритуалы, традиции и символическая система.

ЛИТЕРАТУРА

- Боголюбова Е. В. Культура и общество (Вопросы истории и теории). – М.: МГУ, 1978.
- Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов. – М.: Юнити-Дана, 2004. – С. 68.
- Тайлор Э. Б. Первобытная культура. Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – С. 18.
- Фурманова В.П. Межкультурная коммуникация и языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранного языка: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1994.

Bezborodova, P. I.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

THE SPECIFICS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN RELIGION

The article is devoted to the specifics of communication between native speakers of different languages united by religious beliefs. Social interactions can be represented in ritual communication situations. Messages in religious communication are usually hidden and confusing, and sometimes have several meanings, depending on traditions and culture. The purpose of the article is to consider the communicative features and information exchange through religious traditions.

Intercultural communication, religious traditions, communicative situation, culture, symbolic system

УДК 81'373.47

А. С. Бугаёв

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

teuomse@icloud.com

Н. В. Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

nathalie.tresjolie@icloud.com

ЯЗЫК НЕНАВИСТИ В ОНЛАЙН-КОММЕНТАРИЯХ: АНАЛИЗ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ДЕГУМАНИЗАЦИИ МИГРАНТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Доклад посвящён исследованию языка ненависти в онлайн-комментариях, направленного на дегуманизацию мигрантов в англоязычном медиадискурсе. В качестве материала используются комментарии в Instagram*, где дискуссии о миграции нередко сопровождаются негативной риторикой. Цель исследования – проанализировать когнитивные механизмы, используемые для дегуманизации мигрантов, опираясь на концепцию проксимизации польского исследователя Петра Цана.

*Соцсеть Instagram запрещена в РФ; она принадлежит корпорации Meta, которая признана в РФ экстремистской.

Язык ненависти, онлайн-комментарии, дегуманизация, мигранты, проксимизация, англоязычный медиадискурс

Высокая скорость распространения информации в медиaprостранстве, обусловленная цифровизацией СМИ и стремительным развитием интернет-технологий, а также воздействие дискурса на формирование общественного мнения определяют необходимость исследования содержательных и структурных параметров медиадискурса. Востребованными представляются исследования социально-ориентированных жанров медиадискурса, в том числе сетевого, с точки зрения гармонизации дискурсивных практик и эффективизации онлайн-коммуникации. Рост популярности онлайн-платформ привел к интенсификации *hate speech* (языка ненависти) в цифровом пространстве, в частности в отношении мигрантов. Изучение *hate speech* представляет собой одну из наиболее актуальных проблем не только лингвистики, но и смежных с ней дисциплин [Василенко, 2021].

Англоязычный медиадискурс нередко становится инструментом конструирования отрицательного, дегуманизованного, образа мигрантов,

основанного на стереотипизированных представлениях, провоцирующего негативное восприятие мигрантов в обществе и порождающего конфликтогенную среду.

Данные Министерства юстиции США подтверждают, что проблема *hate speech* приобретает всё более серьезный характер. Количество преступлений на почве ненависти к мигрантам в онлайн и офлайн среде ежегодно растёт. Так, в 2019 г. было зарегистрировано 3963 таких преступлений, а в 2023 г. этот показатель достиг 7274 [U.S. Department of Justice].

В преддверии президентских выборов в США тема миграции занимает центральное место в политических дебатах, что увеличивает риск дегуманизации мигрантов в онлайн-комментариях. В этом контексте особую актуальность приобретает изучение механизмов, которые используются для формирования и распространения негативных стереотипов о мигрантах в англоязычном медиадискурсе.

В настоящем исследовании для анализа этих механизмов применяется **теория проксимизации Петра Цапа**. Данная теория позволяет изучить дискурсивные стратегии, используемые для актуализации базовой концептуальной оппозиции «свой» – «чужой», с целью отчуждения и дискредитации «чужих». Предложенная П. Цапом модель анализа политического дискурса включает в себя три когнитивных измерения стратегии проксимизации:

- *пространственное*: подчеркивает географическую и политическую дистанцию между «нами» и «ними», с использованием лексики типа «их страна», «наша страна», «инопланетяне»;
- *временное*: основано на образе повторяющейся угрозы, на связи прошлого с настоящим, с целью усиления страха перед потенциальной угрозой;
- *аксиологическое*: опирается на моральные и ценностные суждения, чтобы оправдать отрицательное отношение к мигрантам.

С практической точки зрения, **проксимизация** — это дискурсивная стратегия, которая репрезентирует уже случившиеся события и ситуации как представляющие чрезвычайные и негативные последствия для говорящего и его адресата [Юзефович, Полякова, 2018].

В настоящем исследовании были рассмотрены комментарии, опубликованные в период с 10 по 31 октября 2024 г., в новостных онлайн-изданиях (“CNN“, “Fox News”), на страницах правозащитных организаций (“HRW”) и в аккаунтах политиков США (Дональд Трамп, Джо Байден, Камала Харрис).

Отбор комментариев осуществлялся по следующим критериям:

1) Наличие негативной риторики: использование инвективной лексики, дегуманизирующих метафор, негативных стереотипов о мигрантах;

2) наличие элементов проксимизации и соответствующих лексических индикаторов: актуализация дискредитирующих тактик, тактик оскорбления и тактик культурной угрозы; акцентирование «чужеродности» и «опасности» со стороны мигрантов;

3) количество лайков на комментарии: высокая активность пользователей может свидетельствовать о распространении и укоренении негативных стереотипов.

Для анализа отобранных комментариев применялся метод контент-анализа, сопровождаемый последующим интерпретативным анализом контекстов.

Было проанализировано более 70 комментариев, которые отражают используемые механизмы дегуманизации мигрантов в англоязычном медиадискурсе.

Рассмотрим некоторые показательные примеры по каждому виду проксимизации:

1. Пространственная проксимизация:

• @zachery_young82 “Send them all back to their country” [Instagram* аккаунт CNN].

• @paulinebowman61 “Send all aliens back to their own country” [Instagram* аккаунт Fox News].

• @rafaelvidal530 “Why does the white house allow these aliens to live next to our children?” [Instagram* аккаунт Дж. Байдена].

• @the_papi_chulo99 “Deport them all!!” [Instagram* аккаунт К. Харрис].

• @drubright57 “Get these illegals out of America and take Biden and Kamala with them!” [Instagram* аккаунт HRW].

Пространственная проксимизация в перечисленных комментариях подчеркивает географическую и политическую дистанцированность мигрантов, отделяя их от «нашего» пространства и представляя как угрозу. Вводятся такие лексические единицы как «их страна», «наша страна», «инопланетяне», «депортация», чтобы усилить отчуждение и вызвать отрицательные ассоциации с мигрантами.

2. Временная проксимизация:

• @jasonsigler “This has happened before and we know what will happen if we don't do anything!” [Instagram* аккаунт CNN].

• @historybuff42 “Remember what happened in the 90s? They're going to do it again! We need to stop them before it's too late.” [Instagram* аккаунт CNN].

- @concernedcitizen77 “They came in droves, they took our jobs, they destroyed our communities. It's happening again!” [Instagram* аккаунт Fox News].

Временная проксимизация использует образ повторяющейся угрозы, чтобы усилить отрицательное восприятие мигрантов. Авторы комментариев связывают прошлое с настоящим и будущим, используя такие высказывания как “This has happened before”, “It's happening again”, “They're going to do it again”, чтобы усилить недоверие к мигрантам.

3. Аксиологическая проксимизация:

- @annete.gurba “Just look at that trash” [Instagram* аккаунт Дж. Байдена].

- @cindysutton24 “Why can't someone prosecute them” [Instagram* аккаунт Fox News].

- @mechabicbeast “They should be impeached. They're not immigrants. They're illegal and not welcome here” [Instagram* аккаунт HRW].

- @asherdonnie “They can't stay, they are here illegally according to the laws of this country. Period end of story!!” [Instagram* аккаунт Fox News].

- @waroffjohn “These creatures should be grateful that they are still alive.” [Instagram* аккаунт К. Харрис].

- @pappyg_38 “Sorry gangs.” [Instagram* аккаунт Fox News].

Аксиологическая проксимизация в приведенных комментариях опирается на моральные и ценностные суждения, чтобы оправдать отрицательное отношение к мигрантам. Авторы комментариев используют дегуманизирующую лексику (например, «мусор», «существа», «банды»), чтобы представить мигрантов как не соответствующих «нашим» моральным нормам и ценностям.

В рассмотренном материале были обнаружены контексты с несколькими измерениями проксимизации. Так, в следующих комментариях присутствуют аксиологическая и пространственные характеристики дискурса:

- @brittonglory “We want our children and ourselves safe, to be able to walk outside without being harassed. They need to go home!” [Instagram* аккаунт Д. Трампа].

- @mustangmama88 “They just like animals, we should get them back to their homes” [Instagram* аккаунт Д. Трампа].

К ведущим ценностям, транслируемым в рассмотренных комментариях, относятся: *безопасность; национальная идентичность; закон и порядок.*

Анализ онлайн-комментариев в Instagram*, посвященных теме миграции в англоязычном медиадискурсе, демонстрирует активное использование механизмов дегуманизации мигрантов, направленных на подчеркивание их «чужеродности» и «опасности». Доминирующим типом проксимизации является пространственное измерение, отражающее географическую

и политическую дистанцию между «нами» и «ними», приводящее к отчуждению и неприятию мигрантов. Типичные лексические единицы характеризующие пространственную проксимизацию, включают: “their country”, “our country”, “aliens”, “deport”, “illegals”. Высоко частотной оказалась аксиологическая проксимизация, превращающая ценности мигрантов в «антиценности».

Проведенное исследование подчеркивает необходимость определения влияния политического контекста и онлайн-платформ на формирование негативных стереотипов о мигрантах, а также целесообразность применения критического подхода к онлайн-дискурсу с целью выявления и анализа примеров дискредитации и дегуманизации различных социальных групп, в том числе мигрантов, ориентированного на развитие толерантного отношения к ним и гармонизацию дискурсивной и социальной практики. Особое внимание стоит уделить разработке дискурсивных стратегий контрпроксимизации для укрепления толерантности в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Василенко Е. Н. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах // Труды БГТУ. Сер. 4, Принт- и медиатехнологии. 2021. No. 2 (244). С. 90–97
- Гришаева Л. И., Пастухов А. Г., Чернышова Т. В. Средства и способы создания аксиологического контекста в медиатексте // Медиатекст : стратегии, функции, стиль: коллективная монография. Орел: Орлов. гос.ин-т искусств и культуры, 2010. С. 80-100.
- Михалёва О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
- Юзефович Н. Г., Полякова И. А. Теория проксимизации П. Цапа как метод анализа политического дискурса: межкультурный аспект // Политическая лингвистика. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-proksimizatsii-p-tsapa-kak-metod-analiza-politicheskogo-diskursa-mezhkulturnyy-aspekt> (дата обращения: 23.10.2024).
- Cap P. Proximization. The pragmatics of symbol distance crossing. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin’s publishing company, 2013. 220 p.
- Instagram* аккаунт CNN URL:<https://www.instagram.com/cnn> (дата обращения 31.10.2024)
- Instagram* аккаунт Fox News URL:<https://www.instagram.com/foxnews> (дата обращения 31.10.2024)
- Instagram* аккаунт HRW URL:<https://www.instagram.com/humanrightswatch> (дата обращения 31.10.2024)
- Instagram* аккаунт Д. Трамп URL:<https://www.instagram.com/realdonaldtrump> (дата обращения 31.10.2024)
- Instagram* аккаунт Дж. Байдена URL:<https://www.instagram.com/joebiden> (дата обращения 31.10.2024)
- Instagram* аккаунт К. Харрис URL:<https://www.instagram.com/kamalaharris> (дата обращения 31.10.2024)
- U.S. Department of Justice URL: <https://www.justice.gov/hatecrimes/hate-crime-statistics> (дата обращения 27.10.2024).

Bugayov, A. S., Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

**HATE SPEECH IN ONLINE COMMENTS:
ANALYSIS OF COGNITIVE MECHANISMS OF MIGRANTS
DEHUMANIZATION IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE**

The research report is devoted to the study of hate speech in online comments aimed at dehumanizing migrants in the English-language media discourse. The material is based on comments on Instagram*, where discussions about migration are often accompanied by negative rhetoric. The purpose of the study is to analyze the cognitive mechanisms used to dehumanize migrants, based on the concept of proximization by Polish researcher Piotr Cap.

*The Instagram social network is banned in the Russian Federation; it belongs to the Meta corporation, which is recognized as extremist in the Russian Federation.

Hate speech, online comments, dehumanization, migrants, proximization, English-language media discourse

УДК 304.9

P. A. Gorodnicheva

Saint Petersburg State University

gorodnichevap@list.ru

S. S. Fedorova

Saint Petersburg State University

sofiafedorova881@gmail.com

CONFLICTOGENIC COMPONENT OF THE RESTORATION OF CULTURAL HERITAGE SITES

In the article, the restoration process is considered as a socially oriented action and a culturally significant event. The conflictogenic component of the restoration process is investigated. In particular, the problems of renovation of cultural heritage sites are analyzed. At a deep level, the contradiction between the real motives of the restoration and its perceived goals is revealed.

Restoration, conflict, conflictogenic component, cultural heritage sites

Restoration itself is the process of strengthening and restoring monuments of history, culture and art that have been damaged, distorted by time, harmful living conditions, wars and natural phenomena, involving the preservation of the original work [ОСИПОВ, 2015, с. 429-430].

The restoration of cultural heritage sites is a complex multidimensional process aimed at the conservation of historical monuments and works of art. It covers not only technical work to recreate the physical condition, but also maintaining the importance of the facility. In addition, the following things can be highlighted to emphasize the impact of restoration:

1) preservation of historical and cultural memory – cultural heritage sites are a tangible evidence of the past, storing valuable information about the life of our ancestors, their art, religion, and way of life. Restoration allows us to preserve these values for future generations. Definitely, restoration is an inseparable part of cultural discourse, allowing existence of cultural successiveness between generations.

2) preservation of history and culture – restoration of objects fits into the overall picture of the historical environment, helping to preserve its integrity and uniqueness. Restored objects of art and architecture provide aesthetic pleasure, inspire and shape cultural taste.

3) cultural experience – it is also impossible to ignore such an aspect as the expansion of cultural experience: restored objects offer an opportunity for cultural enrichment, allowing you to learn about history, traditions and architecture.

The restoration of the facilities makes it possible to bring valuable historical monuments back to life and expand opportunities for cultural, educational, religious experience, also creating new tourist offers. And as a result, it is an investment in the development of the region stimulating economic growth and bringing new opportunities for local residents. Of course, there are many examples of restorations worthy of attention. But we decided to focus the discourse on an example of outstanding architectural monument such as the Trevi Fountain in Rome, one of Italy's most significant and recognizable landmarks.

Plunging into history, we can learn that the fountain was created to provide a rapidly growing city with drinking water. At first, the reservoir was an ordinary stone bowl located on Trevi Square, but later it was decided to decorate the center of the capital with more imposing architecture. One of the greatest Baroque masters of Italy, Nicola Salvi, won a competition for the position of chief architect and created majestic masterpiece.

During its existence, the Trevi Fountain has undergone several restorations: in the nineteenth, twentieth and twenty-first centuries. It was damaged by an earthquake and exposed to time and the environment so the restorations included cleaning the marble, restoring damaged parts and strengthening the structure.

The fact that the last time when the Trevi Fountain needed to be restored was announced by the Roman authorities in 2012, after several pieces of its pedestal fell off. The emergency restoration, which was carried out immediately after, cost the Italian capital 320 thousand euros, after which the authorities began to look for a sponsor who would donate funds for major repairs. In 2014, Roman dwellers were shocked by the news: Karl Lagerfeld will fix the Trevi fountain. His company has invested 2.18 million euros in the restoration of the fountain.

The restoration process was carried out in stages, starting from the central part of the fountain, then moving to the sides of the fountain and finally to the upper part. It included thorough cleaning of marble surfaces, restoration of lost elements and renovation of the water supply system. Work was also carried out to strengthen the foundation and ensure the safety of visitors. The large statue of the Ocean by Pietro Bracci and the facade of the central fountain had finally returned to life.

While the process was caring out, an "airstrip" bridge was installed over an empty pool of water, allowing visitors to take a closer look at the stone sculptures, as well as to observe the restoration process. They could observe it distantly and also various historical scenes were demonstrated on two large television screens mounted on top of transparent shields. After revival, The Trevi Fountain app has also been created for smartphones and tablets, which allows visitors to take selfies against the background of the fountain at a distance of 200 meters and even throw virtual coins into the fountain. The Mayor of Rome, Gianni Alemanno, noted that “without such

initiatives, we will not be able to preserve the cultural memory of our country,” since severe financial austerity has deprived most of the funding for the restoration of monuments.

Specifically with this example it is worth noting that restoration itself is also a kind of conflictogen and can be seen as an encroachment on culture in order to gain some sort of advantage. For better understanding what the following discourse is about, it's worth clarifying a few basic things.

First of all, what is a conflict? Conflict is a struggle for values and claims to a certain status, power and resources [Coser, 1965, p. 38]. Alternatively, conflict is any relationship between elements that can be characterized through objective (manifest) or subjective (latent) opposites. When we claim something as conflictogen, we mean various factors which, being, expressed in words, in action or inaction, become the cause of conflict. Conflictogens, in turn, accumulating, cause an increase in tension in society, and as a result conflictogenicity is formed [Казанцева, Долгодрова, 2023, с. 21]. So now we can build a logical chain where conflictogens form conflictogenicity, and that in turn affects the presence or absence of conflict. To put it briefly, everything that surrounds you, be it people or inanimate objects can be the basis of contradictions, which in consequence of the accumulative effect leads to the collision of opposing sides.

Let us turn to the notion of the “subject of conflict”. It is associated with the notion of “object”. The object of a conflict is understood as an element of the material world or social reality, on which attention and claims of social actors are focused. The subject of the conflict is that particular side, characteristic of the object, which directly underlies the contradiction. It is a certain problem that has become the cause of the conflict [Стребков, 2022, с. 25]. The list of allocated conflict items includes resources and needs, status, interests and values. But we will focus our attention on the last two, since they are formed on the basis of the conflictogen we are trying to clarify in our topic. More specifically, a restoration.

Interests as a subject of conflict is the position of an individual or a social community that provides the possibility of obtaining certain resources, benefits and opportunities. Values, on the one hand, serve as an element of human separation, distinguishing one's own from others, but, on the other hand, they also unite us. It's very important that values are the center of human motivation. As a subject of conflict, they provoke the most acute contradictions. This type of conflict is related, among other things, to the mechanism a value system formation and the role they play in people's lives. The value system is formed in the process of socialization so its basic part is laid down during primary socialization and then, in most cases, only modified. One value cannot be automatically replaced by another, even when the surrounding reality is radically changing [Стребков, 2022, с. 27].

So, let us put this all together again: interests and values are the underlying subjects of conflict, both of them are closely linked to culture and society and directly shaped by provocative factors in the form of conflictogens. The more stable values and interests are as subjects, the easier it is to find a conflictogen that can provoke a conflict situation. On the basis of this judgement, we can assume that restoration as an action can itself be provocative. When restoration concerns monuments of cultural heritage, it becomes a factor for the immediate formation of the subject of disagreement.

A monument is an object that is part of the cultural heritage of a country, people, or humanity [Кравец, 2012, с. 76], that has certain properties, authenticity and is a historical proof of the existence of a nation. It is a part of the cultured code that we have inherited from our ancestors and must pass on to our descendants. The direct duty of a monument is to serve the memory of human achievements and mistakes. But just as memory tends to fade, so do monuments falling into disrepair. Just as it should be when it comes to the past. We can say that these are natural processes occurring under the pressure of time to live in the present and shape the future. This is how development works [Трушин, 2010, с. 331].

Even when the value of cultural heritage objects is clear, the same cannot be said about the values of restoration itself. As we have defined this process deals with concrete things, we cannot but say that this is inherently material. And when it comes to materiality, on the one hand, the empirical knowledge of the past is given in the substance of the old thing and in the subtleties of its craftsmanship. On the other hand, there is the economic aspect, the moment of value and cost. Such a duality leads us to the fact that people themselves select something in the past that they consider valuable, preserve and appropriate it.

So, it can be said that such hegemony endows the provocative process with destructive qualities. In an attempt to perpetuate history through restoration, we may not only deprive the object of authenticity as its value component, but also privatize the common cultural heritage driven by our own self-interests. Finally, if restoration is the inevitable revival of the past, then development is out of the question. And exactly at this point the conflict is recognizable.

To apply the theory to existing practice, let us revisit the Trevi Fountain case we mentioned above. It is significant that the first party interested in the restoration of the site was the government and not the public. Basing on the conclusions mentioned above, we will take the responsibility of assuming that the interest of the authorities in this matter is measured by the state of the economy, not by the cultural value of the object. After all, it is more profitable to sell a renewed product than to try to advertise the old one. So, the more tourists come to see the attraction the more money is sent to the state budget. But if the material component prevails over the rest, then we are talking about greed, which does not correlate with the original purpose of restoration.

The same goes for Karl Lagerfeld's involvement. It is important to note that it is not our intention to devalue either his contribution or assistance to the restoration of the fountain but the very fact of participation remains controversial. Even if financially he felt a loss, socially he only gained, because all the innovations that touched the fountain are now associated with his name. In this case, we get several provocative factors at once. Firstly, Karl benefited by securing the status of his name for the public. Secondly, he deprived the cultural object of its authenticity right in the process of enhanced renovation.

Having analyzed this particular case, it becomes easier for us to understand the essence of restoration as a conflictogen existing in the field of cultural discourse. Now we can even detect a conflict, the subjects of which are the general cultural values and interests of individuals. But also, we can say that the conflict itself arises because of the contradiction between the true motives of the restoration process and its perceived goals.

ЛИТЕРАТУРА

- Долгодурова И. Н., Казанцева В. А. «Столкновение цивилизаций»: основные конфликтогены // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 21–25. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-21-25 (дата обращения 01.10.2024)
- Кравец С. Л. ПАМЯТНИК // Большая российская энциклопедия. 2012. Том 21. С. 76. URL: <https://bigenc.ru/c/pamiatnik-0ac88f> (дата обращения 02.10.2024)
- Осипов Ю. С. РЕСТАВРАЦИЯ // Большая российская энциклопедия. 2015. Том 28. С. 429-430 URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/3507167 (дата обращения 02.10.2024)
- Стребков А. И. Конфликтология: учебник / под ред. проф. А.И. Стребкова 2022. С. 25-27 ISBN 978-5-288-06301-5 (дата обращения 30.09.2024)
- Трушин Б.А. РАЗВИТИЕ // Новая философская энциклопедия. 2010. Том 3. С. 573 URL: <https://bigenc.ru/b/novaia-filosofskaja-entsiklop-c10ff2> (дата обращения 02.10.2024)
- Coser, L. "Conflict and group boundaries" *The social conflict*, 1956, pp. 38. URL: <https://archive.org/details/functionsofsocia0000cose/page/32/mode/2up>

Городничева П. А., Федорова С. С.

Санкт-Петербургский государственный университет

КОНФЛИКТОГЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕСТАВРАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье процесс реставрации рассматривается как социально ориентированное действие и культурно значимое событие. Исследуется конфликтогенная составляющая реставрационного процесса. В частности, анализируются проблемы реновации объектов культурного наследия. На глубинном уровне выявляется противоречие между реальными мотивами реставрации и ее мнимыми целями.

Реставрация, конфликт, конфликтогенная составляющая, объекты культурного наследия

УДК 81'42

А. А. Григорьева*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0009-0001-5103-1689

Gnastia618@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ДИСКУРС

В статье рассматриваются особенности танцевального дискурса. Исследуются коммуникативные обстоятельства танцевального дискурса в ролевой модели «танцор – зритель». Выявлена специфика и особенности танцевального дискурса, проведен анализ коммуникативных обстоятельств на основе категорий прагмалингвистики, выделенных В. И. Карасиком.

Дискурс, танцор, зритель, коммуникативные обстоятельства, хореография

В XXI веке интерес людей к культуре танцев и феномену танца как таковому сильно возрос. Данная популярность возникла в связи с популяризацией танцевальной культуры через различные телешоу, фильмы, музыку, музыкальные клипы, социальные сети, СМИ и т.д. Говоря о субъектах распространения популярности танцев нельзя также не упомянуть танцевальные школы и студии, количество которых с каждым годом стремительно растет.

Некоторые ученые определяют дискурс как текст или речь, в то время как другие ученые относят дискурс к более сложным и узким понятиям. Наиболее популярным является определение Т. А. Ван Дейка, согласно которому, **дискурс** это: «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Ван Дейк, 1989, с. 8]. Таким образом, Т. А. Ван Дейк относит к понятию дискурс не только текст, но и сопутствующие ему экстралингвистические факторы.

В. И. Карасик выделяет наличие социолингвистических и прагмалингвистических типов дискурса. К социолингвистическим типам дискурса В. И. Карасик относит институциональный, педагогический, религиозный, научный, политический, медицинский и бытийный дискурс. К прагмалингвистическим – юмористический и ритуальный дискурс [Карасик, 2002, с. 199]. Танцевальный дискурс можно отнести к ритуальному, поскольку первобытный танец выполнял функцию

религиозного обряда, которая превратилась в эстетическую в процессе развития общества [Тернер, 1983]. Помимо эстетической функции, с течением времени танец начал выполнять коммуникативную, экспрессивную, рекреационную, идентификационную и сакральную функции [Козлов, Гиршон, Веремеенко, 2005].

Современный танец представляет собой коммуникативный акт между зрителем и танцором. Основной функцией танца является передача зрителю закодированного в танце сообщения. Так, танцор в процессе исполнения хореографии воздействует на зрителя с помощью зрительного контакта, подачи хореографии, а также с помощью особого исполнения движений. Восприятие одного и того же танца зрителем может меняться, в зависимости от особенностей его исполнения. Так, танец является одним из видов коммуникации, так как содержит в себе определенный текст. Таким образом, танцевальный дискурс – сложное понятие, представляющее собой коммуникативный процесс, направленный на передачу адресату (зрителю) сообщения, закодированного в танцевальной композиции.

В. И. Карасик в своей книге «Языковой круг» выделяет наличие конкретных категорий прагмалингвистики, на основе которых проводится анализ коммуникативных обстоятельств, как одного из важнейших компонентов дискурса: «1) участники общения, 2) условия общения, 3) организация общения, 4) способы общения [Карасик, 2002, с. 200]. Рассмотрим танцевальный дискурс на основе классификации коммуникативных обстоятельств в ролевой модели **танцор – зритель**:

Участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики). В данной ролевой модели участниками танцевального дискурса являются танцор (исполнитель хореографии) и зритель. В танцевальных коммуникативных обстоятельствах зритель является адресатом, поскольку его роль заключается в «принятии» закодированного в танце сообщения, а также в поддержании контакта с танцором на протяжении всего исполнения, с помощью таких невербальных факторов, как аплодисменты, жестикация, мимика и визуальный контакт. Кроме того, к невербальным факторам поддержания коммуникации со стороны зрителя можно также отнести совершение движений, имитирующих элементы исполняемой танцором хореографии. Вербальным фактором поддержания зрителем коммуникации с танцором являются овации, к которым относятся крики в поддержку исполнителям.

Условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда). Хронотопом танцевального дискурса является время, посвященное презентации хореографии зрителю (выступление,

исполнение хореографии) и место, отведенное для осуществления выступления (зрительный зал, сцена). Территория зрительного зала разделена на зоны, имеющие строгое разграничение, среди которых: зона для расположения публики, зона сцены, зона кулис. Так, танцор имеет право находиться на сцене и за кулисами, в то время как единственная допустимая территория нахождения зрителя – зрительные места в зале. Общение танцора и зрителя, как одного из этапов танцевального дискурса, можно отнести к духовной сфере деятельности. Поскольку танец является видом искусства, воздействующим на культурное сознание людей. Коммуникативная среда в рассматриваемых обстоятельствах обеспечивает процесс обмена информацией между зрителем и танцором. Передаваемой информацией является смысл, вложенный в транслируемую зрителю хореографию, а также реакция зрителя на увиденное.

Организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств). Главная цель танцевального дискурса в ролевой модели танцор – зритель заключается в передаче смысла и чувственного оттенка исполняемой танцевальной композиции, с помощью воздействия на адресата (зрителя). Основной стратегией является коммуникативная стратегия, поскольку исполнение хореографии основывается на коммуникации между танцором и зрителем. Кроме того, можно выделить содействующую стратегию. Содействующая стратегия выражается в стремлении зрителя поддержать исполнителя с помощью аплодисментов, оваций и т.д. В основе данной стратегии лежит чувство эмпатии, испытываемое зрителем по отношению к танцору. В ходе исполнения хореографии танцором используются невербальные коммуникативные средства, имеющие воздействие на зрителя. Среди таких средств: визуальный контакт, мимика и танцевальные движения.

Способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения). Главными каналами восприятия танца зрителем являются зрение и слух. С помощью слуха зритель воспринимает музыкальную композицию, под которую исполняется хореография. Визуальное восприятие, в свою очередь, позволяет зрителю получать зрительную информацию о демонстрируемой танцором хореографической композиции, основанной на движениях тела. Коммуникативное взаимодействие танцора и зрителя имеет конструктивную тональность, поскольку в его процессе участники достигают своих целей и проявляют уважительное отношение друг к другу. Кроме того, процесс коммуникации сопровождается положительными эмоциями со обеих сторон. Так как взаимодействие зрителя и танцора представляет собой сложную форму невербального общения, его отнесение к определенному стилю и жанру

вызывает затруднение. Однако, с точки зрения ролевого распределения, взаимодействие зрителя и танцора относится к устному монологическому жанру речевого общения, в котором танцор преподносит информацию, а зритель – принимает. Поскольку в данной ролевой модели танцор является репрезентом, а зритель – реципиентом.

В ходе изучения танцевального дискурса было выявлено, что танец является формой невербальной коммуникации, в которой тело является языком, а движения – словами. Так, танцевальный дискурс основывается на коммуникативном взаимодействии танцора и зрителя, целью которого является передача текстового смысла танца зрителю. Важно отметить, что коммуникация танцора и зрителя требует предварительной подготовки, опирающейся на взаимодействие между хореографом и танцором. Таким образом, танцевальный дискурс – сложный коммуникативный процесс, который может рассматриваться с позиции разных ролевых моделей.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
Козлов В. В., Гиршон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. М.: Скифия, 2005. 312 с.
Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Grigorieva, A. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF DANCE DISCOURSE

The article examines the features of dance discourse. Communicative circumstances of dance discourse in the role model "dancer – spectator" are studied. The specificity and features of dance discourse are revealed, an analysis of communicative circumstances is carried out based on the categories of pragmalinguistics identified by V. I. Karasik.

Discourse, dancer, spectator, communicative circumstances, choreography

УДК 378

С. А. Демидова*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0009-0001-7615-778X

sophidemidova@gmail.com

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СВАДЕБНОГО ЭТИКЕТА В ТУРЦИИ И ФРАНЦИИ

В докладе рассматриваются общие черты и уникальные особенности свадебного этикета Турции и Франции, с акцентом на их культурные ценности и исторические особенности. Исследуются традиционные свадебные церемонии, обряды и ритуалы, одежда и аксессуары, взгляды на роль мужчины и женщины в семье и обществе, а также роль семьи и друзей в подготовке и проведении свадьбы, а также современное отношение людей к свадебным обычаям и ритуалам.

Свадебный этикет, культура, культурные ценности, традиции

Этикет, по этимологии [Кона, 1981], (от фр. *etiquette* – ярлык, этикетка) – это совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (формы обращения, поведение в общественных местах, манеры, одежда и т. д.), установленный порядок поведения, следование моральным, общественным нормам.

Свадебный этикет – это совокупность норм и правил, обеспечивающих порядок во время проведения мероприятия. Эти правила охватывают все аспекты проведения свадьбы: от отправления приглашений до выбора нарядов, приема подарков и общения на празднике.

В Турции под влиянием западных тенденций, свадебные традиции в некоторых городах не соблюдаются, однако в деревнях, многие все еще им следуют. Все начинается со смотрин – кыз бакма. Зачастую, кумушки заранее присматривают невесту и обращают на нее внимание жениха, поскольку турок больше озабочен тем, как и на что содержать семью, нежели самим поиском будущей жены. Обычно жених приходит на смотрины в сопровождении нескольких женщин из его семьи. Если обе стороны приходят к согласию, то начинается вторая стадия процесса – «Сватовство» или *çorçatanlık*. Невеста готовит домашнюю баклаву, национальную турецкую сладость, по которой гости определяют мастерство девушки. Она подает кофе, чай и сладости, обязательно начиная с гостей старших по возрасту. Жениху невеста может

добавить в кофе соль, что раньше расценивалось как отказ невесты, а сейчас является проверкой чувств и выдержки жениха. Родители обеих сторон договариваются о том, как, где и за чей счет проводить свадьбу, кого приглашать, где будут жить молодые, какие подарки им можно будет подарить. Традиционно ранее обсуждался и «калым» за невесту. В некоторых деревнях этот обычай сохранился, но мог поменять название на «право матери» - сумма денег, выплачиваемая матери невесты за хорошее воспитание.

Когда все договоренности определены, и получено благословение родителей, жених дарит девушке кольцо и небольшой платок, вышитый золотом или серебром. В Турции по-прежнему серьезно относятся к согласию родителей. Даже если жених уже не зависит от семьи, но его семья будет против брака с определенной девушкой, то он подчинится их воле.

После сватовства наступает помолвка («нишан»), статус девушки меняется на «нишанлы» (обручена). Организуют и оплачивают помолвку родственники невесты, а свадьбу – родственники жениха. Подают на помолвке обычно быть сладости, орешки, чай, кофе. Невеста наряжается в красивое платье, гости дарят золото или деньги. Проводится определенный ритуал: на серебряном подносе лежат два кольца, связанные красной лентой, в таком виде молодые надевают друг другу кольца на безымянный палец правой руки. После этого самый старший и уважаемый человек из присутствующих произносит поздравления паре и перерезает ленточку в двух местах, что называется *Soz Kesimi* («Дал слово» и буквально «Вырезал слова»). Этот лоскуток сохраняется у молодой семьи. Оставшуюся часть ленты разрезают на мелкие кусочки, дарят незамужним девушкам, чтобы они смогли тоже быстро и счастливо выйти замуж.

Перед свадьбой в Турции для невесты устраивается один из самых интересных и зрелищных обрядов – «Ночь Хны», или Кына Геджеси (*kına gecesı*). Эта церемония предназначена только для женщин, она символизирует расставание с отчим домом. Невеста надевает платье-биндалли (*bindalli*). Это роскошное, богато украшенное вышивкой платье, чаще всего красного или бордового цвета, сшитое из дорогих тканей. Лицо невесты скрывает красная вуаль, украшенная блестками и бисером и в таком виде она представляется гостям [Hamdi Acar, 2005, с. 36].

Музыканты и гости начинают петь грустные традиционные песни, чтобы довести невесту и ее родителей до слез. Затем перед невестой раскатывают в качестве подарка рулон шелковой ткани, вдоль которой идет девушка, приближаясь к матери жениха. В это время гости осыпают девушку монетами – как символ плодородия и процветания. Подойдя ближе, невеста почтительно склоняется перед свекровью, целует ее руку и потом

прикладывается ко лбу выражая почет и уважение. Ладони и ступни девушки раскрашивались хной. Среди витиеватого рисунка нужно было «спрятать» инициалы жениха. Если жених не сможет обнаружить первых букв своего имени, то он был обязан преподнести невесте хороший подарок.

Во время свадьбы старший мужчина в семье, если девушка еще невинна, завязывает на ней красный пояс, чтобы продемонстрировать это перед другими людьми. Свадебный кортеж обычно сопровождается шумной музыкой, машины заранее украшаются. Звуки зурны, давула и барабанов – неперемный атрибут традиционной турецкой свадьбы. Существует традиция для определения того, кто будет главным в семье. Молодая пара пытается сильнее наступить друг другу на ноги. Чтобы мужчина сильно не отдал ногу невесте, ритуал предлагают соблюдать только ей. Такое положение дел говорит о том, что в турецкой семье все будет так, как решит жена, потому что она – главная [Milenkaya, Zhbannikova, 2018, с. 31].

Церемония длится недолго, но проходит очень торжественно. Служащий турецкого загса облачается в красную мантию и произносит нужные слова.

Завершается свадьба тортом, который, теперь уже муж и жена, торжественно разрезают саблей. Еще одна интересная традиция заключается в том, что друзья жениха должны побить его сразу же после свадьбы. Они провожают новобрачного до дома, и как только он переступает порог, друзья обязаны сделать вид, что бьют его. Таким образом мужчина окончательно прощается с холостяцкой жизнью. Также двери дома будущей семьи обмазывают медом и маслом, чтобы невеста «как сыр в масле каталась».

Французы начинают готовиться к свадьбе задолго до торжества, например, за год. Как правило, свадьба начинается с помолвки (*fiançailles*), она отмечается не слишком торжественно – в присутствии родителей будущие супруги просто встречаются в кафе или в недорогом ресторане, где мужчина преподносит невесте кольцо. Когда невеста получает обручальное кольцо, она дарит будущему мужу часы. Затем молодые празднуют мальчишник и девичник со своими друзьями.

Перед свадьбой молодожены заключают брачный договор. Свадьба во Франции проходит в два этапа. Первый этап – официальная регистрация, и он выглядит обычно достаточно скромно и проходит быстро. В день церемонии жених идет к алтарю в сопровождении своей матери. Само заключение брака во Франции происходит в мэрии, где за месяц до свадьбы вывешивается объявление о предстоящем событии. Свидетели во Франции являются официальными лицами, поэтому их подпись так же требуется в записи о браке. Отъезд пары от церкви сопровождается цветочным дождем, гости осыпают молодоженов рисом, конфетти и лепестками роз. Этот жест означает

пожелание процветания и изобилия. По пути от мэрии или от церкви, если молодожены религиозны, к месту проведения банкета свадебный кортеж давит на клаксоны. Эта традиция пришла из средневековья, когда множество пар женились тайно, чтобы предотвратить это, городские власти издали предписание, обязывающее праздновать свадьбы максимально шумно [Традиции французской свадьбы].

Французы верят, что частичка платья невесты приносит счастье, поэтому невеста заблаговременно пришивает к платью различные ленты и банты, которые отрезают ножницами и продают на свадебном аукционе. Однако важно отметить, что к поясу невесты может прикасаться только жених, поскольку для француженок пояс – это символ целомудрия.

Французские молодожены присылают своим гостям *liste de mariage* – список вещей, которые они хотели бы получить. Первая часть торжества – коктейль – небольшая весёлая трапеза сразу после регистрации или венчания. Банкет – вторая часть – проводится в формате ужина, в специально арендованном зале или на открытой площадке. На своих свадебных банкетах французы выставляют на стол чётко рассчитанное количество вина, чтобы каждый гость мог выпить, но при этом не опьянеть и тем более не напиться.

У французов принято выпускать экзотических бабочек. Бабочка – это символический образ невесты, улетающей в новую жизнь. Французские молодожены дарят своим гостям небольшие подарки в виде коробочек с засахаренным миндалем (*dragées*).

Главный свадебный десерт – это крокембуш (от фр. *croquer en bouche* в пер. с фр. – хрустит во рту). Он представляет собой пирамиду их круглых профитролей, скрепленную карамелью или растопленным шоколадом, гости мероприятия сами отламывают шарики десерта руками. Согласно поверью, если жених и невеста поцелуются над этой пирамидой, не опрокинув ее, то их ждет счастливый брак. Когда молодые уезжают со свадебного банкета, к месту их первой брачной ночи приезжают их друзья, чтобы устроить *charivari* (кошачий концерт). Гости стучат по горшкам и сковородам, поют фальшиво серенады, молодые приглашают их к себе ненадолго. Выпив и перекусив, они оставляют молодоженов одних [Свадебные традиции во Франции].

Одна из самых необычных французских традиций – свадебный *la soupe*. По окончании банкета гости собирают остатки еды с праздничного стола и перемешивают их в специальном горшке, который продается в отделе свадебных товаров. Главные ингредиенты этого блюда – шоколад и шампанское. Горшок отправляют в дом молодых, чтобы те выпили его содержимое, тем самым доказывая свою близость.

На севере Франции существует еще одна традиция, новобрачные подносят яйца в дар святой Кларе. Подношение яиц, считающихся символом жизни и плодородия, обычно происходит в монастыре, покровительницей которого является святая Клара – хранительница мира и согласия в браке. А поскольку имя Клары изначально имеет значение «ясная», традиция гласит, что эта святая может обеспечить хорошую погоду в день свадьбы. В наше время больше распространены денежные пожертвования в пользу монастыря, так называемые «бумажные яйца» – а взамен монахини молятся о хорошей погоде от имени молодоженов.

ЛИТЕРАТУРА

- Кона И. Словарь по этике. Изд. 4-е М.: Издательство политической литературы, 1981. 547 с.
- Hamdi Acar. Demir Zelik İşzisi. Safranbolu: İlkokul Mezunu, 2005. 72 p.
- Milenkaya K. A., Zhbannikova M. I., Traditional Turkish And Cossack wedding ceremonies: general and peculiar (Safranbolu And Cossack Village Nizhne-Kundryuchenskoj Examples) // Научный альманах стран Причерноморья. 2018. Том 15. № 3. С. 24-38.
- Французская свадьба – традиции и последовательность ритуалов. URL: <https://psvadba.ru/francuzskaya-svadba.html#i-8> (дата обращения 28.10.2024)
- Особенности французской свадьбы. URL: <https://oslo.ru/svadba-po-francuzski-v-chyom-eyo-osobennosti.html> (дата обращения 28.10.2024)

Demidova, S. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

CULTURAL FEATURES OF WEDDING ETIQUETTE IN TURKEY AND FRANCE

The report examines the common features and unique features of the wedding etiquette of Turkey and France, with an emphasis on their cultural values and historical features. Traditional wedding ceremonies, rituals and rituals, clothing and accessories, views on the role of men and women in the family and society, as well as the role of family and friends in the preparation and conduct of the wedding, as well as the modern attitude of people to wedding customs and rituals are explored.

Wedding etiquette, culture, cultural values, traditions

УДК 811.111

С. О. Демидова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

svetlanademidova03@mail.ru

Н. В. Степанова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

nathalie.tresjolie@icloud.com

ОТРАЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДВЫБОРНЫХ ЛОЗУНГАХ

В докладе рассматриваются примеры предвыборных лозунгов американских политиков с точки зрения реализации в них ценностей, присущих американской культуре. Исследуется роль, которую воплощенные в языке ценностно значимые понятия играют в процессе персуазивного воздействия политического лозунга на потенциального американского избирателя. В результате исследования была выявлена лингвистическая актуализация следующих ценностей: достижения и успех, оптимизм, изменения и прогресс, патриотизм, свобода, индивидуализм, демократия.

Политический лозунг, американские ценности, американская культура, политический дискурс, медиаполитический дискурс

Политический лозунг представляет собой особый жанр медиаполитического дискурса. Слоган может выступать как часть более объемного текста, однако предвыборные лозунги часто функционируют в контексте электорального события как отдельные речевые высказывания, предельно сжатые по форме, но ясные и выразительные (данное свойство лозунга называют лапидарностью), а также способные оказывать словесное воздействие на человека, «воспринимаемое им без критической оценки» (свойство суггестивности) [Шейгал, с. 345]. Конечной коммуникативной целью предвыборного лозунга является побуждение потенциального избирателя отдать голос в пользу агитирующего политика, что представляется возможным благодаря персуазивной силе этого типа политического высказывания, иначе называемой «императивно-убеждающей» функцией политического дискурса [Вавилова, Галиева, с. 493]. Помимо формы прямого призыва к голосованию побуждение адресата осуществляется с помощью информационного воздействия с целью сформировать в его сознании определенную политическую картину мира (в этом состоит директивная функция лозунга) [Васильева, с. 80].

Так, озвучивая политическую позицию, ценности и партийную принадлежность кандидата, предвыборные лозунги могут носить пропагандистский характер. Лингвистическим ядром подобных лозунгов часто являются так называемые лозунговые слова, или политические аффективы, обозначающие ценностно-значимые понятия (свобода, равенство, демократия, справедливость, мир, отечество) и обладающие эмоциональной, «ударной» силой, способной предотвратить возможность критической оценки высказывания у реципиента (избирателя) [Шейгал, с. 349–350]. Именно лексем-аффективы, используемые в предвыборных лозунгах, позволяют сделать вывод о том ценностном наборе, который находит отклик у массового избирателя, и, следовательно, актуален для современного американского общества.

Далее на примерах рассмотрим, какие именно ценности американской культуры отражают предвыборные лозунги политиков трех последних президентских кампаний США: 2016-го, 2020-го и 2024-го гг. Материалом для исследования суммарно послужили 27 лозунгов, отобранных из открытых интернет-источников методом сплошной выборки. Предварительно были изучены основные ценностные компоненты американской культуры. Заключительным этапом исследования стал дискурсивный и стилистический анализ лозунгов с точки зрения лингвистической актуализации данных ценностей.

Среди фундаментальных ценностей, присущих национальному характеру американцев, исследователи публичных речей Э. Стил и Ч. Риддинг выделяют **достижения и успех** (achievement and success) [Steele, Redding, 1962]. Примером призыва стремиться к успеху является лозунг предвыборной кампании Э. Суолуэлла (E. Swalwell) 2020-го г. (1) *Go Big. Be Bold. Do Good.* (*Будьте успешны. Будьте смелы. Творите добро.*) Коммуникативная цель данного политического слогана состоит в мотивировании граждан к действиям, направленным на улучшение их благополучия в широком смысле (*go big*) и на то, чтобы способствовать благополучию других (*do good*).

В следующем предвыборном лозунге кампании М. Хакаби (M. Huckabee) 2016-го г. – (2) *From Hope to Higher Ground* (*От надежды к возвышению*) – ценность достижений и успеха приобретает форму веры в «успешное» будущее страны и ее граждан, реализуясь как имплицитное обещание такого будущего адресантом. Эпитет *higher* связан с концептом «подъема», а метафора физического перехода «в более высокое место» (*Higher Ground*) относится к более высокому положению государства, которое, как подразумевается, будет достигнуто в случае победы кандидата и может заключаться, например, в декларируемом им повышении уровня благополучия, будущем экономическом росте и пр.

Аналогичная ценностная идея отражена в лозунге (3) *A Future To Believe In* (*Будущее, в которое стоит верить*), использованном Б. Сандерсом (B. Sanders) в 2016-м г., а также в лозунге (4) *Our best days still lie ahead* (*Наши лучшие дни все еще впереди*) кампании Д. Байдена (J. Biden) 2020-го г. В последнем примере очевидно прослеживается и другая идея, являющаяся национальной ценностью для американцев, а именно идея **оптимистического взгляда** (effort and optimism).

Апеллируя к желанию избирателя оправдать собственные надежды на процветающее, успешное будущее, политики США обращаются к таким клишированным историческим понятиям американской культуры как «американская мечта» (American dream) и «обещание Америки» (Promise of America), а именно к идее возродить, переосмыслить данные концепты и «претворить их в жизнь» в обновленном виде. Примеры таких лозунгов: (5) *Defeat the Washington Machine. Unleash the American Dream* (*Победим машину Вашингтона. Дадим волю американской мечте*) и (6) *Reigniting the Promise of America* (*Возрождая обещание Америки*) Т. Круза (T. Cruz) 2016-го г.; (7) *A New American Dream* (*Новая американская мечта*) В. Рамасвами (V. Ramaswamy) 2024-го г.; (8) *Rediscover America's Promise* (*Откроем для себя заново американское обещание*) М. Пенса (M. Pence) 2024-го г.

Не менее значимая роль в современном американском обществе отводится ценностям **патриотизма** (patriotism), который также называют «национальной религией» США [Яковлева, с. 269; Чернышова, Черникова, 2024]. К предвыборным лозунгам, апеллирующим к чувствам национальной гордости и единства избирателей, можно отнести следующие: (9) *One Nation. One Destiny* (*Одна нация. Одна судьба*) Д. Кастро (J. Castro), (10) *Our Best America Yet!* (*Наша лучшая Америка на сегодняшний день!*) Г. Джонсона (G. Johnson) 2020-го г.; (11) *For America's Best* (*На благо Америки*) А. Хатчинсона (A. Hutchinson), (12) *Fighting for the Best of America* (*Сражаясь во благо Америки*) Д. Бергама (D. Burgum), (13) *Stand For America* (*За Америку*) Н. Хейли (N. Haley), (14) *We've Got A Country To Save* (*Мы должны спасти страну*) Л. Элдера (L. Elder), (15) *Faith in America* (*Вера в Америку*) Т. Скотта (T. Scott) 2024-го г. Общим для данных политических заявлений является использование лексемы названия государства (*America*), выполняющей роль аффектива. Эмоциональное воздействие также обусловлено собирательным понятием *nation*, аффективами *destiny*, *faith*, которые задают возвышенный тон лозунга, и эпитетом *best* по отношению к государству.

Обратившись к таким лозунгам как (16) *Make America Great Again!* (*Сделаем Америку снова великой!*) кампании Д. Трампа (D. Trump) 2016-го г., ставшим прецедентным для последующих лозунгов кампании 2020-го г.: (17) *Keep America Great* (*Сохраним Америку великой*), (18) *Make Our Farmers Great Again* (*Сделаем наших фермеров снова великими*), а также лозунгу Р. Десантиса

(R. DeSantis) 2024-го г. (19) *Our Great American Comeback* (*Наше великое американское возвращение*), можно сделать вывод о значимости идеи **величия** Американского государства и американского народа (в частности, фермеров) в агитационном патриотическом дискурсе республиканцев.

В противовес риторике консервативной партии, значительная часть пропаганды демократической партии отражает распространенные среди американцев **ценности свободы, индивидуализма и независимости** (freedom, individualism and independence), имеющие под собой весомую историческую основу [Яковлева, с. 265]. Концепт FREEDOM выражается также в лозунгах (20) *Live Free* (*Живите свободно*) либертарианца Г. Джонсона и (21) *The Way to Freedom* (*Путь к свободе*) республиканца Р. Бинкли (R. Binkley) при помощи однокоренных лексем. Лозунг 2024-го г. (22) *Declare Your Independence* Р. Ф. Кеннеди-младшего (R. F. Kennedy Jr.) семантически воплощает ценность личной независимости гражданина, характерную для индивидуалистического общества США.

Ценность политического устройства **демократии** (democracy) также нашла отражение в предвыборных лозунгах американских политиков, например, (23) *Take. Our. Democracy. Back.* (*Вернем. Нашу. Демократию*) Б. Глейба (B. Gleib) 2020-го г. и (24) *Reclaim Democracy* (*Возродим демократию*) упомянутого Р. Ф. Кеннеди-младшего. В двух лозунгах присутствует призыв «вернуть» демократию, как следует из экстралингвистического контекста, «необходимую» американскому народу.

Активно реализуются в форме лозунгов ценности **перемен и прогресса** (change and progress), например, с помощью эпитета *new* с семантикой новизны в слогане кандидата в президенты в 2016-м г. М. Рубио (M. Rubio) (25) *A New American Century* и слогане (26) *A New Beginning* (*Новое начало*) кандидата М. Уильямсон (M. Williamson) 2024-го г., а также посредством аффектива *change* в лозунге Д. Филлипса (D. Phillips) (27) *It's Time for Change* (*Настало время перемен*) (2024 г.). Так, новое воспринимается в сознании массового американского избирателя как нечто лучшее, а общественные перемены, потенциально возможные в случае победы политика на выборах, как положительный феномен.

Таким образом, можно сделать вывод, что апелляция к культурным ценностям, разделяемым широкой аудиторией избирателей, является распространенной стратегией современных американских политиков. Установлено, что к таким ценностям как патриотизм и идея национального величия Америки как государства и американцев как ее граждан чаще обращаются кандидаты-члены Республиканской партии, а выявленные ценностные ориентиры на личную свободу, демократию, индивидуализм и независимость, а также идея успеха и «светлого» будущего, стремление

к переменам и прогрессу успешно реализуются в предвыборных лозунгах политиков различной партийной принадлежности: республиканских, демократических и либертарианских, включая независимых кандидатов. Можно сказать, что в данном контексте национальная культура тесно переплетается с политическим дискурсом. Перспективным представляется дальнейшее исследование данной взаимосвязи с целью более глубокого понимания современных тенденций, развивающихся в американском обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Вавилова Ж. Е., Галиева А. М. Перед лицом угрозы: исследование политического дискурса на материале речей американских президентов // Медиалингвистика. 2023. Том 10, № 4. С. 478–496.
- Васильева М. А. Коммуникативно-прагматические и лингвостилистические особенности англоязычных политических лозунгов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2011. С. 80-82.
- Чернышова Л. А., Черникова Е. Л. Языковые особенности общественно-политического дискурса: на примере сопоставления политических речей британских и американских политиков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Том 17. Выпуск 1. С. 85–90.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
- Яковлева А. В. Американский образ жизни и американские ценности // Вестник костромского государственного университета. 2009. С. 264-269.
- Presidential campaign logos and slogans, 2024 – Ballotpedia. URL: https://ballotpedia.org/Presidential_campaign_logos_and_slogans,_2024 (дата обращения: 31.11.2024)
- Steele E. D., Redding W. C. (1962). The American Value System: Premises for Persuasion, Western Speech. URL: https://changingminds.org/explanations/values/american_values.htm (дата обращения: 31.11.2024)

Demidova, S. O., Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

REFLECTION OF AMERICAN CULTURAL VALUES IN MODERN ELECTION SLOGANS

Election slogans of American politicians are considered from the point of view of the expression of values inherent in American culture. The role of linguistic concepts naming culturally significant values in the process of persuasive impact of a political slogan on a potential American voter is also investigated. The study revealed the linguistic actualization of the values of achievement and success, optimism, change and progress, patriotism, the values of freedom, individualism and democracy.

Political slogan, American values, American culture, political discourse, political media discourse

УДК 81'42

А. А. Забоева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

azaboyeva@gmail.com

А. Л. Соколова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

alsokolova@etu.ru

КИНЕМАТОГРАФ КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА КУЛЬТУРЫ КАДЖУНОВ В СЕРИАЛЕ «TRUE DETECTIVE»)

В статье рассматривается влияние кинематографа на формирование образов малых этнических групп и анализируется, как культурные особенности подвергаются нереалистичному воспроизведению и стереотипизации. На примере киносериала демонстрируется искажение культурных характеристик в целях достижения художественной целостности.

Кинематограф, кинодискурс, каджуны, стереотипизация, True Detective

На современном этапе развития общества кинематограф как эффективное средство массовой коммуникации продолжает занимать одну из центральных позиций в «конструировании образной системы», ретранслируя прошлый опыт, передавая актуальную информацию, и создавая новые уникальные представления [Lippman, 2004, с. 105]. Его воздействие выходит за рамки развлечения, оказывая существенное влияние на восприятие мира, включая культурные особенности и традиции народов, а также на формирование образов социальных и этнических групп и связанные с ними стереотипы. Через паратекстовые компоненты и аудиовизуальные образы кино демонстрирует культурные, языковые и социальные особенности групп населения, что влияет на восприятие этих сообществ у аудитории. В условиях современного мира, где стремление этносов сохранить свою уникальность сочетается с необходимостью эффективно интегрироваться в глобальное сообщество, изучение кинематографа как средства межкультурного диалога становится особенно актуальным как на интернациональном уровне, так и в рамках одной страны.

Являясь устойчивым средством познания другой культуры, кино не всегда конструирует положительный образ этнических групп. Часто оно фокусируется на стереотипах, что приводит к укреплению негативного восприятия сообщества. И в качестве примера искажения образа субэтнуса средствами киноязыка будет рассмотрена культура каджунов – потомков франкоговорящего населения в Северной Америке. Канадская колония Акадия, откуда в XVIII веке каджуны были депортированы на юг США, дало название субэтносу: «каджун» восходит к фр. *Acadien* – «Акадийский», «Акадиец» [Trepnier, 1991, с. 164]. Активная экономико-политическая экспансия США в XIX веке и последующая дискриминация малых народов обусловили заселение каджунами труднодоступных, отдаленных и диких территорий с целью минимизировать воздействие американизации. В результате, субэтнос, в настоящее время проживающий преимущественно в Луизиане, сумел сохранить свою самобытность и оригинальные черты культуры и языка [Trepnier, 1991]. Так, среди каджунов распространены два диалекта: каджунский английский и каджунский французский. Сформировавшись под влиянием исторического и социального контекстов, а также двуязычия, они имеют уникальные фонетические, лексические и грамматические особенности, и потому служат важными культурными атрибутами, способствуя сохранению субэтнической идентичности каджунского сообщества [Ancelet, 2007].

В американском кинодискурсе культурные особенности каджунов часто используются для создания образов, подчеркивающих их пугающую инаковость и оторванность от современного общества. Исторические предпосылки заселения ими отчужденных болотистых территорий, связанные с попыткой каджунов избежать влияния США, укрепляют стереотипы об их изолированности. Жанровая специфика южной готики с ее гнетущей атмосферой, мистицизмом, акцентом на «социальном упадке, наличии сверхъестественного, насилии и парафилии» способствует конструированию этих образов [Horsley, 2022, с. 15].

Так, в кинодискурсе первого сезона американского сериала «*True Detective*» активно формируется образ каджунов как загадочной и опасной субэтнической группы, самобытность которой неразрывно связана с ареалом их расселения, с болотами Луизианы. Через визуальные образы сельской местности: умирающие поселения, обветшалые жилища, заброшенные здания, покинутые и давно заросшие растительностью деревянные церкви, а также символику, связанную с луизианским религиозным культом, авторы отождествляют быт и жизнь каджунов с мистикой и оккультизмом. В нарративных элементах кинодискурса образы

представителей субэтнуса строятся на их социальной изолированности от внешнего мира: каджуны здесь – это люди, представляющие андеркласс, недоверчивые и настороженные, зачастую враждебно настроенные к внешнему миру. В сериале они необразованны и провинциальны, их речь насыщена грамматическими ошибками и характеризуется частотным употреблением просторечия *ain't* (*Nah, I ain't no idiot*), отсутствием инверсии в вопросительных предложениях (*You tellin' me she ain't done drowned?; They found a woman?*), наличием двойного отрицания (*She ain't got no phone; I ain't never had nobody ask me about him before*), нарушением видовременной глагольной соотнесенности (*She says she found a church*), а также отсутствием согласования подлежащего и сказуемого (*We was in New Roads; People was paid; Our last two tents was vandalized*).

В культуре каджунов тесно переплетены христианство и языческие практики, а за яркостью и чужаковатостью традиционного праздника скрываются секта, пороки и страшные тайны. Для зрителя типичный каджун в сериале «*True Detective*» представляется как антисоциальная, травмированная личность, склонная к депрессии и отчаянию и не чуждая криминальным формам деятельности и зависимостям.

Однако подобное изображение не соответствует действительности и является художественным преувеличением. Напротив, каджунская культура намного более разнообразна, чем зачастую ее транслируют в кинематографе. Она основана на понимании ценности природы, уважении к фольклору и своей истории, а также на стремлении сохранить культурное наследие. Одним из ярких примеров продолжения традиционных культурных практик является праздник Марди-Гра, ежегодно знаменующий начало Великого Поста. Он обладает особым субэтническим колоритом и сопровождается костюмированными шествиями под отличительный каджунский музыкальный аккомпанемент, верховой ездой, ритуальной охотой, а также сбором продуктов для приготовления национального блюда – гамбо – как символа единения, крепких социальных связей внутри сообщества и традиционной преемственности между поколениями [Mulcahy, Naquin, Harper, 2018, с. 6-7].

Другим элементом, отражающим субэтническую идентичность, является каджунский фольклор, выраженный в устрашающих сказаниях и легендах. Так как он не только выполняет нравственно-дидактическую функцию, но и способствует передаче знания об адаптации к непростым условиям обитания. Так, легенда о *feu follet* рассказывает о потенциальных опасностях болот, демонстрируя, как «блуждающий огонек» (фр.) способен сбить путников с тропы [Coe]. Аналогично, *grunch* – монстр из каджунских сказок – служит

важным напоминанием путешественникам о сохранении бдительности в этих районах, поскольку невнимательность может привести к неблагоприятным и смертельно опасным последствиям [Harper]. Данные сказания побуждают слушателей проявлять осторожность в этой местности и учитывать особенности природных условий.

Образ самих людей, реализованный в упрощенных стереотипах о каджунах как о представителях социального дна, не отражает многогранность субэтнического сообщества. В исследовании «Ethnic self-identification and symbolic stereotyping: the portrayal of Louisiana Cajuns» установлено, что каджунская самоидентификация проявляется в семейных и религиозных ценностях и в таких чертах как «гостеприимство, коммуникабельность и трудолюбие» [Henry, Bankston, 2003]. Несмотря на то, что их культура долгое время подвергалась стигматизации, она сумела сохранить свои оригинальные черты, подчеркивающие ее многогранность. Полученные результаты свидетельствуют о том, что каджуны осознают себя через призму длительной и уникальной истории, традиций и активного вовлечения в общественную жизнь. Данные выводы позволяют провести грань между действительностью и образом, представленным в кинодискурсе сериала: изображением каджунов как безнадежных, пропащих, примитивных людей, брошенных на обочину жизни.

В заключение, следует отметить, что кинематограф, выступающий как потенциальное средство укрепления и поддержания межкультурного диалога, также имеет тенденцию конструировать стереотипы, не отражающие действительность. Создатели аудиовизуальных произведений могут намеренно прибегать к упрощенным символическим представлениям в целях удовлетворения художественного замысла. В рассмотренном киноматериале сообщество каджунов выступает значимым элементом при передаче имплицитного смысла нарратива. Стереотипные образы иррациональных, гротескных и пугающих персонажей-представителей субэтнуса усиливают атмосферу тайны и мрака, свойственной для южной готики. Отнесенность сериала «True Detective» к данному жанру обуславливает искаженную репрезентацию каджунов в сериале, что в результате способствует созданию мистической и тревожной атмосферы, тем самым создавая необходимый драматический эффект кинопроизведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
Ancelet B.J. Negotiating the Mainstream: The creoles and Cajuns in Louisiana // The French Review. Montana State University, 2007. Vol. 80. №6.

- Coen C. D. The haunts of Cajun Country URL: <https://www.weirdsouth.com/post/the-haunts-of-cajun-country> (дата обращения: 02.11.2024)
- Harper E. The Grunch Monster: Louisiana's Blood-Sucking Bayou Beast URL: <https://hangar1publishing.com/blogs/cryptids/grunch-monster> (дата обращения: 02.11.2024)
- Henry J. M., Bankston C. L. III Ethnic self-identification and symbolic stereotyping: The portrayal of Louisiana Cajuns URL: https://www.researchgate.net/publication/241718671_Ethnic_self-identification_and_symbolic_stereotyping_The_portrayal_of_Louisiana_Cajuns (дата обращения 01.11.2024).
- Horsley K. The American Southern Gothic on Screen. Amsterdam, Netherlands: Amsterdam University Press, 2022.
- Mulcahy K., Naquin T. & Harper J. Cajun Louisiana: Culture as a Way of Life // The Journal of Arts Management, Law, and Society, 2018.
- Trepanier C. The Cajunization of French Louisiana: Forging a Regional Identity // The Geographical Journal. London, 1991. Vol. 157. №2.

Zaboeva, A. A., Sokolova, A. L.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

**CINEMATOGRAPHY AS A MEANS OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION (BASED ON THE IMAGE OF CAJUN CULTURE IN
THE TRUE DETECTIVE SERIES)**

The article examines how cinematography influences perceptions of ethnic groups. Cultural features that are subjected to absurd reproduction and stereotyping are analysed. The focus is emphasized on the distortion of cultural peculiarities to achieve artistic integrity in a TV series.

Cinematography, cinematic discourse, Cajuns, stereotyping, True Detective

УДК 37

О. Н. Исаева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

o.n.isaeva@bk.ru

СПОРТ, ИНВАЛИДЫ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Статья о работе с инвалидами в Реабилитационном центре Невского района

Инвалиды, реабилитация, организация, Центр

По состоянию на 1 января 2018 года общая численность инвалидов составила 12,1 млн. человек, в том числе численность инвалидов первой, самой тяжелой группы, составляла 1,5 млн. человек (12,1%), II группы – 5,5 млн. (45,8%), III группы – 4,4 млн. человек (36,7%), детей-инвалидов – 655 тыс. человек (5,4%). При этом отмечается такая закономерность: за 2011-2018 гг общее число инвалидов уменьшилось на 8,4%, а численность детей-инвалидов возросла на 20%.

Географически доля людей с инвалидностью распределена равномерно, за небольшим исключением юга России – в Северо-Кавказском и Южных федеральных округах их доля выше, чем в среднем. В сельской местности также наблюдается более высокая доля людей с инвалидностью.

В ходе опроса Левада-центра россиян просили оценить доступность тех мест, которые они регулярно посещают, для людей с инвалидностью. В рамках опроса также ставилась задача проследить, насколько эти объекты инфраструктуры готовы к приему людей, имеющих физические ограничения.

Одним из индикаторов для успешной социальной адаптации людей с инвалидностью является возможность их присутствия в поле зрения общества. Опрос показал, что каждый третий взрослый житель России регулярно, практически каждый день так или иначе контактирует с людьми, имеющими инвалидность и другие ограничения здоровья (33%). Чаще всего, с ними взаимодействуют в своей повседневной жизни люди старших возрастных групп – старше 55 лет. Молодежь, напротив, заметно реже встречает вокруг себя такую категорию людей (21% в сравнении с 38% среди старших возрастов).

Значительной проблемой является одиночество и социальная изоляция людей с инвалидностью. Признание обществом того, они исключаются

из коммуникативной среды, может служить проявлением чувства вины, недостаточного их вовлечения в социум. Примечательно, что люди, непосредственно столкнувшиеся проблемами со здоровьем, отдают этой позиции меньший приоритет. Для них более существенным фактором является отсутствие возможностей по получению квалифицированной медицинской помощи. Абсолютное большинство респондентов на вопрос, какие чувства вызывают у них и среди их окружения люди с ограниченными физическими возможностями, инвалиды, дети с ДЦП, «колясочники» и другие категории наших граждан с разного рода проблемами здоровья, передвижении говорят о сочувствии им, своем (76%) и других (57%). Это свидетельствует о демонстрации «гуманности» или «общественной солидарности» с теми, кто нуждается в нашей помощи, сочувствии, поддержке.

Противоречия современной российской социальной среды распространяются и на проблематику инвалидности. Здесь отмечаются противоречия между провозглашаемой активностью социальной политики и пассивными мерами в отношении инвалидов, противоречия между финансированием материальной поддержки инвалидов и наличием сложной и неэффективной системы льгот, в отношении которой сохраняется стратификация инвалидов, противоречия между громкими декларациями и низким уровнем работы по обеспечению реального включения инвалидов в социум.

Основными проблемами людей с инвалидностью в России являются плохое материальное положение, проблемы с поиском работы и трудоустройством, недоступность городской среды для передвижения людей с физическими ограничениями и неприспособленность для них объектов социальной инфраструктуры. При этом главным барьером окружающей среды, препятствующей интеграции инвалидов и других маломобильных групп населения в социум, остается отношение большинства граждан к таким людям.

Наше государство много внимания уделяет проблеме людей с ограниченными возможностями или с инвалидностью. Им предоставляются бесплатные лекарства по профилю заболевания, раз в два года выделяют путевки в санатории, учитывая профиль инвалидности. Кроме того, люди с инвалидностью могут посещать Центры реабилитации по месту жительства, которые есть в каждом районе. В Центрах реабилитации люди получают специальные медицинские процедуры по своему профилю,

Посещают спортивные залы с разнообразными тренажерами, где тренеры со специальным образованием помогают пациентам Центра индивидуально подобрать упражнения. Для пациентов Центров проводятся как Центрами, так и городом спортивные соревнования по разным видам спорта, в том числе и плаванию, так как Центры оснащены бассейнами, пациенты Центров

участвуют в Конкурсах Бальных танцев на колясках. Город предоставляет лучшие концертные площадки для проведения фестивалей бальных танцев. Так же пациентам центров предоставляются бесплатные билеты на концерты и спектакли, их возят на экскурсии. Люди с инвалидностью не сидят дома, а ведут активный образ жизни. Существует особый вид такси для инвалидов, цена на поездку значительно ниже городской.

СПБ ГБУСОН «ЦСРИДИ Невского района Санкт-Петербурга» на улице Чудновского, дом 4, корпус 1 представляет собой современную модель организации комплексной реабилитации инвалидов, где наряду с традиционными функциональными структурами, обеспечивающими выполнение мероприятий по социально-бытовой, социально-средовой, социокультурной, профессиональной реабилитации, используется потенциал других учреждений и организаций, занимающихся проблемами инвалидов. Реабилитационный центр был основан в 1992 году после распада Советского Союза, когда многие социальные программы были свернуты. В условиях новой экономической реальности возникла необходимость в создании специализированных учреждений, которые могли бы оказывать комплексную помощь инвалидам. Центр стал одним из первых подобных учреждений в городе и получил поддержку от местных властей и благотворительных организаций.

Профессиональная реабилитация – важная часть работы центра. Многие люди возвращаются в профессию благодаря помощи инструкторов отделения профессиональной реабилитации. Пациенты Центра всегда будут благодарны работникам центра за неоценимую помощь в процессе профессиональной реабилитации и возвращении в социальную и профессиональную жизнь. Для повышения эффективности реабилитации в Центре организовано взаимодействие на одной площадке учреждений различной ведомственной принадлежности: образования, здравоохранения, медико-социальной экспертизы, физической культуры и спорта. Совместная деятельность позволяет принимать коллегиальные решения по вопросам оптимизации реабилитационного процесса, увеличивать поток клиентов, оценивать результаты выполненной реабилитационной программы.

Реабилитационный центр инвалидов Невского района Санкт-Петербурга является важным социальным учреждением, которое оказывает помощь людям с ограниченными возможностями здоровья. Центр предоставляет широкий спектр услуг, направленных на улучшение качества жизни своих пациентов, включая медицинскую, социальную и психологическую поддержку.

Центр работает по нескольким основным направлениям:

1. Медицинская реабилитация. Пациентам предоставляются услуги физиотерапии, массажа, лечебной физкультуры и других видов медицинской помощи. Специалисты центра помогают восстановить утраченные функции организма и улучшить состояние здоровья.

2. Социальная адаптация. Центр помогает своим пациентам адаптироваться к жизни в обществе, обучает навыкам самообслуживания и общения. Проводятся занятия по обучению компьютерной грамотности, кулинарии, рукоделию и другим полезным навыкам.

3. Психологическая поддержка. Психологи центра оказывают помощь в преодолении эмоциональных трудностей, связанных с инвалидностью. Проводится индивидуальная и групповая терапия, тренинги и консультации.

4. Трудовая реабилитация. Центр организует курсы профессиональной подготовки и трудоустройства для своих пациентов. Это позволяет им стать более независимыми и уверенными в себе.

Реабилитационный центр активно сотрудничает с различными государственными и общественными организациями. Например, совместно с Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга проводятся мероприятия по поддержке инвалидов, такие как фестивали, выставки и спортивные соревнования. Кроме того, центр взаимодействует с благотворительными фондами и частными спонсорами, которые предоставляют финансовую и материальную помощь. Это позволяет центру расширять свои возможности и улучшать качество предоставляемых услуг.

Работа реабилитационного центра инвалидов Невского района города Санкт-Петербург играет важную роль в улучшении качества жизни людей с ограниченными возможностями. Благодаря профессионализму сотрудников и поддержке общества, центр продолжает развиваться и помогать своим пациентам преодолевать трудности и достигать новых высот.

ЛИТЕРАТУРА

Жизнь инвалидов URL: <https://dislife.ru/materials/2379> (дата обращения 02.09.2024).

Сайт СПб ГБУСОН «ЦСРИДИ Невского района Санкт-Петербурга» URL: <http://csridi.ru> (дата обращения 02.09.2024).

Isaeva, O. N.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

SPORTS, DISABLED PEOPLE, TOLERANCE

Article is about working with disabled people in the Rehabilitation Center of the Nevsky District

Disabled people, rehabilitation, organization, Center

УДК 23\28

Е. И. Косарева

Невский Институт Языка и Культуры (НИЯК)

Kosarevaei94@gmail.com

РЕЛИГИОЗНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЯПОНИИ И РОССИИ: ОТ ИЕЗУИТОВ К ПРАВОСЛАВИЮ

В статье исследуется история христианства в Японии, а также культурные и религиозные связи между Японией и Россией в этой области. Внимание уделено начальным этапам проникновения христианства на японские острова, начиная с миссионерской деятельности иезуитов в XVI веке, а также роли русских православных миссий, начиная с XIX века. Освещается вклад русских миссионеров, таких как святитель Николай Японский (Иван Касаткин), которые заложили основы для японского православия и оставили значительный след в культурной истории Японии.

История христианства в Японии, иезуиты в Японии, миссионерская деятельность, гонения на христиан, православие в Японии

В 2018 году мероприятия, проведенные в России в рамках Года культуры России и Японии, еще раз продемонстрировали, насколько важен опыт XIX века для понимания возможностей сосуществования столь разных религиозных традиций, как синтоизм и православие.

История христианства в Японии имеет давнюю историю. Знакомство японцев с христианством произошло в середине XVI века, когда в 1549 году в Японию прибыл португальский иезуит Франциск Ксаверий. Он провел 2 года в городе Кагосима на острове Кюсю на юге Японии, и ему удалось обратить в христианство около тысячи человек. Это было время, когда Япония активно развивала связи с Западом и интерес к развитию торговых отношений был высок. Однако иезуиты столкнулись с рядом проблем в связи с глубоко укоренившимися местными верованиями – буддизмом и синтоизмом. Несмотря на тот факт, что японцы принимали христианство, делали они это скорее из интереса привлечь торговые корабли в свои владения. Иезуиты старались воздействовать в первую очередь на высокопоставленных лиц и князей, чтобы через них христианство распространялось на их владения [Бертова, 2017].

К 1570-м годам христианство начало набирать популярность среди самураев и торговцев. Священные тексты переводились на японский язык, в Киото по инициативе японских феодалов был построен храм «Нанбан-дзи», что в переводе на русский язык означает «храм южных варваров». В храме

проводились мессы и обряды, встречи с японскими знатными семьями, которые интересовались европейской культурой. Иезуиты обучали местных жителей западным наукам, например, медицине и астрономии. Связи активно развивались, в 1583 году в Европу была отправлена миссия из четырех японских юношей, которые в течение пяти лет путешествовали по Европе изучая христианскую культуру. Они также удостоились аудиенции Папы Римского [Томас, 1996].

Со временем, когда влияние христианства в японском обществе усилилось, политическая элита стала видеть в нем угрозу. Влиятельный полководец Тоётоми Хидеёси, который стремился к объединению страны и усилению центральной власти, опасался, что распространение христианства вызовет ослабление правительства в южных регионах, где христианство получило особое распространение. А также, что европейские державы могут использовать миссионеров для начала колонизации страны. Первый эдикт о запрете христианства был издан в 1587 году. Он предписывал всем иностранным миссионерам покинуть Японию и запрещал японцам проповедовать христианскую веру. Хотя многие миссионеры продолжили свою деятельность тайно, указ положил начало официальному полному запрету христианства [Бертова, 2017, с.19].

После смерти Тоётоми Хидеёси к власти пришел сёгунат под управлением Токугава Иэясу, который поначалу относительно терпимо относился к христианству, однако со временем стал все больше опасаться влияния иностранцев на японское общество, религию и политику. В 1614 году был издан второй эдикт, окончательно запретивший христианство в Японии. Этот указ стал началом повсеместных гонений на христиан. Тех, кто отказывался отречься от веры подвергали пыткам и казням. Появился ритуал публичного отречения, который назвался «эфумиэ». Японцев заставляли топтать и плевать на изображение Иисуса и Девы Марии, чтобы доказать свое отречение. Местные власти активно поощряли доносы [Бертова, 2017].

Кульминацией гонения стало Симатабарское восстание в 1637-1638 годах. Это было крупное вооруженное восстание крестьян, недовольных репрессиями. Оно было жестко подавлено, были убиты десятки тысяч участников. Впоследствии это привело к еще большим ужесточением репрессиям и закрытию страны на более двух столетий. Христианство ушло в подполье, многие христиане стали «тайными христианами» – они скрывали свою веру и проводили христианские обряды под видом синтоистских и буддистских ритуалов. Это сообщество существовало в изоляции до XIX века, когда в Японии вновь установилась религиозная свобода [Бертова, 2017, с.191] Гонения на христиан стали важным эпизодом в истории Японии. Ужесточение

политики привело к подавлению христианской веры, последствия которого ощущались ещё долго после открытия Японии в период Мэйдзи.

С конца XIX века ситуация начала меняться. В 1861 году, ещё до открытия Японии, Русская Православная Церковь отправила в портовый город Хакодате, на острове Хоккайдо, молодого священника Ивана Касаткина (в монашестве Николай Японский) (1836 – 1912), где он начал работу при консульстве Российской империи. Николай Японский изучал японский язык и религиозные традиции. Начав свою миссионерскую деятельность в далекой Японии, став основателем Православной церкви в Японии, архиепископом Русской церкви, почётным членом Императорского православного палестинского общества, он вскоре понял, что для успеха православной миссии нужно не только переводить тексты, но и адаптировать их с учётом культурных особенностей Японии. Он перевёл на японский язык множество текстов, включая Священное Писание, Евангелие и большинство богослужебных текстов, посвящая этому делу четыре часа ежедневно на протяжении тридцати лет.

В 1859 году при русском консульстве в Хатодате была открыта первая православная церковь. В 1870-е годы Николай основал первую японскую православную общину. Одним из первых крещённых был бывший самурай Савабе Тацусабуру, который стал активным проповедником. Община стала основой будущей Японской православной церкви. Благодаря искусной дипломатии отец Николай смог заложить основы культурного обмена между Россией и Японией. Его усилиями и настойчивостью по решению Святейшего Синода в Японии была основана постоянная Православная духовная миссия.

Главным проектом Николая стало строительство собора Воскресения Христова в Токио, называемого «Дом Николая», которое было завершено в 1891 году. Его усилия сыграли ключевую роль, он взял на себя как организацию проекта и руководство, так и сбор средств на строительство, к которому привлекал пожертвования во время проповедей в разных городах России.

Положение японских православных христиан осложнилось во время русско-японской войны 1904-1905 годов. Существовало опасение поддержки Российской Империи с их стороны. Святитель Николай призвал японских православных сохранять верность своей стране, что способствовало сохранению японской православной общины. После смерти Николая в 1912 году Японская Православная Церковь (ЯПЦ) продолжила своё развитие, хотя и столкнулась с трудностями, особенно после Октябрьской революции в России в 1917 году. С приходом советской власти ЯПЦ на некоторое время потеряла поддержку России, что усложнило её функционирование. Тем не менее она продолжила свою деятельность [Казанович, 1997], [Бертова, 2017].

После Второй Мировой войны, в 1946 году была предпринята попытка по воссоединению ЯПЦ с Московским патриархатом, однако по политическим причинам она не увенчалась успехом. ЯПЦ перешла под юрисдикцию Американской православной церкви. В 1969 году вновь начали проходить переговоры о воссоединении между русской и японской церквями. В 1970 году японская церковь восстановила связь с русской церковью, начав своё служение как Японская автономная православная церковь [Бертова, 2017].

На настоящий момент ЯПЦ остается одной из немногих восточно-христианских общин в Азии. Она продолжает действовать как автономная структура, находящаяся под юрисдикцией Московского патриархата. Японская православная церковь остаётся важной частью религиозной жизни Японии и продолжает выполнять миссию, заложенную святителем Николаем Японским, сохраняя своё культурное и духовное наследие, оставаясь значимым символом взаимопонимания между Россией и Японией.

ЛИТЕРАТУРА

- Бертова А.Д. Христианство в Японии: Опыт историко-религиоведческого анализа. Санкт-Петербургский филиал ФГУП "Издательство "Наука", 2017.
- История отношений с Токио: основание Православной церкви в Японии URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21251> (дата обращения: 23.10.2024).
- Казанович В. И. История православной миссии в Японии. Москва: Издательство Московской Патриархии, 1997.
- Томас Д. М. Относительная терпимость: Введение христианства в Японию. Лондон: Routledge, 1996.
- Christian today. URL: <https://www.christiantoday.co.jp/> (дата обращения: 23.10.2024).
- The secret world of Japan's "Hidden Christians" URL: <https://www.bbc.com/reel/video/p0b3fjnr/the-secret-world-of-japan-s-hidden-christians> (дата обращения: 23.10.2024).

Kosareva, E. I.

Nevsky Institute of Language and Culture

RELIGIOUS AND CULTURAL TIES BETWEEN JAPAN AND RUSSIA: FROM JESUITS TO ORTHODOXY

The article explores the history of Christianity in Japan, as well as the cultural and religious ties between Japan and Russia in this context. It focuses on the early stages of Christianity's arrival on the Japanese islands, beginning with the Jesuit missionary activity in the 16th century, as well as the role of Russian Orthodox missions starting from the 19th century. The contribution of Russian missionaries, such as Saint Nicholas of Japan (Ivan Kasatkin), is highlighted, who laid the foundations for Japanese Orthodoxy and left a significant mark on Japan's cultural history.

History of Christianity in Japan, Jesuits in Japan, missionary activities, persecution of Christians, Orthodoxy in Japan

УДК 81'42

Д. С. Левкевич

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

darialevkevich@gmail.com

А. О. Чупахина

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID org/0009-0006-3998-5179

alexandra.chupakhina@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА

В докладе описываются особенности религиозного дискурса как институционального типа дискурса. Рассматриваются трактовки религиозного дискурса в отечественной лингвистике. Представлена актуальность исследования, а также анализируются отличительные черты функционирования религиозного дискурса в коммуникации.

Религиозный дискурс, институциональное общение, религиолект, хронотоп

Религиозная сфера коммуникации глубоко укоренена в мировоззренческих установках и культурных традициях каждого народа. Она затрагивает не только вопросы веры и духовности, но и проникает в повседневные аспекты жизни, влияет на социальные нормы, моральные ценности и коллективные идеалы.

В настоящее время исследование религиозного дискурса является актуальным с точки зрения его междисциплинарного характера. Изучение религиозного дискурса осуществляется в теологии, философии, психологии, социологии и культурологии, что позволяет расширить потенциал лингвистической теории за счёт привлечения достижений из смежных областей знания. Во-вторых, религиозный дискурс представляет интерес в рамках аксиологических исследований – в религиозной коммуникации актуализируется система ценностей, которая позволяет раскрыть механизмы формирования, трансляции и сохранения важных для общества ценностей. Особое внимание заслуживает и жанровое разнообразие религиозного дискурса, которое складывалось на протяжении длительного исторического периода. Исследование религиозных жанров может позволить понять не только природу рассматриваемого типа дискурса, но и принципы религиозного общения в целом [Бобырева, 2007].

Обратимся к определению религиозного дискурса. Е. В. Бобырева рассматривает религиозный дискурс как институциональное общение, целью которого является приобщение человека к вере или укрепление веры в Бога [Бобырева, 2007]. По мнению М. А. Прилуцкого, религиозный дискурс – это совокупность коммуникативных действий, как вербальных, так и лишенных вербального сопровождения, направленных на передачу, сохранение и развитие религиозных представлений [Прилуцкий, 2008].

По определению В. И. Карасика, религиозный дискурс относится к институциональному типу дискурса и является специализированной клишированной разновидностью общения между людьми, коммуникация между которыми происходит в соответствии с нормами социума [Карасик, 1999]. К основным характеристикам институционального дискурса относят нормативность, клишированность, иерархичность, апеллятивность, целостность\системность [Попова, 2015].

Нормативность религиозного дискурса определяется его контекстуальной обусловленностью. Значение многозначных слов зависит от контекста, тогда как смысл широкозначных слов (эврисемантов) раскрывается только в разговоре. Некоторые слова используются только в конкретных религиозных контекстах. Конфессиональные языковые единицы могут иметь как конкретные, так и глубокие сакральные, мистические и символические значения [Алексеева, 2011]. Многие лексические единицы и синтаксические конструкции, используемые в религиозном дискурсе, непонятны среднестатистическому адресату [Воробьева, 2020], а значение некоторых лексических единиц проявляется только в религиозном общении; вне контекста которого они теряют свои специфические смыслы, что делает их частью терминологии института религии [Алексеева, 2011]. Клишированность религиозного дискурса заключается в своде устоявшихся моделей поведения, например, молитвы и таинства, которые имеют набор действий и речевых оборотов [Карасик, 1999].

Отличительная черта религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, к которому обращены молитвы, псалмы, исповеди в ряде конфессий. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации – священника и прихожанина. Религиозная коммуникация характеризуется жесткой иерархией базовых участников, формирующейся на основе участия в религиозной деятельности [Карасик, 1999].

Развитие религиозного дискурса определяется его собственными целями, важнейшей из которых является приобщение человека к Богу, т.е. получение поддержки; очищение души; призыв ближних к вере и покаянию; утверждение

верующих в вере; осознание через ритуал своей принадлежности к той или иной конфессии. Структура религиозного дискурса включает в себя: участников, хронотоп, цели, ценности, стратегии, материал, прецедентные тексты, дискурсивные формулы. Тем самым, религиозный дискурс имеет четкую систему, в которой отражены все элементы дискурса, каждый из которых обладающие своим набором функций [Синицына, 2014].

Таким образом, исследование религиозного дискурса позволяет раскрыть механизмы формирования и сохранения ценностей, значимых для общества. Это выражается через специфические языковые формы, символические значения и нормы поведения, которые помогают верующим укрепляться в своей вере и осознавать свою принадлежность к религиозной общине.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева М. О. Специфика религиозного дискурса как объекта исследования // Вестник московского университета. – 2011. – № 22. Т. – С. 59-68
- Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореф. дис. Д-р Фил. наук: 02.11.2024. – Волгоград. СПб, 2007. – 45 с
- Воробьева С. Н. Религиозный дискурс: эстралингвистические и лингвистические особенности // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2. – С. 80-81.
- Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. – Волгоград: Перемена, 1999.
- Попова Т. П. Характеристики институционального дискурса // ИСОМ. 2015. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristik-i-institutsionalnogo-diskursa> (дата обращения: 01.11.2024).
- Прилуцкий А. М. Семиотическое пространство религиозного дискурса как предмет религиоведческого исследования: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2008.
- Синицына Ю. Н. Особенности и специфика религиозного дискурса. // Культурная жизнь юга России. – 2014. – №2. – С. 53.

Levkevich, D. S., Chupakhina, A. O.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

FEATURES OF THE STUDY OF RELIGIOUS DISCOURSE

The paper describes the features of religious discourse as an institutional type of discourse. Treatments of religious discourse in Russian linguistics are considered. The relevance is presented, and the distinctive features of the functioning of religious discourse in communication are analyzed.

Religious discourse, institutional communication, religiolect, chronotope

УДК 811.111

А. С. Маркелов*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

alexander677@yandex.ru

Н. В. Степанова*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

nathalie.tresjolie@icloud.com

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА FREEDOM
В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВЫБОРНЫХ ДЕБАТОВ)**

В докладе рассматривается репрезентация концепта FREEDOM в современном американском медиаполитическом дискурсе на примере предвыборных дебатов. Проводится семантико-когнитивный анализ с выявлением структурных и содержательных компонентов концепта. В результате исследования были определены основные когнитивные признаки концепта FREEDOM: отсутствие ограничений в действиях, решениях и выборах (независимость), в частности, право принимать решения в отношении собственного тела (права женщин), право высказывать собственное мнение, освобождение от надзора/контроля.

Freedom, концепт, семантико-когнитивный анализ, свобода, политика, медиаполитический дискурс

Концепт как основная единица когнитивной лингвистики является основополагающим конструктом в процессах мышления, мировосприятия, категоризации мира. В отечественной науке концепт исследовали Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев [Болдырев, 2009], В. И. Карасик [Карасик, 2003], А. П. Бабушкин [Бабушкин, 1996] и др.

Концепт трактуется как мысленное образование, которое замещает неопределенное множество предметов, действий; как обобщенная мыслительная единица, отражающая и интерпретирующая явления действительности в зависимости от образования, личного и социального опыта носителя языка [Кубрякова, 1999].

Настоящее исследование ориентировано на анализ концепта FREEDOM как одного из ведущих когнитивных конструктов американской лингвокультуры, стоящего в одном ряду с концептами EQUALITY и DEMOCRACY [Воротникова, 2010].

Понятие свободы составляет основу картины мира американцев и является для них одним из основных ценностных ориентиров. Рассматриваемый концепт относится к числу базовых концептов-регулятивов, который формирует мировоззрение индивида и социума, регулирует поведение индивидов в обществе [Попова, 2019]. Его сущность состоит в бинарном противопоставлении свободы и несвободы.

Исследование проводилось на актуальном материале, представленном расшифровками американских предвыборных дебатов: дебаты между Д. Трампом и К. Харрис [Harris-Trump presidential debate transcript] от 11 сентября 2024 г. общим объемом 30 стр.; дебаты между Д. Трампом и Д. Байденом [Biden-Trump debate transcript] от 27 июня 2024 г. общим объемом 33 стр.; дебаты между сенатором Д. Вэнсом и губернатором штата Миннесота Т. Уолзом [Vice Presidential Debate in New York City] от 1 октября 2024 г. общим объемом 31 стр.

Исследование осуществлялось в соответствии с подходом к анализу концепта, разработанным отечественными лингвистами: С. Г. Воркачевым [Воркачев, 2007], В. И. Карасиком, Г. Г. Слышкиным [Карасик, Слышкин 2001, 2003]. Методологической базой исследования является семантико-когнитивный анализ, предложенный И. А. Стерниным и З. Д. Поповой [Стернин, Попова, 2005]. На первом этапе концепт (а именно концептуализирующая единица FREEDOM и ее синонимы) исследовался с использованием лексикографических источников, поскольку именно они отражают наиболее устойчивые когнитивные признаки; на втором этапе рассматривалась объективизация лексемы FREEDOM и ее синонимов на эмпирическом материале – в дискурсе американских политических дебатов 2024 г.

Обратимся к исследованию.

При определении ядра и информационного содержания концепта FREEDOM с использованием словарей *Merriam-Webster*, *Oxford English Dictionary*, *Cambridge Dictionary*, *Collins English Dictionary* были обнаружены следующие дефиниции:

– качество или состояние свободы, то есть отсутствие необходимости или ограничения в действиях или выборах, освобождение от рабства или независимость [Merriam-Webster];

– возможность действовать без ограничений, свобода действий [Oxford English Dictionary];

– право жить так, как этого хочет сам человек, право высказывать свои мысли и принимать собственные решения без контроля со стороны [Cambridge Dictionary];

– состояние, когда дозволено делать то, что хочет человек [Collins English Dictionary];

– в других значениях FREEDOM – освобождение заключенных и рабов, свобода от тех или иных чувств, например, от боли.

Лексикографические источники предлагают следующие синонимы концептуализирующей единицы FREEDOM: *liberty, autonomy, self-determination, civil liberty, exemption from control, sovereignty, relief.*

Таким образом, когнитивными признаками ядра концепта FREEDOM являются: **1) отсутствие ограничений в действиях, решениях и выборах (независимость); 2) право высказывать собственное мнение; 3) освобождение от надзора/контроля; 4) свобода от боли.**

Перейдем к анализу эмпирического материала.

Приведем высказывания К. Харрис в предвыборных президентских дебатах с Д. Трампом от 10 сентября 2024 г.:

– *I think the American people believe that certain **freedoms**, in particular **the freedom to make decisions about one's own body**, should not be made by the government;*

– *...the majority of Americans believe in a woman's right to make decisions about her own body;*

– *...the people of America have voted for freedom;*

– *I will be a President that will protect our **fundamental rights and freedoms including the right of a woman to make decisions about her own body** and not have her government tell her what to do;*

– *Donald Trump left us the worst **attack on our democracy** since the Civil War; ...**fundamental freedom to make decisions about your own body**... / ...**a basic freedom has been taken from the women of America: the freedom to make decisions about their own body** (из интервью Камалы Харрис для NBC News 23 октября 2024 г.) [Harris-Trump presidential debate transcript].*

Анализируя риторику К. Харрис, можно выделить объективизацию следующих когнитивных признаков концепта FREEDOM: **свобода как гражданское право, свобода как демократия, фундаментальное право принимать решения, касающиеся тела человека.** Отметим, что последний признак обнаруживается лишь в эмпирическом материале и относится к ближней периферии концепта, так как данные дефиниции не были обнаружены при работе со словарными источниками, при этом признак является достаточно частотным. К. Харрис также объективирует признак **фундаментальное право принимать решения, касающиеся тела человека** по отношению к женщинам, что, очевидно, представляет собой отсылку к закону о запрете абортов.

Эмоционально окрашенные лексемы *fundamental freedom, attack on democracy*, которые в своей речи употребляет К. Харрис, позволяют сделать вывод о том, что исследуемый концепт действительно является основополагающим в дискурсе политика. В высказываниях Т. Уолза также прослеживается использование концепта FREEDOM как инструмента воздействия на электорат. Губернатор Миннесоты употребляет выражение *pro-freedom* и неоднократно повторяет его, относя себя и представителей демократической партии к людям, поддерживающим права индивидов.

Рассмотрим высказывания Т. Уолза на вице-президентских дебатах от 1 октября 2024 г.:

– *And the idea that **freedom** really means something. Not the freedom of government to be in your bedroom or exam room, but the freedom for you to make choices about yourself;*

– *We're **pro-freedom** to make your own choice; we are **pro-freedom** for women to make their choices;*

– *We can be a big and diverse country where we respect **people's freedom of conscience**.*

Риторика Т. Уолза схожа с высказываниями К. Харрис. В дискурсе губернатора вербализуются такие когнитивные признаки исследуемого концепта как **свобода выбора, свобода выбора женщин**, а также новый признак – **свобода совести**.

В американском медиаполитическом дискурсе, представленном предвыборными дебатами, образный компонент концепта FREEDOM связан с такими единицами, как *freedom for you to make choices about yourself, freedom of conscience, fundamental rights and freedoms*. Когнитивный образ относится к дальней периферии концепта и представлен когнитивными признаками **свобода совести, идеалы свободы**. Интерпретационное поле рассматриваемого концепта, которое можно условно разделить на две категории «свобода выбора» и «отсутствие надзора/контроля», включает в себя такие единицы, как *free will, freedom of choices, freedom from control, the state of being free*, а также единицы, номинирующие рассмотренные ранее признаки **фундаментальное право принимать решения, касающиеся тела человека, свобода выбора, свобода выбора женщин** на ближней периферии. Таким образом, концепт FREEDOM является в большей степени оценочным, чем эмоциональным.

Согласно результатам проведенного исследования, к ядру концепта FREEDOM относятся когнитивные признаки, воплощающие **отсутствие ограничений и внешнего контроля**, а также **право высказывать собственное мнение**. В дискурсе дебатов данные признаки получают

конкретизацию. Так, на ближней периферии акцент смещается на **права и свободы в отношении тела человека**, на гендерные аспекты (**права и свободы женщин**), на дальней периферии **свобода** воплощается как идеал, к которому стремятся американцы, и как **свобода совести**.

К перспективам исследования можно отнести продолжение работы над семантико-когнитивным анализом медиаполитического дискурса США с целью дальнейшего анализа потенциальных изменений в концепте FREEDOM в современных реалиях с учетом новых тенденций.

ЛИТЕРАТУРА

- Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма. 2005. 352 С.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1993.
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996. 104 с.
- Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М. Русские словари, 1996. 416 с.
- Воркачев С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: Монография; под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.
- Воротникова Ю. С. Свобода в американской демократической системе: о том, как ее понимают президенты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoboda-v-amerikanskoj-demokraticeskoy-sisteme-o-tom-kak-ee-ponimayut-prezidenty> (дата обращения: 01.11.2024).
- Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке) // Изв. АН Сер. Лит. и яз. 1999; Т. 58, №5-6.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания. Методология современной психолингвистики. Сб. статей. Москва; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. научных трудов / Под ред. И. А. Стернина Воронеж, ВГУ, 2001.
- Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2006. 226 с.
- Попова Л. Г., Гришенкова Е.С. Концептуальное понимание свободы в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-ponimanie-svobody-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 01.11.2024).
- Cambridge Dictionary URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 01.11.2024).
- Collins English Dictionary URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 01.11.2024).
- Merriam-Webster URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 01.11.2024).

Oxford English Dictionary URL: <https://www.oed.com> (дата обращения: 01.11.2024).

READ: Harris-Trump presidential debate transcript URL: <https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542> (дата обращения: 01.11.2024).

READ: Biden-Trump debate transcript URL: <https://edition.cnn.com/2024/06/27/politics/read-biden-trump-debate-rush-transcript/index.html> (дата обращения: 01.11.2024).

Vice Presidential Debate in New York City URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/vice-presidential-debate-new-york-city> (дата обращения: 01.11.2024).

Markelov, A. S., Stepanova, N. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

**ACTUALIZATION OF THE CONCEPT FREEDOM
IN THE AMERICAN MEDIA POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON THE MATERIAL OF THE ELECTION DEBATES)**

The report examines the representation of the concept FREEDOM in modern American media political discourse using the example of election speeches and debates. A semantic and cognitive analysis is carried out, identifying the key structural and substantive components of the concept. The results of the study allow us to analyze the relevance of the concept in American culture and consider its modern objectification by politicians in media political discourse.

Freedom, concept, semantic and cognitive analysis, freedom, politics, media, political discourse

УДК 81'25

С. В. Мощева*Ивановский государственный химико-технологический университет*

moshevasv@mail.ru

ИНТЕНЦИЯ УБЕЖДЕНИЯ: МЕТАФОРА КАК КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

В статье рассматривается понятие персуазивной интенции и особенности актуализации в рекламно-маркированном дискурсе. Автором анализируется одна из имплицитных форм интенции убеждения, а именно метафора как тактика косвенной репрезентации речевого намерения. Выявляется ее полифункциональный характер.

Персуазивная интенция, метафора, имплицитная форма, косвенный речевой акт

Персуазивная интенция – это намерение убедить в правильности суждения продуцента сообщения. Интенция убедить в «правильности» своего решения требует выбора определенных тактик поведения, которые основаны на понятиях убеждения и внушения и являются двумя основными формами воздействия одного лица на другое. Согласно исследованиям В.М. Бехтерева, «словесное убеждение обыкновенно действует на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, то есть идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике» [Бехтерев, 2015, с. 29].

Тактики косвенной репрезентации речевого намерения продуцента сообщения основаны на том, что адресант передает комплексное значение, которое включает транспонирование одной иллокутивной силы в другую. В данном случае значение, которое имеет в виду продуцент, отличается от буквального значения высказывания, т.е. прагматическое значение сообщения шире его семантического значения.

Проведенное исследование выявило, что ряд лексических средств используется не только для интенсификации речевого поведения, но и для косвенной репрезентации речевого намерения продуцента. Сюда мы относим метафору и ее частные случаи исполнения.

Метафорические высказывания построены на соотношении экспликатуры и имплицатуры – прямого и косвенного иллокутивных актов. Причем, небуквальное (вторичное) значение устанавливается адресатом на основе языковой компетенции. Процесс интерпретации метафорического речевого акта, согласно Дж. Серлю, предполагает понимания того, что для продуцента «*S* есть *P*» означает «*S* есть *R*» [Серль, 1990]. Декодирование реципиентом метафорического высказывания осуществляется не только

на основе владения языковой компетенцией, но и на основе понимания определенной коммуникативно-прагматической ситуации, а также владения общими с продуцентом фоновыми знаниями.

Наше исследование указывает на тот факт, что персуазивный феномен в рекламе проявляется в представлении не столько товара, услуги, личности и др., сколько в описании результата от владения предметом, позитивного эффекта. Процесс убеждения всегда целенаправлен, ориентирован на запланированный эффект, причем метафора и ее частные случаи проявления (метонимия, синекдоха) активно вовлечены в данный процесс. Очевидно, что язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира, акцентируя антропоцентрическую интерпретацию, т.е. соотнося окружающий мир с собственно человеческим масштабом, с ценностно-определенными стереотипами его восприятия.

Подобная ценностно-ориентированная и управляемая стереотипами модель поведения индивида позволяет выделить наиболее активные способы «потакать» стереотипам и сложившимся в различных группах (социальных, возрастных, гендерных и др.) ценностным предпочтениям. Таким образом, в массиве рекламных примеров, в которых продуцент прибегает к метафоре с целью реализации персуазивной интенции, можно выделить следующие активные направления ее актуализации [Мощева, 2018, с. 135]:

1) *здоровье и красота* («Вдохните жизнь в ваши ноги» – реклама геля для ног; «Чтобы сокрушить боль, нанесите ответный удар! Солпадеин – мощное оружие, бьющее точно в цель!» – реклама лекарственного препарата; «The skin rediscovers its youth» – реклама крема «Biotherm»; «She is my East and my West, my compass» – реклама парфюмерной линии «Ruby Rose»);

2) *гендерные аспекты* («Men's Fitness – Мужской путь к успеху!» – реклама журнала «Men's Fitness»; «Ревлон – революция цвета для женских губ» – реклама губной помады; «Черная магия, магия ароматов, магия ночи. Для тебя» – реклама женского аромата «Черная магия»; «A truer measure of man's ability» – реклама часовой марки «Seiko-watches»; «Women: Stand up for your right to sit down at dinner time» – социальная реклама; «Armani Code – the secret code of women» – реклама парфюмерной линии «Giorgio Armani»);

3) *качество и стабильность* («Реактивный интернет ADSL обеспечит полет по ночным сетям» – реклама тарифного плана «Ночь +»; «FordFocus. Все дороги в твоих руках!!!» – реклама машины марки «Ford»; «Intel Inside» – реклама компьютера «Intel»; «Longines. The architects of time» – реклама часов «Longines»; «You're in good hands» – реклама страховой компании «Allstate»);

4) *развитие и перспектива* («Движение к счастью!» – реклама автомобиля «Opel Vectra»; «Один шаг до мечты!» – реклама строительной

компании; «Live unbuttoned» – реклама компании «Levi's Jeans»; «Dexia offers its clients innovative products and services. Its long-term understanding of their needs opens up horizons of lasting commitment» – реклама компании «Dexia»);

5) *эмоциональная сфера* («Поговорим о цвете ярком, как крик, нежном, как шепот» – реклама губной помады «Avon»; «Чай со вкусом лета» – реклама напитка «НайсТи»; «Окупись в прохладу Lipton Ice Tea» – реклама чая; «Slicing Up Freshness» – реклама «Arby's»; «Buy a bucket of chicken and have a barrel of fun» – реклама «KFC»; «It's like a mouth full of joy» – реклама «Kraft Foods»; «Life tastes good» и «Open Happiness» – реклама «Coca-Cola»; «A taste of paradise» – реклама шоколадного батончика «Bounty»).

Следует обратить внимание, что социальная англо- и русскоязычная реклама добивается реализации интенции убеждения с помощью эксплуатации «ментальных штампов», которые идентично воспринимаются в разных социальных и языковых сообществах. Это борьба с курением и алкоголем, бережное отношение к детству и уважительное к возрастным группам и т.д. По этой причине в ряде случаев метафора актуализируется за счет креолизации.

Анализируя представленные выше примеры, построенные с использованием метафоры как косвенного речевого акта, отмечаем, что значимая часть представлена ассертивными высказываниями с игнорированием предикативной части. Обращение к метафоре подчинено конкретной коммуникативно-прагматической ситуации и запланированному перлокутивному эффекту. Этот факт объясняет использование метафоры либо в качестве смягчения, либо усиления речевого поведения в процессе реализации персуазивной интенции.

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерев В. М. Гипноз. Внушение. Терапия. М.: Книговек, 2015.
 Мощева С. В. Интенциональность речевого поведения: система средств интенсификации. М.: КноРус, 2018.
 Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Moshcheva, S. V.

Ivanovo State University of Chemistry and Technology

PERSUASIVE INTENTION: METAPHOR AS AN INDIRECT SPEECH ACT

In the article the concept of persuasive intention and the peculiarities of its actualization in an advertising marked discourse are considered. One of the implicit forms for persuasive intention realization, namely a metaphor, as an indirect representation of the speech intention, is analysed by the author. Its multifunctional nature is revealed.

Persuasive intention, metaphor, implicit form, indirect speech act

УДК 323.173:323.28(549.1) “200”

Е. И. Никитин

Российский государственный педагогический университет

имени А. И. Герцена

iegorkurts@yandex.ru

ЭТНИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В XXI ВЕКЕ. СЛУЧАЙ ПАКИСТАНА

Научная работа посвящена исследованию этнического терроризма в XXI веке на примере Пакистана. В центре внимания находятся террористические движения белуджей и пуштунов, их исторические корни, социально-политические предпосылки и перспективы развития. Анализируются причины возникновения конфликтов, особенности идеологии и тактики этнических группировок, а также возможные пути урегулирования кризисных ситуаций. Работа представляет собой глубокий анализ актуальных проблем современного терроризма с акцентом на региональные особенности и специфику этнополитических процессов в Южной Азии.

Терроризм, этнический сепаратизм, Пакистан, этнический конфликт

Целью данной работы является рассмотрение феномена этнического терроризма в XXI веке на примере двух пакистанских народностей: белуджей и пуштунов.

Актуальность работы заключается в обострении этнических конфликтов и их последствий в 21 веке. Пакистан, являясь одним из ключевых государств в Южной Азии, сталкивается с острыми проблемами в сфере этнических отношений, что оказывает существенное влияние на стабильность как внутри страны, так и в регионе. Эскалация этнических конфликтов в Пакистане может привести к дестабилизации региона, в особенности в контексте сложной политической ситуации в Афганистане. Глубокое понимание причин и механизмов этнических конфликтов является необходимым условием для разработки эффективных стратегий их предотвращения и разрешения.

Этнический терроризм – система действий насильственного характера направленную на борьбу против ущемления прав и интересов нации или этнической группы. Целью этнического терроризма является изменение государственного строя или правового статуса территориального образования. Зачастую, этническому терроризму присущи сепаратистские идеи и вместе с тем он часто пересекается с другими видами незаконной насильственной деятельности – партизанской войной, восстаниями [Ланцов, 2008, с. 25].

На активную деятельность террористов и распространение экстремистских идей на территории Южной и Центральной Азии оказывают влияние два основных фактора: внешние – влияния различных акторов мирового уровня на политику региона и внутренние – особенности государственного строения, а также внутренняя политика государств.

Рассматривая ситуация Пакистана, следует понимать, что различные террористические группировки имеют в своей основе принцип этнического сепаратизма. Ныне Исламская Республика Пакистан дробится на различные радикальные религиозные ячейки, сюда также накладывается консолидация этнических групп: белуджей, пуштунов и синдхов. Эта консолидация, в большинстве своем, имеют агрессивный настрой по отношению к другим этносам и в перспективе стремится к созданию собственной государственности.

Эта ситуация осложняется религиозным экстремизмом – результатом действий США в 70-ые и 80-ые года XX века: поддержки фундаментального ислама, моджахедов и лагерей подготовки привела к радикализации населения и открыла дорогу в жизнь таким организациям как «Талибан» и «Аль-Каида» [Рабуш, 2017]. Ведущий российский пакистановед В. Я. Белокреницкий указывал на особенность государственного строительства Пакистана: «Возникнув на религиозной основе, Пакистан в какой-то мере опроверг теорию непременно этно-национального базиса современных государств» [Белокреницкий, 2005, с.6].

В данный момент «Талибан» является одним из главных игроков на политической арене Пакистана, да и вообще Юго-Западной Азии. Эта организация оказывает внешнее воздействие на Пакистан в качестве власти в Исламском Эмирате Афганистан. Также эта организация действует внутри самого Пакистана как самостоятельный филиал «Техрик-е Талибан Пакистан». Одной из главных целей, декларируемых «Талибаном», является создание самостоятельного государства на северо-западе Пакистана, где проживает пуштунское население: «...угроза талибанизации Пакистана сводится в основном к пуштунскому фактору. Ибо хотя не все пуштуны, конечно же, талибы, но почти все талибы – пуштуны» [Галимов, 2024, с.383]. Замысел талибов состоит в свержении правительства, что объединяет их деятельность с другими исламскими фундаменталистами региона.

Внутренняя же политика основывается на решениях выгодных центру, но невыгодных окраинам, что формирует негативный образ Центра и вызывает естественный подъем недовольства среди представителей меньших народностей. Недовольство белуджей обостряется из-за находящихся на территории Белуджистана запасов газа и нефти, от эксплуатации которых

местное население ничего не получает, а центр не инвестирует в регион достаточно для развития ресурсы. Также малая представленность белуджей в органах власти существенно ослабляет их возможности легальной борьбы за развитие региона, создавая тем самым перспективу для террористической деятельности. Помимо этого постоянно растущее население (5-е в мире в данный момент), неконтролируемые территории на границы с Афганистаном («Зона Племен» – субъект Исламской Республики Пакистан Территория племен федерального управления), граница делящая пуштунский этнос на 2 государства (Линия Дюранда – граница между Афганистаном Пакистаном) – все это факторы способствующие этносепаратистским настроениям и насилию по этническому признаку [Хашханов, 2015].

Из-за перечисленных проблем белуджи избрали террор как один из основных способов борьбы и представлены такими организациями как: «Армия освобождения Белуджистана» и «Белуджская либеральная армия». Их целью также является создание независимого государства – Великого Белуджистана. Сама провинция Белуджистана занимает почти половину территории Пакистана, но проживает на ней лишь около 5% населения, из которых 39% – белуджи [Васильев, 2012].

Отличительной особенностью развития терроризма в Пакистане является расширение ареала действий различных формирований. Если ранее эта область ограничивалась территорией племен федерального управления, Северо-западной провинцией и Белуджистаном, то ныне террористы ведут активную деятельность в Пенджабе, Исламабаде и других регионах. В 2024 году террористы еще более активизировались в связи с приближающимся саммитом ШОС в Пакистане. Так, террористы открыто заявляют, что планируют сорвать саммит, и только в течение 2024 года совершили порядка 3 терактов с общим количеством пострадавших более ста человек. В свете перечисленных факторов некоторые эксперты говорят о возможной распаде Пакистана и превращении региона в подобие распавшейся Югославии, где помимо всего прочего будет идти активная борьба за ядерный арсенал Пакистана.

Продолжающаяся активность боевиков в Пакистане, в особенности сепаратизм белуджей и пуштунов – вызов не только для целостности Пакистана, но и для безопасности соседних государств и регионов, в том числе, соседствующих с Россией [Хашханов, 2015].

ЛИТЕРАТУРА

Белокреницкий В. Я. Предпосылки, причины и процесс образования Пакистана / В.Я. Белокреницкий [Текст] // ПАКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ. – М.: Научная книга, 2005. – С. 6-61.

- Васильев Л. Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии // Россия и мусульманский мир. 2012. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-borby-s-terrorizmom-v-tsentralnoy-i-yuzhnoy-azii> (дата обращения: 10.10.2024).
- Галимов Р. ПОДХОДЫ ПАКИСТАНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЮЖНОЙ АЗИИ // ORIENSS. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-pakistana-v-obespechenii-bezopasnosti-v-yuzhnoy-azii> (дата обращения 02.11.2024).
- Ланцов С. А. Этнический терроризм и борьба за национальное освобождение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2008. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskiy-terrorizm-i-borba-za-natsionalnoe-osvobozhdenie> (дата обращения 10.10.2024).
- Рабуш Т. В. Оказание администрацией США непрямой военной поддержки афганским моджахедам в 1980-е годы // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/okazanie-administratsiey-ssha-nepryamoy-voennoy-podderzhki-afganskim-modzhahedam-v-1980-e-gody> (дата обращения 13.10.2024).
- 7th Population and Housing Census – Detailed Results URL: <https://www.pbs.gov.pk/digital-census/detailed-results> (дата обращения 31.10.2024).

Nikitin, E. I.

Herzen State Pedagogical University of Russia

ETHNIC TERRORISM IN THE TWENTY-FIRST CENTURY. THE CASE OF PAKISTAN

The research paper is devoted to the study of ethnic terrorism in the XXI century on the example of Pakistan. The focus is on the terrorist movements of Baluchis and Pashtuns, their historical roots, socio-political prerequisites and development prospects. It analyses the causes of conflicts, the peculiarities of ideology and tactics of ethnic groups, as well as possible ways of resolving crisis situations. The work is an in-depth analysis of the current problems of modern terrorism with a focus on regional peculiarities and specifics of ethno-political processes in South Asia.

Terrorism, ethnic separatism, Pakistan, ethnic conflict

УДК 81'373.45

А. А. Подопригорова

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

anna.podoprigorowa@gmail.com

В. Н. Малышева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

malvaleriam@gmail.com

СВОЕОБРАЗИЕ СУБКУЛЬТУРЫ КОСПЛЕЕРОВ И ЕЕ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ВОСТОЧНЫМИ КУЛЬТУРАМИ

В статье рассматриваются отличительные черты субкультуры косплея. Она является важной составляющей современной культуры, поэтому для понимания ее особенностей необходимо рассмотреть терминологию косплея, а также описать связь с восточными культурами. Рассматривается, как элементы мифологии, традиционного костюма и традиционные жесты влияют на создание образов и представление его на дефиле или фотографии. Подробно освещается проблема стереотипного отношения к данной субкультуре, что негативно сказывается на восприятии в обществе

Косплей, субкультура, гетеростереотипы, массовая культура

На сегодняшний день субкультура косплея сталкивается со множеством стереотипов, которые затрудняют ее адекватное восприятие в обществе. Изучение косплея позволяет разрушить искаженное представление, показать глубокие художественные и культурные аспекты этого направления. Косплей является важной частью современной культуры, так как это направление вбирает в себя культурное наследие разных стран и показывает их многообразие.

Относительно субкультура имеется ряд ложных домыслов, которые искажают представление о ней. Подобные предрассудки связаны со сравнением косплееров с аниматорами, мнением, что косплей – хобби для детей, сформированное только на основе аниме-культуры. Однако, в субкультуру входят как несовершеннолетние, так и возрастной группы 25 лет и старше; кроме аниме культуры косплей включает в себя игры, комиксы, книги и т.д., и задачи косплей-сообщества выходят за рамки развлечения. Подобные предрассудки рождаются из-за ограниченных знаний

о субкультуре и ее специфике, поэтому важно разобраться, что из себя представляет данный феномен, какие содержит отличительные черты.

Что такое косплей

Термин *косплей* происходит от англ. *costume play* «практика копирования и воссоздания образов, поведения, и показ костюма персонажа массовой культуры» [Пушкарева, 2021, с 1]. Человека, который делает косплей, называют *косплеер*.

Первый косплей, согласно приведенной трактовке этого слова, датируется 1939 годом, но только к середине 50-х годов XX века традиция косплея относительно сформировалась в Японии и США. Начиная с 1990-х, субкультура распространяется по всему миру, и процесс популяризации продолжается до настоящего времени. В России субкультура появилась в 1990-х годах, но закрепились в 2010-х годах [Телегина, Астафьева, 2019].

Субкультура косплея базируется на массовой культуре Японии и Китая, черпая вдохновения в традиционных костюмах, например, ханьфу и кимоно; в современной поп-культуре, например, аниме и компьютерных играх компании Noooverse; в мифах и легендах. Она также в меньшей степени вбирает культурное наследие других стран: работы киностудии Marvel, медиакорпорации The Walt Disney Company, видеоигр компании Riot Games, книжных вселенных Дж. К. Роулинг и т.д.

Терминология сферы косплея

В косплей-сообществе существуют термины для обозначения специальных понятий, процессов и составляющих, которые относятся к данной деятельности:

Закос – фотография незаконченного образа, которая помогает косплееру понять, подходит ли ему персонаж и стоит ли ему что-то изменить, чтобы получить желаемый результат. Обычно в закосах не используется профессиональная студия или съемка.

Канон – образец (идеал), которому необходимо следовать, чтобы в точности воспроизвести персонажа, это проявляется в точной копии костюма, повторения укладки парика как в оригинале.

Фест – сокращенно от слова «фестиваль», мероприятие для любителей косплея; в основе фестиваля лежит программа сценических выступлений (*дефиле*). Люди могут приходить как в образе, так и без него, потому что это место является объединением людей, у которых схожий интерес к данной теме.

Отыгрыш – актерское отыгрывание персонажа от первого лица на сцене.

Фандом – от англ. *fandom* «сообщества, участники которого объединены интересом к хобби, культурному произведению».

Помимо людей, которые занимаются косплеем в целом, существуют люди, которые специализируются на определенной области косплея, например:

Крафтер – от англ. *craft* «мастер», который специализируется на изготовлении костюмов (аксессуаров и др.). Соответственно, *крафтом* можно обобщенно назвать детали, которые нужно изготовить для воплощения героя или героини.

Вигмейкер – от англ. *wig* «парик» и *maker* «создатель», «человек, который занимается созданием или укладкой париков». Для полного попадания в канон используют именно парик, который может имитировать причёску выбранного персонажа.

Термины *канон*, *фест*, *фандом*, *вигмейкер*, *крафтер*, *крафт* заимствованы из английского языка, так как в русском языке нет подобных лексических аналогов. Косплееры могут работать на международную аудиторию, поэтому при создании постов или туториалов, т.е. пошаговая инструкция или объяснение для освоения навыка, удобнее использовать английский язык как международный, что упрощает восприятие терминов. Существует небольшой пласт лексики из восточных языков: *дундуха*, *ханьфу*, *хаори*, *хакама*, имена персонажей или существ мифологий: Инугами, Кицунэ и т.д. Однако, эти слова могут встречаться в речи при обсуждении образа, но они не имеют специфического значения в субкультуре. В речи могут встречаться усечения некоторых заимствованных терминов, которые используются с целью экономии времени, и это может выражать склонность косплееров к неформальной речи. Примерами усечений являются *кос* «косплей», *фест* «фестиваль», *лейс* «лейсфронт», *фотос* «фотосессия».

Связь идеологии косплея с восточной культурой

Косплей предполагает не просто копирование образов персонажей, а именно воплощение их в жизнь с возможностью интерпретации образа. Из этого следует, что в косплее ценится творческая свобода, которая выражается в способности показать индивидуальное видение во время создания или отыгрыша персонажа, возможности вносить авторские детали или полностью воссоздавать образ, основываясь на собственном представлении. Например, не все персонажи имеют человеческую форму; это могут быть героини фэнтези-вселенных, мифологии и т.д. Тогда косплеер может воссоздавать все детали образа, основываясь на каноничном образе, или создать человеческую версию этого героя. В таком случае узнаваемость образа будет достигаться за счет макияжа, укладки парика и альтернативного костюма, который будет включать в себя отличительные черты персонажа.

Косплей может отражать мифологию других культур, например, на фестивалях часто можно встретить воплощение мифологии Японии или Китая, когда косплееры визуализируют персонажей мифологии: Они, Кицунэ, Тенгу и др. На некоторых фестивалях существует отдельный блок дефиле-выступлений, посвященный восточным существам. Авторы с помощью костюма, парика, макияжа и отыгрыша в целом передают характер и отличительные особенности этих существ. Так, например, персонаж Они представляют как большое существо с красной или синей кожей, приносящие бедствия и сеющие хаос [Сорокина, 2020]. В образе его агрессивность может отражаться с помощью наличия рогов, больших клыков или макияжа. Если автор создает образ по какому-то фандому, он может привнести в канонный образ изменения, добавляя элементы мифологических существ, например, создать маску демона Они. Персонаж Кицунэ представляют, как лисицу, у которой может быть до девяти хвостов, и эта черта находит отражение в косплее в виде создания хвостов, меховых деталей костюма или ушей лисицы. Тенгу считается духом в японской мифологии, который имеет тело человека, длинный нос, большие крылья и когти. В косплее с помощью крафта могут создаваться крылья или когти, чтобы передать внешние черты этого существа.

В косплее также возможна ситуация смешения культур. Это реализуется в *кроссовере*, ситуации, в которой происходит смешение двух и более элементов вселенных, героев. Например, может создаваться аниме-образ, где изображается герой из вселенной «Гарри Поттера» Дж. К. Роулинг. В таком случае, персонаж из японской массовой культуры может создаваться с атрибутикой из приведенной книги: отличительные шарфы, эмблемы факультетов, наличие волшебных палочек и т.д. В одном образе объединяются восточная и западная традиции, что говорит о готовности косплея принять культурное наследие разных стран.

Во время отыгрыша выступления важно передать не только личные качества персонажа, но и культурные особенности, если таковые имеются. Подобный результат может достигаться за счет невербальных аспектов, например, жестов. В выступлениях с образами, отсылающими к культурам Китая и Японии, встречаются традиционные приветствия этих стран. В китайской анимации *дунхуа* показано древнее приветствие, которое было принято более 3-х тыс. лет назад. Оно представляет собой легкий поклон с поднятыми перед собой ладонями, при этом предплечья расположены параллельно полу или ладонью левой руки обнимают кулак правой с небольшим поклоном.

Ложные стереотипы о косплее

Согласно определению У. Липпмана *стереотип* – образец восприятия и интерпретации информации, который формирует восприятие человека на основе прошлого социального опыта [Lippman, 1998]. *Автостереотипами* считаются оценки и суждения о самих себе. *Гетеростереотипы* рассматриваются, как представления одной культуры о другой. Основу подобных представлений составляют «упрощенные ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающие сходные качества между ними и игнорирующие различия» [Садохин, 2014, с. 132].

Существует ряд предрассудков и гетеростереотипов о косплее, которые влияют на восприятие субкультуры. Это связано с тем, что косплей-сообщество считается достаточно молодым в нашей стране, оно только начинает набирать популярность. Люди, не связанные с ним, еще слабо осведомлены о его философии и культурных связях, поэтому они обрастают домыслами.

(1) Считается, что участники данной субкультуры равносильны аниматорам. Косплей не сводится к развлечению других людей и проведению праздников. Его целью является создание и показ образа, популяризация культур других стран с возможностью объединения с единомышленниками, например, на международных или местных фестивалях и конвенциях World Cosplay Summit, Хинодэ. Этот стереотип рождается из-за наличия и в косплее, и в аниматорстве костюма и образа персонажа какой-либо вселенной. Эти сферы, однако, имеют разные цели: в аниматорстве главное – развлечение аудитории на мероприятии, а в косплее – самовыражение, визуализация образов героя и реализация творческих навыков.

(2) Существует мнение, что косплеем занимаются только дети. Однако в данной субкультуре не существует ограничений по возрасту. Многие известные косплееры являются представителями возрастной категории 25 – 30 лет, есть и более старшие члены субкультуры.

(3) Ошибочно мнение о том, что косплей базируется только на аниме. Аниме действительно оказало значительное влияние на косплей, но помимо данного направления косплееры черпают вдохновение для образов в книжных и компьютерных персонажах, а также в героях кино и комиксов.

Косплей подчеркивает разнообразие культурных идентичностей, он становится не только формой самовыражения, но и способом популяризации и визуализации культур. Понимание особенностей данной субкультуры и преодоление стереотипов, связанные с ней, способствует уменьшению межличностных конфликтов.

ЛИТЕРАТУРА

- Пушкарева Т. В., Иванова Е. Ю., Шемякина Е. М. Феномен косплея: культурные прототипы и тренды // Человек и культура. 2021, вып. № 3 С. 1 – 17.
- Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: КИОРУС, 2014. 254 с.
- Сорокина Е. С. Специфика восприятия зла в японской культуре на примере демонов-они// Современные востоковедческие исследования. 2020, вып. № 2(4) С.56 – 64.
- Телегина А. С., Астафьева Т. В. Формирование и развитие фестивалей косплея в США, Японии и России// Вестник КемГУКИ. 2019, вып. № 48 С. 85-90.
- Lippman W. Public Opinion. NY: Macmillan Company, 1998. 233 p.

Podoprigorova, A. A., Malysheva, V. N.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

ORIGINALITY OF THE COSPLAYER SUBCULTURE AND ITS RELATIONSHIP WITH EASTERN CULTURES

The article considers the distinctive features of the cosplay subculture. It is an important part of modern culture; therefore, it is necessary to consider the terminology of cosplay, describe the connection with eastern cultures in order to understand its features. It examines how elements of mythology, traditional costume and traditional gestures influence the creation of images and its presentation on a defile or photo. The problem of stereotypical attitudes towards this subculture is highlighted in detail, which negatively affects the perception in society.

Cosplay, subculture, heterostereotypes, mass culture

УДК 800.92

О. А. Преображенская

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

mminsh@yandex.ru

ФРАНЦУЗСКАЯ СЕМЬЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматриваются новые тенденции в создании семейных союзов в современной Франции; а также меры, предпринимаемые официальными властями для регулирования гендерных отношений, причины и последствия данного явления.

Семья как основная жизненная ценность, стереотип буржуазной французской семьи, радикальные изменения в брачных отношениях, новое законодательство о равенстве полов

Семья была и остается, по мнению 84% французов [Michaud, 1994, с.330], основной ячейкой общества, что было сформулировано в Декларации прав человека 1948 г. Тем не менее характер брачного союза второй половины XX в. претерпевает серьезные изменения.

Девятнадцатый век рисует следующий гетеростереотип идеальной французской супружеской пары. Французы отличаются особенной склонностью к семейной жизни и домовитостью: обыкновенно рано вступают в брак всячески стараясь как можно лучше устроить свой домашний очаг. Самый простой работник ходит по улице почти всегда под руку с женой, прилично и с достоинством [Пуцыкович, 1898, с. 12–16].

Буржуазная семья, архетип которой базировался на авторитарности и стабильности, предполагала единство вида деятельности, общего досуга, взглядов на жизнь. Жены разделяют труды своих мужей, умело и старательно ведут домашнее хозяйство, очень расчетливы, бережливы и всегда любезны и веселы. Даже в богатых классах женщины не любят оставаться без занятия и нередко бывают душой всего дела, дающего средства к жизни всего семейства [Пуцыкович, 1898, с. 20].

Важнейшим свойством национального французского характера является экономность (которая воспринимается представителями других национальностей и даже самими французами как скупость), и со времен великого Мольера именно жена была обязана обладать этим качеством. Приданое жены поступало полностью в распоряжение супруга, замужняя женщина была практически бесправна. Развод в католической стране был

невозможен, искусственное прерывание беременности рассматривалось как преступление. Подобная картина типичной семьи описана выдающимися французскими писателями девятнадцатого века.

Первая мировая война повлекла за собой трансформацию представлений о гендерных ролях и брачных отношениях, но самые радикальные изменения в институте французской семьи относятся к периоду после Второй мировой войны и были особенно интенсивными в 70-90 гг. XX в., что было вызвано рядом причин экономического и социального характера. Обострились конфликты между поколениями (достаточно вспомнить студенческую революцию 1968 г.), наблюдается подъем феминистского движения, что повлекло за собой ряд законов, принятых во Франции. Их действие распространяется на решение широкого круга проблем глобального характера: от политического равенства, вписанного в Конституцию (1944-1946), профессионального равенства и равной оплаты труда (1983) до создания министерства по правам женщин. В 1999 г принцип политического равенства между мужчинами и женщинами вписан в Конституцию, в 2000 г. принят закон о равном доступе к мандатам и должностям.

Конкретные проблемы семьи и брака также были закреплены законами: равенство при распоряжении общим имуществом, развод по взаимному согласию, разделение прав матери-одиночки с отцом, разрешение пользоваться противозачаточными средствами (в католической стране!), отпуск по уходу за ребенком как матерью, так и отцом [LABELL FRANCE, 2002, с.3–7].

По-видимому, результатом «вечного» конфликта поколений в некоторой мере является возникновение нуклеарной семьи (мать, отец, ребенок) Не все молодые пары рассчитывают на помощь бабушек и дедушек. Тем не менее во Франции существуют традиционные «семейные» национальные праздники (День матери, День отца). Однако (по наблюдению автора) поздравления часто ограничиваются открытками или телефонными звонками.

Возникает новая «культура отцовства», что раньше было редчайшим явлением. Традиционный отец воплощал институциональные основы и правопорядок, современный сопровождает и направляет своего ребенка в развитии. «Новое отцовство» основано на уважении к другой личности, к диалогу, чувству, а не только к авторитету. 40% отцов в 2002 г. воспользовались правом двухнедельного отпуска по уходу за новорожденным ребенком. Показательно, что французское масс-медийное пространство успешно подхватило это течение и реализовало его в рекламе, кино и других жанрах [LABEL FRANCE, 2002, с.17–18].

Предпринятые французскими государственными властями законодательные меры (около двадцати законов) уже в восьмидесятые/девяностые годы XX в. имели серьезные последствия: снижение уровня рождаемости, увеличение числа разводов (в 2,5 раза за 20 лет, а в столице больше половины браков), на 30% увеличение количества детей, рожденных вне брака [Michaud, 1994, с. 334].

Новым вызовом французскому обществу в сфере семейных отношений стало появление в восьмидесятых годах смертельно опасной болезни СПИДа, передающейся в основном половым путем. Смерть всемирно известных медийных личностей (Меркьюри, Нуриев) стало знаковым событием, особенно для молодежи, и повлияло на выбор надежного партнера. Французские власти активно реагировали на опасную ситуацию: в учебных заведениях бесплатно можно было получить средства для безопасного секса и сопутствующие медикаменты. Особые задачи были поставлены перед средствами массовой информации (телевидение, внутренние сети МИНИТЕЛЬ, радио, реклама). На средства, выделенные государством, были сняты тематические документальные и художественные фильмы.

Популярнейшим «вариантом» современной французской семьи становится форма брака без официальной регистрации (*concubinage*). Факт существования подобного союза должен подтверждаться двумя свидетелями и сопровождается нотариальным документом или сертификатом мэрии. Последнее обстоятельство имеет большое значение для семьи, поскольку легализует детей и уменьшает налоги.

К традиционным лексемам – номинациям социального статуса семейных отношений (холост, женат, разведен, вдовец) в анкетах в графе «Семейное положение» официально добавляется номинация *concubinage*. Следует отметить, что лексема не имеет в настоящее время отрицательной коннотации, о чем свидетельствует опрос носителей французского языка. Характерно что франко-русский словарь XIX в. дает перевод «наложница», «незаконная жена» как результат трактовки прозрачной мотивировки слова («qui couche avec»).

В традиционном для Франции аспекте внимания к национальному языку разрабатываются и внедряются в жизнь языковые изменения, связанные с статусом женщины как в профессиональном, так и в социальном аспектах. В 1986 г. принят закон о феминизации названий профессий и званий. Появляется ряд лексем как результат работы терминологических комиссий, функционирующих под эгидой государства. Тем самым гармонизируются гендерные роли.

Решительно действуют во Франции ассоциации, выступающие против появления в рекламе образа женщины – рабыни и жертвы, а также против

имиджа, проповедующего «примитивный сексизм». Популярными персонажами рекламы являются молодые отцы с детьми.

Показательной является также и изменившаяся манера поведения супружеских пар, отмечаемая, например, американским гетеростереотипом. Американцы описывают отношения в современных французских супружеских парах, отмечая несколько характерных черт, отличных от семейных уз в США. Так, супруги во Франции не утрачивают личностных качеств, изящного шутивого кокетства (*badinage*) в общении с представителями другого пола; с первого взгляда часто невозможно отличить супругов от холостяков, в то время как в других странах «на лбу написано»: «Никаких шуток, женат (замужем)». В США супружеская пара становится пленником (*prisonnier*) своего официального статуса. По мнению американцев и представителей некоторых европейских стран именно французы нашли «равновесие в отношениях между полами как в дружбе, так и в любви» [Ted Stanger, 2003, с. 153].

ЛИТЕРАТУРА

- Пузыкович Ф. Ф. Французы. Чтение для народа. СПб. 1898.
 Отношения между мужчинами и женщинами: французский опыт. LABEL France. N. 47, 2002. Информационный журнал Министерства иностранных дел Франции.
 Michaud G. Le nouveau guide France. 1994.
 Stanger T. Sacres Français! Un Américain nous regarde. Edition Michalon. 2003.
 Dictionnaire étimologique et historique du Français. Nouvelle édition. Larousse. 1993.

Preobrazhenskaya, O. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

FRENCH FAMILY: TRADITIONS AND MODERNITY

The article examines new trends in the creation of family unions in modern France; as well as measures taken by official authorities to regulate gender relations, causes and consequences of this phenomenon, Family as the main value of life, the stereotype of the bourgeois.

French family, radical changes in marital relations, new legislation on gender equality

УДК 7.097

A. S. Radyshevsky

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Philosophy of Man
hz-kicz.jalilov@yandex.ru

THE META NARRATIVE OF JOKER: FOLIE À DEUX

From the visionary mind of acclaimed writer, director, and producer Todd Phillips comes *Joker: Folie À Deux*, the highly anticipated sequel to the 2019 Academy Award-winning masterpiece *Joker*, which captivated audiences worldwide, grossing over \$1 billion at the global box office and holding the title of the highest-grossing R-rated film of all time until the release of *Deadpool and Wolverine*, which surpassed it with an impressive \$1.312 billion. In this essay, we shall explore the meta-narrative that Todd Phillips integrated into his Joker movies, analyzing why this approach stands out as a unique, bold, and creative decision, as well as the profound meanings it conveys and the controversy that it managed to spread throughout the internet.

Personal identity, rifle, corruption, narrative, incel, courthouse, perception of the character

The Detailed Narrative of Joker. Joker intricately weaves the story of Arthur Fleck, set against the backdrop of a grimy 1970s Gotham City, heavily inspired by the socio-political turmoil of real-life New York during that era. A city rife with corruption, unemployment, and rampant poverty, it paints a stark contrast between the affluent and the destitute; while the rich amass wealth, the poor struggle to survive. Arthur occupies the latter category, scraping by as a part-time clown and sharing a small, cramped apartment with his mother. He relies on a therapist for necessary medication that helps him mask the chaos within, allowing him to feign normalcy in a society he harbors deep contempt for.

Yet beneath the surface of this deeply troubled individual lies a yearning for recognition and affection – his dream is to become a comedian, to garner the love and attention of an audience that remains out of reach. The turning point arrives at the end of the first act when Arthur's therapist is forced to cut ties with him due to budget reductions, cutting off his vital medication. This pivotal event triggers Arthur's gradual descent into madness, ultimately culminating in the grim decision to take the lives of three men on the subway – an act that births his alter ego, the Joker.

The film poignantly emphasizes how society turns a blind eye to Arthur's suffering; he is treated as an outcast, a burden, and an invisible entity in an indifferent world. As a weak, lonely, and utterly pathetic figure struggling with his identity, Arthur barely possesses a defined personality. In stark contrast, the emergence of the Joker captures public attention – people are fascinated and even find purpose in his anarchic acts. This

recognition drives Arthur deeper into his descent; as he fully embraces the Joker persona, he forfeits his true self, donning a grotesque smile intended for the rioters who have rallied around him, receiving the validation he desperately craves.

The film culminates with the Joker confined in Arkham Asylum, planting the seed of doubt regarding the reality of his journey. The suggestion that the entire narrative could be a figment of Arthur's imagination invites the audience to grapple with the concept of an unreliable narrator, leaving us questioning the very nature of his experiences. In this layered portrayal, "Joker" compels its viewers to confront the complex interplay between societal neglect, personal identity, and the consequences of a world that creates monsters from broken men.

Inspiration from "Taxi Driver". The movie draws heavily from Martin Scorsese's psychological thriller filmed in 1976 "Taxi Driver". The overall plotpoints and themes are thematically similar in these pictures. Travis Bickle, being the primary protagonist in "Taxi Driver", shares the similar struggles as Arthur Fleck. Weirdly enough, Robert De Niro, who is the lead actor in "Taxi Driver" plays important side character in "Joker". Both Travis and Arthur are lonely people out of touch with society and themselves, which drives them into violence. The similarities do not end there; the cities themselves serve as significant background characters, portrayed as chaotic, gritty, and rife with corruption. Both films serve as incisive critiques of pressing societal issues, including the neglect of mental health, rampant poverty, loneliness and the far-reaching consequences of violence. They also spark discussions about the consequences of idolizing incel sociopaths. Todd Phillips has acknowledged that "Taxi Driver" stands as one of the most influential films in his life, profoundly shaping his vision for "Joker".

How the sequel came to be. So, if you find yourself in the esteemed shoes of Todd Phillips, how do you even begin to follow up the monumental success of your cinematic triumph? What compels you to pursue a sequel at all? Do you delve deeper into the labyrinthine depths of comic book lore, a territory that may fill you with trepidation? Do you permit Arthur Fleck to evolve into a fictional icon, a burgeoning symbol both revered and reviled? Do you replicate the formula that ensnared audiences the first time, catering to the very same demographic that embraced your vision? Or do you turn a blind eye to the predominantly inflated hysteria that has sprung up around your film? The fervent rallying cries of an incel army eager to don their metaphorical happy face? Or perhaps you choose a different path altogether. You take that staggering \$200 million and deliver a resounding middle finger to everyone – those clamoring for more, those who vehemently opposed a sequel, and everyone caught in the fray in between.

Sequel's Detailed Narrative. Joker: Folie à Deux presents a runtime of 2 hours and 18 minutes that, paradoxically, feels like an expansive four-hour affair. It unfolds primarily as an epilogue to its predecessor, a sprawling narrative that could arguably be distilled into a tight 30-minute vignette. Much of the film

resembles a courtroom musical – a rather confounding choice – where Arthur Fleck becomes a near-mute observer to his own life, enduring a latent sexual assault and mumbling his way through the majority of his screen time.

The setting, predominantly confined to Arkham Asylum and the courthouse, is laden with musical interludes that aim to convey the tumultuous inner workings of Arthur's psyche, particularly when he experiences a fleeting semblance of love in the film's opening act. Yet, this affection is ultimately revealed to be directed not at the man Arthur, but rather at the chaotic specter of the Joker. The film concludes with the tragic demise of Arthur Fleck within the cold confines of Arkham – murdered, utterly alone, in a moment that encapsulates both violent despair and profound pity. This closing scene is vital to the narrative arc and illuminates the director's intricate perception of the character.

Todd Phillips, with a lavish budget of \$200 million, seems to wield this film as a scathing critique of anyone who has ever identified with or idolized Arthur Fleck, positing that such individuals are nothing more than pitiable basement-dwelling losers. Arthur is portrayed as a pathetic, abused narcissist, bereft of intellectual depth. Yet, shockingly, this essential message eludes a considerable segment of the audience. In this way, *Joker: Folie à Deux* subjects its predecessor to a kind of trial, challenging the iconography surrounding the character and implicating those who romanticize his plight. The film compels us to confront the uncomfortable truth about this man – an emblem of societal dysfunction – while simultaneously unraveling the very mythos that has captivated countless fans. This theme warrants deeper exploration in the ensuing discussion, one that interrogates not simply the character of Arthur, but the broader implications of his story within our cultural landscape.

The Courthouse Scene. The essence of *Joker* transcends the very character it purports to represent; it stands as the most disparaged iteration of that iconic comic book figure. Arthur Fleck is not the genius psychopath he longs to embody but rather an impostor – a hollow shell masquerading under the guise of madness. This thematic complexity finds its fulcrum in the film's final act, set within the courthouse, where Arthur boldly asserts to the audience that the Joker is but a mirage; only Arthur exists in his painful reality. In that moment of brutal honesty, he unveils a harsh truth: his followers and the supposed love of his life care not for the man behind the mask, just as we, the audience, are drawn to the allure of the Joker rather than the pitiable individual beneath.

This revelation serves to strip away the facade, exposing a profoundly traumatized, lonely, self-pitying man-child seeking validation in a world that scorns him. The moment Arthur proclaims the Joker's non-existence, locking eyes with us as if to hold a mirror to our own complicity, we are compelled to exit the courtroom alongside his audience, disenchanted. The truth is, people crave the spectacle of the broken man; they recoil from the notion of genuine healing, finding comfort instead in the distorted reflection of chaos that the Joker represents.

This brings us to the conclusion. Now, contemplate this: if the title of the film were not tied to such an universally recognized comic book anti-hero, would we, as an audience, feel the same level of investment? Would we empathize with a character so steeped in despair and isolation, perceiving him as original, profound, and thought-provoking? Could the first installment have achieved its staggering feat of grossing over a billion dollars worldwide? The answer, indubitably, lies in the unmistakable allure of the Joker mythos, which renders Arthur's tragedy not just a personal struggle, but a broader commentary on the human condition's darker undercurrents. And that is meta narrative of Joker: Folie À Deux.

ЛИТЕРАТУРА

- Gorshin M. Analysis of Joker // Infinite Ocean: Mawr Gorshin's mind – expanding writing. – 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://mawrgorshin.com/2020/02/14/analysis-of-joker> (дата обращения – 23.10.2024).
- Gorshin M. Analysis of Taxi Driver // Infinite Ocean: Mawr Gorshin's mind – expanding writing. – 2020 [Электронный ресурс] URL: <https://mawrgorshin.com/2018/05/09/analysis-of-taxi-driver> (дата обращения – 23.10.2024)
- Sean. Joker: Folie À Deux – A Bold and Provocative Sequel that Defies Expectations // Medium. – 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@sean.tsunami/joker-folie-à-deux-a-bold-and-provocative-sequel-that-defies-expectations-64f9ce2b45a1> (дата обращения: 23.10.2024).

Радышевский А. С.

РГПУ имени А.И. Герцена, институт философии человека

МЕТА-НАРРАТИВ ДЖОКЕР: БЕЗУМИЕ НА ДВОИХ

От визионерного ума известного сценариста, режиссера и продюсера Тодда Филлипса выходит фильм «Джокер: Безумие на двоих», долгожданное продолжение шедевра «Джокер», получившего премию «Оскар» в 2019 году, который покориł зрителей по всему миру, собрав более 1 миллиарда долларов в мировом прокате и удерживая звание самого кассового фильма с рейтингом R всех времен до выхода «Дэдпула и Росомахи», который превзошел его с впечатляющими 1,312 миллиарда долларов. В этом эссе мы исследуем мета-нарратив, который Тодд Филлипс интегрировал в свои фильмы о Джокере, анализируя, почему этот подход выделяется как уникальное, смелое и творческое решение, а также глубокие смыслы, которые он передает, и споры, которые ему удалось распространить по всему Интернету.

Личная идентичность, избыливающий, коррупция, повествование, инцел, здание суда, восприятие персонажа

УДК 81'272

Р. Б. Рахматуллин

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

rahmatullin.rodion2012@yandex.ru

К. А. Балаева

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ksubalaeva@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Статья посвящена языковой ситуации и политике Республики Башкортостан. Рассматриваются исторические этапы развития башкирского языка, его роль в системе образования и общественной жизни региона. Особое внимание уделено проблемам сохранения языка и возможным путям их решения. Статья затрагивает роль культурной идентичности и необходимость поддержки башкирского языка в условиях глобализации.

Башкирский язык, языковая политика, Республика Башкортостан, образование, межкультурная коммуникация, языковая идентичность

Республика Башкортостан расположена в южной части Уральских гор, на границе Европы и Азии. С населением более 4 миллионов человек, регион отличается этническим и языковым разнообразием, что делает его уникальным в культурном и языковом плане. Основные этнические группы включают русских (37,5%), башкир (31,5%) и татар (24,2%) [Итоги Всероссийской переписи, с. 190]. Государственными языками являются башкирский и русский, что отражает стремление к сохранению культурной самобытности. Природные ресурсы Башкортостана, такие как нефть и газ, играют значительную роль в экономике не только региона, но и России в целом, что делает его важным культурным и экономическим центром.

Башкирский язык – один из древних тюркских языков, относящийся к кыпчакской группе [Кононов, 1982, с. 256]. Исторически башкирские племена использовали древнетюркское письмо, затем в XVIII–XIX веках перешли на письменность на основе арабского алфавита. На этом этапе язык развивался через устные традиции и письменные источники, включая религиозные и литературные тексты [Кононов, 1982, с. 258]. В советский период, в рамках политики коренизации, башкирский язык получил

официальную поддержку, был введён алфавит на основе латиницы, а затем кириллицы, что содействовало распространению башкирского языка в школах и других образовательных учреждениях. Несмотря на это, русский язык постепенно занял доминирующее положение, что привело к снижению использования башкирского в повседневной жизни, хотя он оставался важным культурным символом для народа.

Сегодня башкирский язык имеет официальный статус в Башкортостане и поддерживается на государственном уровне [Конституция, с. 1]. Власти региона внедряют программы по поддержке башкирского языка, что включает разработку учебных программ, издание литературы и поддержку культурных мероприятий. Однако существуют серьёзные вызовы: число носителей языка уменьшается, особенно среди молодёжи, что связано с усиленной урбанизацией и влиянием русского языка. Основная задача современного периода – поддерживать использование башкирского языка в различных сферах жизни и повышать интерес к нему у молодого поколения.

Образование играет ключевую роль в сохранении и развитии башкирского языка. В детских садах и школах Башкортостана внедрены программы, которые позволяют детям изучать башкирский язык как родной или как государственный. В некоторых школах существуют углубленные программы, на которых часть предметов преподаётся на башкирском языке. В вузах, таких как БашГУ (ныне УУНиТ) и Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, предлагаются программы по изучению башкирского языка и литературы. Эти программы готовят специалистов для работы в системе образования и культурных институтах, что способствует сохранению языка в академической среде и общественной жизни.

Башкирский язык используется в государственных учреждениях и культурной сфере. В республиканских СМИ, таких как телевидение (например, телеканал БСТ), радио и печатные издания, башкирский язык занимает важное место, что способствует его популяризации. Ежегодные культурные мероприятия, такие как концерты, театральные постановки и фестивали, также направлены на сохранение языка. В общественных местах и на указателях в регионах, особенно в сельской местности, башкирский язык широко представлен. Однако в крупных городах, таких как Уфа, русский язык преобладает в визуальной среде, что создаёт дополнительные вызовы для башкирского языка.

Башкирский язык сталкивается с рядом проблем, вызванных урбанизацией, интерференцией русского языка и недостатком учебных материалов и подготовленных специалистов. В семьях сокращается передача башкирского языка следующим поколениям, особенно в условиях смешанных

браков. Важно развивать образовательные и культурные проекты, ориентированные на молодёжь, такие как создание онлайн-курсов и приложений для изучения башкирского языка, проведение культурных мероприятий и языковых клубов. Вовлечение НКО в образовательные инициативы также поможет повысить интерес к изучению башкирского среди молодого поколения и позволит эффективно решить многие из этих проблем.

Сохранение башкирского языка требует комплексного подхода, включающего государственную поддержку, образовательные инициативы и культурные мероприятия. Несмотря на многочисленные вызовы, такие как глобализация и доминирование русского языка, у башкирского языка есть потенциал для выживания и процветания в условиях цифровой эпохи. Усилия государства, образовательных учреждений и общественных организаций играют важную роль в укреплении языкового и культурного наследия Республики Башкортостан.

ЛИТЕРАТУРА

Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения 27.10.2024).

Кононов А. Л. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Л.: Наука, 1972. С. 214.

Конституция Республики Башкортостан: принята Конституционным Собранием Республики Башкортостан 24 декабря 1993 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=145012343&backlink=1&nd=145012741> (дата обращения: 27.10.2024).

Rakhmatullin, R. B., Balaeva, K. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

LINGUISTIC SITUATION AND POLICY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

This article is devoted to the linguistic situation and policy of the Republic of Bashkortostan. It examines the historical stages of the development of the Bashkir language, its role in the educational system and public life of the region. Special attention is paid to the issues of language preservation and possible solutions. The article addresses the role of cultural identity and the need to support the Bashkir language in the context of globalization.

Bashkir language, language policy, Republic of Bashkortostan, education, intercultural communication, linguistic identity

УДК 524.8

М. С. Сытник

*Северо-западный Институт Управления Российской Академии Народного
Хозяйства и Государственной Службы*

msytnik-21@edu.ranepa.ru

А. М. Лесохина

*Северо-западный Институт Управления Российской Академии Народного
Хозяйства и Государственной Службы*

alesoj@yandex.ru

ОБРАЗ КОСМОСА В ПОЭЗИИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА

В поэзии латиноамериканских писателей космос выступает как неиссякаемый источник вдохновения и метафорический образ, отражающий изменяющиеся представления об устройстве мира и месте человечества в нем. На протяжении XX века образ космоса в поэзии претерпел значительную эволюцию, от идеализированных и мистических представлений до более реалистичных и интроспективных обращений. Эта эволюция не только отражает научные достижения и космические исследования, но также фиксирует изменения в культуре, философии и взглядах на мир и человечество. Таким образом, анализ образа космоса в поэзии позволяет глубже понять не только творческий процесс писателей, но и динамику общества и его восприятие вселенной.

Космос, планета, латиноамериканская поэзия, мистика, образ

Латиноамериканские интеллектуалы при свойственном им обостренном восприятии несправедливого мироустройства искренне вдохновлялись идеями социальной справедливости, которые были провозглашены Октябрьской революцией. Неоспоримые достижения России, такие как культурная и промышленная революция 20-30-х годов, победа во второй мировой войне, военное и идеологическое противостояние с США, первый спутник Земли и первый человек в космосе, являлись доказательством правоты теории марксизма-ленинизма [Кофман, 2011, с. 63].

Тема космоса и достижений русских в области инопланетных исследований нашла воплощение в произведениях таких мастеров пера, как Висенте Уидобро, Пабло Неруда и Николас Гильен.

«Альтасор» – это одно из наиболее впечатляющих произведений Висенте Уидобро, написанное в 1931 году. В этом поэтическом произведении переплетаются реальность и фантазия, магия и мистика, создавая удивительный образ космоса, который стал одним из самых запоминающихся

в поэзии. В «Альтасоре» космос представлен не только как бескрайнее пространство, но и как место, где соприкасаются миры реальности и фантазии. Уидобро, написавший это произведение задолго до того, как человек впервые ступил на орбиту, использовал космос как символический образ, в котором смешиваются реальность и магия.

Одной из запомнившихся строк, показательных для «Альтасора», является: «Астрономические объекты, которые я сожрал, хрустят у меня в утробе» [Уидобро, 2021]. Эти слова наиболее точно передают дух произведения, подчеркивая его мистическую и фантастическую атмосферу. Эта строчка иллюстрирует необычное восприятие космоса и мироздания, где границы между сном и явью, между земным и космическим сливаются в единое целое.

Другая выразительная строка из произведения: «Я упал со своей звезды и летел двадцать пять лет подряд» [Уидобро, 2021]. Эту строку можно понимать, как метафору или символическое выражение. В контексте космической темы она может означать уход или отрыв от привычной среды, путешествие в неизвестность или самоотречение в поисках чего-то нового или более глубокого понимания мира и самого себя. Эта фраза может также отражать чувство потери или стремление к самопознанию. В «Альтасоре» Уидобро воссоздает космос не только как физическую реальность, но и как внутренний мир, полный тайн и загадок. Это произведение оставляет читателя с ощущением, что космос – это не просто пустота, а место, где каждая звезда, каждый космический объект несет в себе свою собственную историю и мудрость.

«Астронавт» – это произведение Пабло Неруды, написанное в 1976 году, в эпоху, когда космическая эра уже была в полном разгаре, а первые шаги человека в космосе уже стали частью нашей истории. В этом стихотворении Неруда фантазирует о путешествии в космос и на другую планету, представляя космос как враждебное пространство, наполненное опасностями и непредвиденными обстоятельствами.

В отличие от мистического и метафорического подхода Висенте Уидобро, Неруда придает своему образу космоса более реалистичные черты. Он описывает космическое путешествие как опасное и сложное, где каждый шаг на пути может стать испытанием для человека. В «Астронавте» Неруда также выражает тоску по человеческому миру, показывая, что даже в самых отдаленных уголках космоса человеку нужна общность и связь с другими. «Баллада на смерть Гагарина» – это произведение Николаса Гильена, которое отличается от предыдущих поэтических работ о космосе своим реалистическим подходом и отсутствием мистики и фантазий. Написанная после смерти Юрия Гагарина в 1968 году, эта баллада является выражением

скорби по поводу безвременной кончины первого космонавта, чей подвиг стал символом человеческой смелости и стремления к познанию неизведанного. В «Балладе на смерть Гагарина» Гильен представляет космос как место, где человек сталкивается с реальными опасностями и препятствиями, а не с мистическими или фантастическими существами. Эмоциональная составляющая произведения выражена в восхищении Гагариным как первооткрывателем космоса, чья смерть стала не только символом его собственной судьбы, но и утратой для всего человечества. В «Балладе на смерть Гагарина» чувствуется тоска по ушедшему герою, который отдал свою жизнь во имя науки и исследовательской деятельности:

Он отбыл в даль безмерного пространства.

Его встречают синим светом ночи,

и каждая звезда в полете светит.

Из грохота смертельного паденья

он вышел, только улыбнувшись смерти [Москва-Гавана, Гавана-Москва, 1977, с. 298].

Сравнивая «Балладу на смерть Гагарина» с произведениями Уидобро и Неруды, можно заметить, что подход Гильена к образу космоса и мира более прямолинеен и лишен мистических и фантастических элементов, характерных для работ предыдущих поэтов. Гильен сконцентрирован на реальности и эмоциональной составляющей человеческого опыта, представленного через призму космической темы.

В заключение необходимо отметить, что изменения в образе космоса в латиноамериканской поэзии на протяжении XX века отражают не только научные и культурные тенденции времени, но и эволюцию человеческого восприятия окружающего мира. Переходя от идеализированных и мистических представлений к реалистичным и эмоциональным образам, поэзия помогает нам осмыслить наше место в космосе и подчеркнуть важность нашей связи с ним, выражая сложные чувства и переживания, которые сопровождают наше путешествие в бескрайние просторы вселенной.

ЛИТЕРАТУРА

- Кофман А. Ф. Дореволюционная Россия в испаноамериканской литературе //Латинская Америка 2011. №2. С. 63-73.
- Москва-Гавана, Гавана-Москва. Moscu-La Habana, La Habana-Moscu M.: Прогресс, 1977. 392 с.
- Уидобро В. Альтасор Высокол, или Путешествие с парашютом. Altazor, o El viaje en paracaídas M.: Инфинитив: Центр книги Рудомино, 2021. 256 с.

Sitnik, M. S.; Lesokhina, A. M.

The North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

**THE IMAGE OF THE COSMOS IN THE POETRY
OF LATIN AMERICAN WRITERS OF THE XX CENTURY**

In the poetry of Spanish-speaking writers, the cosmos acts as an inexhaustible source of inspiration and a metaphorical image reflecting the changing ideas about the structure of the world and the place of mankind in it. This evolution not only reflects scientific advances and space exploration, but also captures changes in culture, philosophy, and views of the world and humanity. Thus, the analysis of the image of the cosmos in poetry allows us to better understand not only the creative process of writers, but also the dynamics of society and its perception of the universe.

Space, planet, Spanish-American poetry, mysticism, image

УДК 316.614.5

A. V. Teral

Herzen University
fox204220@yandex.ru

A. D. Pushkareva

Herzen University
arinapushkareva88@mail.ru

**SOCIALIZATION OF CHINESE STUDENTS IN HERZEN STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
AND PROBLEMS OF CULTURAL INTEGRATION**

The article deals with the socialization of Chinese students at the University of A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, analyzes the problems of cultural integration, and suggests solutions based on the results of the conducted questionnaire.

Socialization, cultural integration, Russian and Chinese students, intercultural communication

In today's world, student long-term and short-term exchange programs make a essential contribution to the development of further understanding and cooperation between countries. "People-to-people diplomacy" over time develops into strong political, economic and cultural ties between countries where former student exchange program participants join the highest echelons of power. This practice has long been successfully used by the U.S. in realization exchange programs with various countries and building a loyal to the U.S. policy of "growing up". It is no secret that many world-class politicians and public figures are former graduates of exchange programs who studied in the USA. Unfortunately, this practice of people-to-people diplomacy, which was successfully developed in the USSR, has now lost its pace and effectiveness.

At the same time, Russia has a large number of international students who can and should become ambassadors of the Russian language, Russian culture, and Russian values in the world and become reliable friends of Russia in their countries. Cultural integration and socialization of international students while they are studying in Russia is not only a necessary element of their successful studies, but it's also a good opportunity to build friendships and a positive attitude towards Russia in the future.

The problems of intercultural communication have been of interest to researchers for a long time. By "intercultural interaction," in particular, they understand "a special kind of direct relations and connections that are formed

between at least representatives of two cultures, as well as those influences and mutual changes that appear in the course of these relations” [Kononenko, 2003]. [Kononenko, 2003]. Sociologists are focused on identifying value attitudes and stereotypes that are manifested in people's behavior. They mainly consider business interaction and business [Hofstede, 2001]. Psychology looks mainly at behavioral stereotypes [Harry, 1994; Berger, 1966; Ellen, 1989; Berry, Poortinga, Segall, Dasen, 2002; Berry, 2005]. Linguistics focuses on messages exchanged across cultures, communicative connotations, linguistic features, problems of translation and translatability, and different communication styles. [Corballis, 2017; Bialystok, 2001; Sawir, 2005]. Teachers and practitioners are interested in the issue of organizing the learning process in a multicultural and multilingual environment. They note the importance of forming cross-cultural competencies among students and teachers in view of such modern trends as the growing number of foreign students and globalization of education [Sologub, 2022].

The aim of this study was to investigate the state and effectiveness of Chinese students' socialization in A.I. Herzen Russian State Pedagogical University through the organization of their communication with Russian students who are native speakers of Russian culture. The hypothesis of the study was that at the official level (the Institute of Russian as a Foreign Language), all possible efforts are made and all possible resources are involved, while the everyday communication between Chinese and Russian young people is not given due attention.

A study was conducted by questionnaire survey of 50 Chinese students of different courses studying at RSPU, and the following problems and patterns were identified.

1. When asked about the frequency of interaction with Russian students, 60% of Chinese responded that communication is mainly limited to small talk and “how are you?” 28% said that they do not interact at all, and only 12% constantly communicate with Russian friends. At the same time, 80% indicated a great interest in such contacts and were ready to participate in joint events, camping trips, and everyday forms of interaction.

2. 78% of Chinese students note a high degree of readiness of Russian students to come to the aid of Russian students in a difficult situation or in solving everyday household tasks. At the same time, the main language of intercultural communication is Russian (62.5%), English (23.6%), and even Chinese (13.95%), which indicates a counter and quite high level of interest in Chinese culture on the part of Russian students.

3. At the same time, it was the language barrier that was noted as the main difficulty in communication – 39.8%. 17.2% highlighted cultural differences and lack of time as a problem (18.3%). And quite a lot of students – every fourth (24.7%)

noted their shyness as a difficulty. The latter refers to the national specificity of the Chinese mentality, which is characterized by a tendency to communicate in the diaspora and a difficulty in establishing contact with representatives of other cultures. Russian students should take this into account and take the initiative in their own hands.

4. Among the clear omissions in the structure of the organization of intercultural communication between Russian and Chinese students was the lack of joint activities (38.6%), including field trips, hikes, joint exploration of the city (22.7%), and joint classes with Russian students (20.5%).

5. Among the apparent problems, it is also worth noting that the building of the Institute of Russian as a Foreign Language is located outside the main campus, and Chinese students do not cross paths with Russian students, which also minimizes opportunities for communication.

In this way, interpreting the results of the survey, we can come to the following conclusions:

1. One of the most obvious problems is the language barrier. Even if Chinese students have basic knowledge of Russian, they face difficulties in communicating at a more advanced level. This leads to misunderstanding, isolation, and a feeling of loneliness.

2. Cultural differences can manifest themselves in a variety of ways, from customs and traditions to communication styles and behavioral norms. Participants in exchange programs may find that their expectations do not match reality. This can cause stress and make the adjustment process difficult. International students may come to exchange programs with pre-formed stereotypes about another culture, which may hinder their openness and tolerance.

3. Social integration can be a challenge for participants in exchange programs. It can be difficult for them to make friends and establish connections with local people, especially if they feel like strangers in a new cultural environment. At the same time, exchange programs do not always provide sufficient day-to-day support for participants, which can make it difficult for them to integrate into their new environment. The lack of purposeful and daily guidance in their socialization process can lead to feelings of isolation and negatively affect their overall experience abroad.

As a result of the analysis we can suggest several ways to solve the problem of international students' socialization:

1. One of the key ways to solve the problems of intercultural socialization is to prepare participants in advance before sending them to study abroad. This should include not only language courses, but also webinars on intercultural

communication. Knowing the basic cultural norms and traditions of the host country will help students avoid misunderstandings and adapt faster.

2. A system of mentoring and tutoring by students from the host country. Participants in exchange programs may benefit from having local student mentors who can help them adapt to their new environment. Volunteer mentors can not only provide valuable advice and support, help with household problems, but also simply keep them company while exploring the city, going sightseeing, going to cafes, concerts, and immersing them in youth culture.

3. It is important to create online platforms for international and Russian students to communicate together, such as group chats and events. Regular feedback can help participants to discuss their difficulties and provide an opportunity to adjust programs and approaches.

Active participation in the local community can greatly facilitate the socialization process. This can include participation in international student clubs, volunteer projects, and cultural events. Such activities can help exchange program participants make new friends and better understand the culture of the host country.

Herzen State Pedagogical University has experience of such project-based international interaction. For example, in April 2024, the university held a business game in English, "BRICS Model," in which both Russian and Chinese students took part in different sections. During the team game, they had to present in English their country's position on such issues as culture, politics, environmental protection, respect for human rights, and overcoming local and regional conflicts, i.e., all contemporary issues related to the survival of man and the planet within the BRICS member countries. Such interaction allowed the students to realize professional interaction within the simulated situation and establish friendships that were continued in the future.

In this way, intercultural socialization in exchange programs is a complex but important process. Overcoming language barriers, cultural differences, and social integration problems requires efforts on the part of both participants and program organizers. However, with appropriate training and support, exchange program participants can successfully adapt to their new environment and make the most of their experience. This in turn contributes to the development of intercultural understanding and cooperation, which is an important step towards a multipolar and interconnected world.

ЛИТЕРАТУРА

- Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: АСТ, 2003. – 512 с.
Сологуб О. П. Формирование вторичной языковой личности студента-иностранца в условиях естественной коммуникации (на материале онлайн-переписки тайваньских

студентов с носителями русского языка) // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-vtorichnoy-yazykovoy-lichnosti-studenta-inostrantsa-v-usloviyah-estestvennoy-kommunikatsii-na-materiale-onlayn> (дата обращения: 22.10.2024).

- Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966.
- Berry J. W. (2005) Acculturation: Living successfully in two cultures // International Journal of Intercultural Relations, 29(6), pp. 697-712.
- Berry J. W., Poortinga Y. H., Segall M. H. and Dasen P. R. (2002) Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bialystok E. (2001). Bilingualism in Development: Language, Literacy, and Cognition. Cambridge University Press.
- Corballis M. C. (2017). The truth about language: what it is and where it came from. University of Chicago Press.
- Ellen J. Langer Mindfulness, Addison-Wesley, 1989, 240 p.
- Harry C. Triandis, Culture and social behavior, McGraw-Hill, 1994, 330 p.
- Hofstede G. (2001) Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations, 2nd ed. Sage, Thousand Oaks, CA.
- Sawir E. (2005) Language difficulties of international students in Australia: The effects of prior learning experience // International Education Journal, 6(5), pp. 567-580.

Тераль А. В., Пушкарева А. Д.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

СОЦИАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РГПУ ИМ. А.И.ГЕРЦЕНА И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматривается социализация китайских студентов в университете РГПУ им. А.И. Герцена, анализируются проблемы культурной интеграции и исходя из результатов проведенного анкетирования предлагаются пути решения.

Социализация, культурная интеграция, китайский студенты, межкультурная коммуникация

УДК 323.1(470.620):316.7

С. А. Туре

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 5500-88-00-98

toueofgc@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЭТНОСОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ ГВИНЕИ

В докладе освещаются проблемы межкультурной коммуникации в многонациональной стране Гвинее, где проживает более 24 этнических групп с уникальными языками и культурными традициями. Основные моменты, рассматриваемые в тексте: многообразие этнических групп, языковой барьер, культурные различия, социальные и экономические факторы

Этнос, культура, языковой барьер, многонациональный, проблема, традиция

Межкультурная коммуникация между представителями различных этносов может вызывать множество трудностей, проявляясь в различных аспектах. Рассмотрим основные из них:

Языковые барьеры

Различия в языках могут стать значительным препятствием для общения. Даже если люди владеют одним общим языком, например, французским, как в Гвинее, их культурные особенности могут влиять на интерпретацию слов и фраз. Например, в русском языке слово «да» может означать согласие, но в некоторых культурах оно может иметь иные оттенки значения или использоваться в иных контекстах.

Различие культурных норм и ценностей

Культурные нормы определяют поведение людей в различных ситуациях. То, что считается нормальным для одного этноса, может быть неприемлемым для другого. Например:

Пунктуальность: В одних культурах опоздание на встречу считается нормой, в то время как в других это рассматривается как неуважение к собеседнику.

Физический контакт: В одних обществах рукопожатие является обязательным элементом приветствия, в то время как в других прикосновение к человеку может быть воспринято как грубость.

Этноцентризм

Этноцентризм – это склонность оценивать чужую культуру через призму своей собственной. В результате, представители одной культуры могут считать свои обычаи правильными, а чужие – странными или неправильными.

Предубеждения и стереотипы

Стереотипы о представителях разных этнических групп часто мешают объективному восприятию друг друга. Они формируются под влиянием исторических событий, СМИ и личного опыта. Примером может служить негативное отношение к мигрантам в некоторых странах, основанное на стереотипе об их низкой профессиональной квалификации и криминальных наклонностях.

Отсутствие взаимопонимания в невербальной коммуникации

Невербальные сигналы, такие как жесты, мимика и поза тела, также различаются у разных народов. То, что одно общество считает дружелюбным, другое может воспринять как угрозу или агрессию. Например, в некоторых азиатских культурах прямой взгляд в глаза может рассматриваться как проявление неуважения, тогда как в западных странах такой взгляд считается признаком открытости и честности.

Социальная дистанция

Понятие социальной дистанции, то есть расстояния, которое люди предпочитают сохранять во время общения, также различается среди этносов. Для одних народов тесный физический контакт приемлем, для других – нет. В арабской культуре, например, принято стоять ближе друг к другу при разговоре, чем в европейской.

Пищевые традиции

Пища играет важную роль в любой культуре, и различия в пищевых традициях могут стать причиной недопонимания. Некоторые продукты, которые считаются деликатесами в одном обществе, могут вызывать отвращение у представителей другой культуры. Так, в Китае популярны блюда из насекомых, что вызывает удивление и даже шок у многих европейцев.

Гвинея – многонациональная страна в Западной Африке, где проживает более 24 этнических групп, каждая из которых имеет свои уникальные культурные традиции, языки и обычаи. Это разнообразие создает как богатство культурного обмена, так и ряд проблем в межкультурной коммуникации, о которых мы упомянули выше.

Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н. в своей работе «Этнические процессы в Африке» писали: «Среди других частей света Африка выделяется богатством и разнообразием этносов, сложностью этнического состава и динамизмом современных этнических процессов» [Андрианов, Исмаилов, 1987, с. 253].

Проблемы межкультурной коммуникации этносов, проживающих на территории Гвинеи, представляют собой сложный и многогранный феномен, затрагивающий не только в аспекте языка, но и традиции, ценности и мировосприятие различных групп населения.

Исследователи Петровский А. А., Селиверстов Ю. М. в работе «По дорогам и тропам гвинейской саванны» писали: «В разных районах страны живут многочисленны народности. Среди них преобладают фульбе (35%), малинке (30%) и сусу (13%). На долю остальных – лома (тома), герзе, киси, дьалонке и др. – приходится 22%. Представители каждой народности говорят на своем языке. Поэтому даже живущие по соседству гвинейцы различных народностей не всегда могут понять друг друга. Официальный же государственный язык – французский. Однако далеко не все, особенно деревенские жители, владеют им, что создает известные трудности при общении» [Петровский, Селиверстов, 1986, с. 4].

Основные этнические группы: малинке, фульбе, сосо, гурма и другие. Наличие множества языков и диалектов затрудняет общение между ними.

Языковой барьер играет ключевую роль в появлении трудностей при межкультурной коммуникации. В Гвинее насчитывается более 30 языков, и отсутствие общего языка ведет к искажению информации и установлению стереотипов. Помимо языка, важным аспектом являются обряды и ритуалы, которые могут иметь разные значения для разных этносов. Например, одни народы могут воспринимать определенные традиции как священные, в то время как другие рассматривают их как устаревшие.

Между этническими группами, такими как малинке, фульбе и сосо, нередко возникают недопонимания, обусловленные различиями в культуре и социальном контексте.

Например, в Гвинее концепции времени и пространства заметно различаются в зависимости от культурных традиций и социальных контекстов. Для многих местных сообществ время воспринимается не как линейное, а как цикличное явление, вплетенное в ритм природы и жизни. Праздники, церемонии и аграрные циклы определяют время, и каждый момент считается частью бесконечной последовательности.

Что касается пространства, гвинейцы часто видят его не просто как географическую координату, а как область, насыщенную значениями и символами. Каждый холм, река и лес имеют свои мифы и истории, связывающие их с предками и культурной идентичностью. Это создает особую связь между человеком и его окружением, где землю считают живым существом, а не просто ресурсом.

Сложные социальные и экономические условия также способствуют конфликтам между группами, поскольку конкуренция за ресурсы усиливает напряженность. Причиной многих конфликтов может стать не только история колониализма, но и современная политика. Исторические травмы и недоверие между группами до сих пор продолжают определять политическую жизнь Гвинеи.

Чтобы достичь устойчивого будущего, стране необходимо обратить внимание на проблемы справедливости, плюрализма и инклюзивного управления, преодолевая наследие конфликтов и создавая четкие механизмы взаимодействия между этническими группами. Государственная политика должна быть направлена на поддержку инициатив по интеграции и уважению культурного разнообразия.

Таким образом, необходимость в диалоге и взаимопонимании становится особенно актуальной для создания гармоничного общества в Гвинее. Проблемы межкультурной коммуникации в Гвинее требуют комплексного подхода. Уважение к культурным различиям и открытость к диалогу могут стать основой для мирного сосуществования этносов и укрепления социальной сплоченности в стране.

ЛИТЕРАТУРА

- Андрианов Б. В., Исмагилова Р. Н. Этнические процессы в Африке // Этнические процессы в современном мире. М.: 1987. С. 253–316.
- Белая Е. Н. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Форум, 2011.
- Головлева Е. Л. Основы межкультурной коммуникации. М.: Феникс, 2008.
- Петровский А. А., Селиверстов Ю. М. По дорогам и тропам гвинейской саванны. М.: Мысль, 1986.
- Республика Гвинея. Ассоциация делового и культурного сотрудничества со странами Африки. М.: РАН, Ин-т Африки, 1997.

Touré, S. A.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

PROBLEMS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION AMONG ETHNIC GROUPS LIVING IN GUINEA

The article highlights the issues of intercultural communication in the multinational country of Guinea, where more than 24 ethnic groups with unique languages and cultural traditions reside. The main points discussed in the text include: the diversity of ethnic groups, language barriers, cultural differences, and social and economic factors.

Ethnicity, culture, language barrier, multinational, problem, tradition

УДК 316.74

Л. А. Ульяницкая

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0000-0002-0163-3243

ulianitckaia_liubov@mail.ru

Е. С. Скребнев

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)*

ORCID 0009-0006-8915-8796

esskrebnev@stud.etu.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЬГИИ: АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ

В докладе освещаются религиозная ситуация в современной Бельгии. Анализируются юридические основания секуляризма в стране и фактическое государственное отношения к католицизму, исламу и другим религиям. Особое внимание уделяется анализу ситуации, связанной с укреплением исламского фундаментализма, его влияния на социальную сферу и реакции бельгийского общества.

Бельгия, религия, ислам, правовое регулирование религиозных сообществ, отношение государства к религии, секуляризм, фундаментализм

Вопрос религиозного плюрализма – традиционно острый вопрос в Бельгии. Во-первых, потому что это ещё один фактор раздробленности страны наряду с тремя государственными языками, явной оппозицией фламандского и валлонского сообществ, политическим партийным плюрализмом с сильными партиями от националистических (Новый фламандский альянс) до либеральных (Реформаторское движение) и т.д. Во-вторых, потому что это влияет на структуру бельгийского общества, которое состоит из таких столпов как либералы, социалисты и католики, объединенных в партии, союзы и организации.

В Бельгии нет одной официальной религии, это светское государство, однако, в отличии, например, от Франции, где установлен жесткий секуляризм и фокус именно на нём, Бельгия провозглашает религиозный плюрализм, обещая соблюдение прав всех верующих.

Конституция, принятая молодым независимым государством в 1831 году, не содержит явных указаний ни на *секуляризм* государства (это выражение еще

не существовало), ни на *разделение* государства и церкви. Но несколько статей всё же заложили основы политического секуляризма государства и с середины XIX века предоставили Бельгийскому государству в его отношениях с церквями и религиозными общинами главенствующий статус в рамках зарождающегося парламентского, плюралистического и демократического, режима.

Три статьи Конституции (статья 19, 20, 21) закрепляют свободу вероисповедания и лишает государство «права голоса» в жизни Церкви. Несмотря на шесть крупных конституционных поправок и другие незначительные поправки к Конституции 1831 года, эти три статьи имеют одну общую характеристику, указывающую на их важность в сложившемся политическом балансе стране: они до сих пор не подвергались малейшим изменениям [Hervé, 2008].

В настоящее время в Бельгии признаны следующие шесть религии: католицизм (с момента создания Бельгийского государства), иудаизм (с 1808 г.), англиканство (с 1835 г.), протестантизм (с 1876 г.), ислам (с 1974 г.), православие (с 1985 г.).

Бельгия, при соблюдении принципов секуляризма, продолжает финансировать религиозные общины (буддизм в настоящее время не признан в Бельгии, но некоммерческая организация Union Bouddhique Belge, тем не менее, получает субсидии.). В 2022 году общая сумма, выделенная различными органами государственной власти Бельгии, составила 281,7 миллиона евро [Théret, Sadutto, 2022]. Это финансирование включает, среди прочего, заработную плату служащих религии, капелланов, советников, финансовую поддержку местных учреждений (церковных производств и т. д.), содержание зданий [Allo, 2023].

В том что касается осуществления религиозных практик на рабочих местах Бельгия выказывает меньшую «щедрость». Если компания запрещает своим сотрудникам молиться во время рабочих перерывов, это может быть расценено как косвенная дискриминация по религиозному признаку, ограничивающая их свободу вероисповедания, однако при этом работодатель не обязан предоставлять сотрудникам, например, молельные комнаты. Это остаётся исключительно на его усмотрение и допустимо при значительном количестве сотрудников, передающих просьбу об организации такого отдельного помещения. Работники не имеют права на дополнительный выходной во время религиозных праздников, не включенных в 10 официальных государственных праздников Бельгии (шесть из них связаны с католическими праздниками: Пасха, Вознесение, Успение, Пятидесятница, День всех святых, Рождество). Несмотря на то, что были политические

инициативы по введению дополнительных религиозных праздников, эти предложения так и не были приняты.

В Бельгии предусмотрен 10-дневный законный отпуск, установленный федеральными законами. Сообщества и регионы также установили определенные официальные праздники. Эти праздничные дни оплачиваются работодателем. Работникам, работающим в эти дни, платят по более высокой ставке. С другой стороны, зарплата работника, работающего в праздники Ураза-байрам или Курбан-байрам, не увеличивается [*Pratiques religieuses sur le lieu de travail*]. Мы не можем говорить о дискриминации в юридическом смысле этого слова, поскольку принцип равенства между религиями закреплён в законе, однако на практике очевиден перевес привилегий католической веры.

В бельгийских школах есть обязательные уроки по религии и морали. Школьники выбирают для изучения одну из шести официальных религий. Рабочие программы этих учебных курсов и преподаватели находятся в ведомстве религиозных общин, а не министерства образования. С 2002 года в Бельгии признана внеконфессиональная философская концепция, поэтому если ученик не хочет изучать никакую религию, то вместо неё он может выбрать курс ЕРС – *Éducation à la philosophie et citoyenneté* (философия и светская мораль – прим. здесь и далее перевод авторов статьи). Во фламандском сообществе выделено 2 часа в неделю религиозного или нравственного воспитания, которые могут быть факультативными, однако с обязательством оставаться в эти часы в учебном учреждении; внутри валлонского сообщества предлагается 1 час религии и 1 час обучения философии и светской морали или 2 часа только преподавания ЕРС [Derroitte, 2015].

В подобном обзоре религиозного «облика» Бельгии было бы логичным и уместным дать цифры по количеству представителей той или иной религии. Но в Бельгии, как и во многих других странах Европы, запрещено фиксировать религиозную принадлежность людей. Последняя перепись населения, в которой были данные по количеству религиозных адептов, была проведена в 1846 году. Остаётся возможным лишь опираться на цифры частных социологических опросов. Согласно опросу, проведенному Католическим университетом Лувен-ля-Нев (*Katholieke Universiteit Leuven (KUL)*), «50% бельгийцев называют себя католиками, но только 5% из них все еще ходят на воскресную мессу» [Thérer, Sadutto, 2022]. Евробарометр указывает следующие статистические данные: католики – 44%, агностики – 26%, атеисты – 15%, мусульмане – 2,4%, протестанты – 1%, православные – 1%, другие христиане – 3%, иудеи – 0,3%, буддисты – 0,3%, последователи других религий – 7%.

В политическом и медийном дискурсе часто встречаются алармистские высказывания и заявления в отношении возрастающего количества мусульман

в Бельгии. Так, например, Ален Дестекс, почетный сенатор Бельгии, в своей статье «Как бельгийские левые партии постепенно подчинились исламу» [Desthexe, 2024]. Сенатор говорит об исламизации столицы Европы – Брюсселя. Среди прочего он описывает случай произнесения нескольких аятов суры имамом пакистанского происхождения с трибуны брюссельского парламента на конференции, призванной подчеркнуть успехи и экономическую и социальную интеграцию большой пакистанской общины в Брюсселе и отмечает, что большинство выступавших говорили на английском или урду; указывает на то, что 73% турок в Бельгии, большинство из которых имеют двойное гражданство, проголосовали за Реджепа Эрдогана на последних президентских выборах; перечисляет список жестов, символизирующих отказ Социалистической партии от секуляризма: возможность носить паранджу для сотрудников STIB («общество межкоммунного транспорта Брюсселя») и в муниципальных администрациях, школьные столовые, которые де-факто стали халяльными, терпимость в отношении антисемитизма. Ален Дестекс приводит также данные Statbel, бельгийского статистического управления, которые свидетельствуют о том, что 61% населения Брюсселя неевропейского происхождения, и только 23% имеют бельгийское происхождение, что является уникальным случаем для европейской столицы.

Теракты в Париже и Сен-Дени, а затем в Брюсселе и Завентеме в 2015-2016 годах вызвали глубокую эмоциональную реакцию в бельгийском обществе. С тех пор число демонстраций, враждебных исламу, возросло, что особенно привело к нападениям исламофобского характера, таким как разрушение мечетей или марш крайне правых через несколько дней после нападений в Брюсселе. Эти события происходят в политическом контексте, который и без того весьма накален из-за растущего напряжения социальных и национальных отношений между валлонами и фламандцами, вплоть до угрозы единству и существованию федеративного государства.

Однако эта проблема не нова, поскольку еще до терактов исследования указывали на тенденцию к усилению поляризации бельгийского общества в его отношении к исламу. Опрос, проведенный два года назад в Католическом университете Лувена, показал, что вопрос ислама провоцирует большое количество страхов и тревог в Бельгии. Подобные мысли и дискуссии способствуют затемнению разнообразия ислама как с точки зрения его течений, так и с точки зрения способов веры, специфичных для каждого человека, а также исторического присутствия ислама в Бельгии задолго до экономической миграции 1960-х годов [Тоуаг, 2020]. Эта ситуация тем более удивительна, что Бельгия очень быстро осуществила институциональное

признание ислама, предоставив тем самым мусульманам многочисленные права точно так же, как и всем уже признанным религиям. В этом смысле Бельгия является настоящим авангардистом, поскольку она является первой страной, которая проводит активную политику признания, характеризующуюся более тесными и регулярными отношениями с каждой религией, сохраняя при этом обязанность нейтралитета.

В 2020 году в Брюсселе был основан «L'Observatoire européen des fondamentalismes» (Исследовательский европейский центр религиозного фундаментализма в Брюсселе). Это независимая организация, миссией которой является объединение, распространение и обмен теоретическими, практическими и критическими знаниями о религиозном фундаментализме. Она действует для защиты демократических ценностей, свободы выражения мнений и свободы совести. Основатели центра так объясняют необходимость подобного общественного института: «В Брюсселе существует сеть мечетей и евангелистских церквей, которые пропагандируют буквальное, догматическое отношение к священным текстам, что приводит к определенному разрыву с общими ценностями. Они защищают молитву, а не медицину, враждебно относятся к абортам, гомосексуализму и т. д., выступают за религиозное и расовое превосходство, ведущее к серьезному разложению социальной среды» [L'Observatoire des Fondamentalismes à Bruxelles].

Организация выступает в поддержку и защиту тех граждан, сотрудников, учителей, руководителей, предпринимателей, кто сталкивается с растущими трудностями в связи с влиянием религиозного фундаментализма в их семьях или социальном окружении [Adenor, 2021].

Проведенный анализ религиозной ситуации в Бельгии показал основные тенденции религиозной жизни в стране. Несмотря на государственную политику секуляризма, проявляющиеся, например, в школе и на работе, можно отметить вклад государства в развитие религиозной жизни в стране через субсидии религиозным культам. Отношение бельгийского общества к религии неоднозначное. Особенно это проявляется в поляризации отношения к религиозному фундаментализму.

ЛИТЕРАТУРА

- Adenor J.-L. Aujourd'hui, il est devenu dangereux de parler d'islamisme en Belgique. URL: <https://www.marianne.net/societe/laicite-et-religions/entretien-aujourd'hui-il-est-devenu-dangereux-de-parler-d'islamisme-en-belgique> (дата обращения: 25.10.24)
- Allo M. Financement des cultes en Europe : quelles différences avec la Belgique ? URL: <https://www.rtf.be/article/financement-des-cultes-en-europe-quelles-differences-avec-la-belgique-11267801> (дата обращения: 25.10.24)

- Derroitte H. Les cours de religion en Belgique : ambitieux et modestes. URL: <https://shs.cairn.info/revue-lumen-vitae-2015-3-page-281?lang=fr#re3no3> (дата обращения: 25.10.24)
- Desthexe A. Comment la gauche belge s'est progressivement soumise à l'islamisme. URL: <https://www.almendron.com/tribuna/comment-la-gauche-belge-sest-progressivement-soumise-a-lislamisme/> (дата обращения: 20.10.24)
- Hervé H. La Belgique: l'État et les Églises. URL: <https://books.openedition.org/irhis/377> (дата обращения: 15.10.24)
- L'Observatoire des Fondamentalismes à Bruxelles. Le site officiel. URL: <https://bruxellesof.webnode.fr/> (дата обращения: 25.10.24)
- Pratiques religieuses sur le lieu de travail. URL: <https://www.unia.be/fr/dossiers/pratiques-religieuses-travail> (дата обращения: 25.10.24)
- Thérier C., Sadutto M. Le Scan : financement des cultes, pourquoi l'Eglise catholique décroche-t-elle le pactole ? URL: <https://www.rtbfb.be/article/le-scan-financement-des-cultes-pourquoi-l-eglise-catholique-decroche-t-elle-le-pactole-11016263> (дата обращения: 20.10.24)
- Touag H. Un paradoxe belge. URL: <http://journals.openedition.org/hommesmigrations/> (дата обращения: 05.10.24)

Ulianitchkaia, L. A., Skrebnev, E. S.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

THE RELIGIOUS SITUATION IN CONTEMPORARY BELGIUM: ANALYSES AND TRENDS

The paper highlights the religious situation in contemporary Belgium. The legal grounds of secularism in the country and the actual state attitude towards Catholicism, Islam and other religions are analysed. Particular attention is paid to analysing the situation related to the strengthening of Islamic fundamentalism, its impact on the social sphere and the reactions of Belgian society.

Belgium, religion, Islam, legal regulation of religious communities, state attitude to religion, secularism, fundamentalism

УДК 800.92:519.682

Ferranti Castellano, M. B.

Universidad Nacional de Córdoba

ORCID 0009-0004-1960-1989

malena.ferranti@mi.unc.edu.ar

DAYDREAMING IN WORKS OF MIKHAIL LERMONTOV AND GÉRARD DE NERVAL

Blurred between vigil and dream and with a fundamental antecedent in Rousseau, daydreaming shapes Mikhail Lermontov's poem 'First of January' and Gérard de Nerval's nouvelle 'Sylvie'. Using a comparative methodology, the author of the article proposes that daydreaming, in both works, forms a style (intimately related to the romantic spirit of disenchantment) and is therefore shaped by the arrangement of the language, the construction of the images and the structure of the texts. When discussing these works, the concept of 'style of daydreaming' is therefore formulated.

Lermontov, Nerval, russian literature, french literature, romanticism, daydreaming, style, 19th century literature

This text is a synthesis of a study in progress on comparative literature, more specifically, between the French and Russian literary traditions through two Romantic writers: Gérard de Nerval with his nouvelle 'Sylvie', published in 1853, and Mikhail Lérmontov with his poem 'First of January' of 1840. This work aims to contribute not only to studies on Romanticism in general, but also to research of Russian literature within literary criticism in Argentina and, specifically, at the Universidad Nacional de Córdoba, where the exploration of this literary tradition has been still in development.

The reason for the comparison between the texts is supported by the following hypothesis: in the aforementioned works, daydreaming or rêverie shapes a particular style through the arrangement of the language and, through this, the structuring of the works. In other words, the rêverie is not simply an argumentative element, but articulates a style.

For this reason, we start from Susan Sontag's proposal in *Against Interpretation* [2005]: she does not conceive style as a decorative surplus that adorns the content of a work of art, in other words, as the superficial way in which the background is presented, all of which would allow the removal of this element without altering the background. On the contrary, Sontag disarticulates this opposition between form and content to propose that, in reality, the style is the work: therein lies its essence.

At the same time, in discussing the concept of reverie in the selected texts, we take as a basis Rousseau's *Daydreams of a Solitary Walker* [2013], a text where the appearance of *rêverie* is intimately related to that Romantic feeling of modern disenchantment: reverie in Rousseau is a wandering of thoughts that involves the suspension of social life - with its impostures and appearances - since it is a state of 'self-absorption' that is, however, essentially open to nature. Herein lies a fundamental aspect that is replicated in the romantic reverie of both Nerval and Lermontov: the *rêveries* in Rousseau imply a recomposition of the original bond of communion between man and nature.

Thus, during the state of reverie, the self opens up, expands and merges with the totality of nature and beings. At the same time, Rousseau's *rêveries* incite the evocation of memories, but no longer with the staticity of a *souvenir*, but with the vivacity that reverie confers. Thus, reverie allows the longed-for recuperation of the lost paradise.

In relation to the structure of the works, both 'Sylvie' and 'First of January' begin with scenarios in which the bourgeois city appears with its tedium, decadence, material ambition, falsehood, emptiness and automatism. In both texts, this opening is interrupted by a second moment, the moment of reverie. Thanks to the contrast with the scenes of the decadent present, the reverie takes on the value of an escape, where time and immediate space are suspended. The *rêverie* thus admits, in Sylvie's protagonist and in Lermontov's lyrical "I", the imaginative construction of a series of images that evoke the past. These are restorations of the past that offer the possibility of mastering the passage of time and recovering childhood and youth.

The recovery of these lost elements appears framed in a space filled with a nature that acquires shades of innocence, simplicity and purity, all of them accentuated thanks to the contrast enabled by the corruption and chaos of the city. In Sylvie, moreover, the lack of chronological order of time manifests the absence of order and the wandering characteristic of the *rêverie*.

Finally, both works begin with pictures of the present and both conclude with a return to this beginning. This circularity in the texts is a mark of the imminent interruption of the *rêverie* and reflects its ephemeral and fragile character.

On the other hand, in relation to the images in the works, it is possible to observe that the dream scenarios are constructed with the presence of mist or fog and soft, delicate colours, elements that underline the unreality, the vagueness, the imprecision of space and time and the evocation of the naivety of youth typical of reverie.

In conclusion, we can underline that the circular, gentle and melancholic style of Nerval's and Lermontov's works manifests the inconsistency, fugacity and ambiguity that make up the experience of the *rêverie*. The scenarios of reverie are configured with the insistence of a blurred and imprecise atmosphere, stemming

from the nostalgic and imaginative disposition of the man who reveries and which, therefore, implies a hiatus and a differentiation from external reality.

REFERENCES

- Lermontov M. Un héroe de nuestro tiempo. Antología poética. Alba Editorial, 2014. de Nerval G. Sylvie. Bruguera, 1981.
Rousseau J-J. Las ensoñaciones del paseante solitario. Losada, 2013.
Sontag Susan. Contra la interpretación. Alfaguara, 2005.

Ферранти Каstellано М. Б.

Государственный университет Кордовы, Аргентина

ГРЕЗЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА И ЖЕРАРА ДЕ НЕРВАЛЯ

Размытая между бодрствованием и сном и имеющая фундаментальную предысторию в произведениях Руссо, грёза формирует поэму Михаила Лермонтова «Первое января» и роман Жерара де Нерваля «Сильви». Используя сопоставительную методологию, автор статьи предполагает, что грёзы в обоих произведениях формируют стиль (тесно связанный с романтическим настроением разочарования) и, следовательно, определяются устройством языка, построением образов и структурой текстов. Анализируя тексты авторов, формулируется понятие «стиль дневной грёзы».

Лермонтов, Нерваль, русская литература, французская литература, романтизм, грёзы, стиль, литература 19 века

УДК 803.0

K. B. Chelysheva*Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*

chelyshevak@196gym.ru

CULTURAL CHARACTERISTICS OF AMERICAN POLITICAL DISCOURSE. ANALYZING THE 2024 PRESIDENTIAL DEBATES IN AMERICA ACCORDING TO THE COMMUNICATION CODE

In the modern paradigm it is impossible to separate politics and communication, they are not just connected, they depend on each other. In turn, reaching consensus in political dialog sets the trend for cooperation. Many features of the ethical side of this discourse are culturally determined. On the example of a cultural feature of political communication in America – presidential debates – the main tactics used by opponents in deviating from the maxims of the Communicative Code will be considered.

Communication, communication theory, political discourse, presidential debates

The word “communication” (from Latin *commūnicātiō* – connection, message), as indicated in M. Fasmer's Etymological Dictionary of the Russian Language, was borrowed from the Polish language (Polish variant – *komunikacja*) and first noted in the speech of Theophan Prokopovich and Peter I (*Komunikatsiya* [Fasmer, 1986, p.303]). In the twentieth century, the word “communication” has acquired a number of meanings, the “Big explanatory dictionary of the Russian language” gives the following definition: “COMMUNICATION, -i; g.”. [Latin *communicatio* – message]. 1. Mass k. (a way of communicating some information to all or many people with the help of technical means). Means of mass communication (about newspapers, radio, television). // 2. Lingu. Communication or transmission by means of language of the content of an utterance. An act of communication [Kuznetsov, 2004, p. 631].

One of the main steps towards the theory of communication was made by Harold Dwight Lassuella, who described the process of mass communication in the form of a unidirectional “five-question” strategy (Who says what to whom via what channels with what effects?). Translated we get the following sequence: 1. Who says what? 2. What says what? 3. To whom is it communicated? 4. What channel does it use to communicate information? 5. With what effect? [Gnatiuk, 2004, b.n.]. The last question sets the main vector of discussion, according to the communicative code - a system of principles of dialog construction, in which each actor consciously chooses tactics in the course of communication.

Earlier we could notice that the main role in the development of political discourse belonged to the fact of having a channel for transmission (print media, radio, news channels, etc.), but since the formation of the global status of their use (mid-1950s), more and more importance has been assigned to the tactics used by this or that political figure, with what kind of enthusiasm and spark in the eyes (Martin Luther King's famous 1963 speech) or with what kind of assertiveness and confidence in what he said (John F. Kennedy's speech in West Berlin). Both of these speeches had certain political goals, which were achieved to a greater or lesser extent through the tactics chosen.

Gerber Paul Grice formulates the 4 maxims of the principle of cooperation, in which the understanding of dialog as a common contribution of the actors of communication is embedded, and the process is viewed from the point of view of the interest of the two parties. It is taken as a given that both parties have an interest in the outcome of this dialog, whether it is a victory in a debate, a supply contract or a co-operation. Maxims meet the criterion of quality, quantity, relevance of information and the way it is obtained (manner) [Pocheptsov, 2001, pp. 102–103].

Jeffrey Leach went even further, supplementing the communicative code with the principle of politeness, which formed the basis of psychological principles of security (securitization, the concept of equal security) and the definition of the role of the politician and his own self (the principle of de-centricity) [Plessis, 1988].

The maxim of tact states: “It is acceptable to make the communicative goal of the interlocutor the subject of discussion only if this goal is explicitly (openly) indicated by him”. It is not worth touching upon topics concerning personal life and subjects of personal sphere, which may draw attention to themselves, hurt the interlocutor or provoke a fictitious interest that creates a negative image of the opponent. Effective communication is realized not by ridiculing someone else's position or views, but by assuming them [Klyuev, 2002, p.159].

The maxim of generosity implies the prevention of dominance in the course of communication. The parties should avoid the imperious inclination, setting conditions and changing the unspoken rules of the discussion. [Klyuev, 2002, p.164].

The maxim of approval consists in the interlocutors' attitude to the world, their life position and assessment of reality through the prism of personal preferences and experience [Klyuev, 2002, p. 167].

The maxim of modesty states: it is not worth being arrogant. In the course of a speech act, it is important to evaluate the positions of the interlocutor and the opponent, to consider the various advantages and disadvantages of the two models. To comply with this maxim it is necessary to observe the maxim of approval (not to treat someone else's opinion knowingly negatively, even if it belongs to the opponent) [Klyuev, 2002, p. 170].

The maxim of approval is formulated as follows: try to avoid conflict situations in the name of achieving communicative goals. The main communicative goal is to achieve consensus. Any conflict is possible and worth to solve by the least contradictions without aggravating the situation. It is better to sacrifice some positions, but come to an agreement [Klyuev, 2002, p.171].

Maxima of sympathy: be benevolent, do not enter into the position of opponent = “enemy” [Klyuev, 2002].

As can be seen, Leach's maxims complement Grice's maxims. If these maxims are violated, the speech act entails condemnation, misunderstanding, and accusations on the part of the addressee. Compliance with these maxims, on the other hand, makes it possible to achieve constructiveness in the dialog.

Presidential debates are a common practice of election campaign in the USA, they have no strict rules of conducting, except for the presence of 15% support from respondents participating in 5 polls, so most often candidates speak from the Republican and Democratic parties (independent candidates participated only in 1980 and 1992). In most cases, winning a debate increases the chance of winning the election, but this is not the law. In a debate, participants may change their minds and therefore their theory will be disproved or reduced to a special case. Therefore, there is only one winner in a debate, and that is the one who has been consistent in his or her presentation from beginning to end.

Kamala Harris began her speech by talking about herself, putting herself alongside her constituents.

“I love our small businesses. My plan is to give a \$50,000 tax deduction to start-up small businesses, knowing they are part of the backbone of America's economy. My opponent, on the other hand, his plan is to do what he has done before, which is to provide a tax cut for billionaires and big corporations, which will result in \$5 trillion to America's deficit. My opponent has a plan that I call the Trump sales tax, which would be a 20% tax on everyday goods that you rely on to get through the month. Economists have said that Trump's sales tax would actually result for middle-class families in about \$4,000 more a year because of his policies and his ideas about what should be the backs of middle-class people paying for tax cuts for billionaires.” [ABC News By Riley Hoffman, 2024.]. By comparing his policy measures with those of Trump, Harris clearly highlights the advantages of his policies, which are so far predictive in nature. The maxim of endorsement is violated: the harsh criticism of Trump's economic policies in comparison with Kamal's future and prospective policies violates the objective perception of all the advantages and disadvantages of her measures.

Trump, on the other hand, while singling out the inflation rate as a serious disaster for the entire population, celebrates entire groups of society that he believes

do not deserve a place in the country and a level playing field. In doing so, he labels them as rapists, thieves, criminals: “On top of that, we have millions of people pouring into our country from prisons and jails, from mental institutions and insane asylums. And they're coming in and they're taking jobs that are occupied right now by African Americans and Hispanics and also unions. ... I created one of the greatest economies in the history of our country. I'll do it again and even better.” [ABC News By Riley Hoffman, 2024]. The maxim of magnanimity is violated: attention is drawn to the fact that Trump has created a better economy, but he has sidestepped the actual relationship with China by hiding the real numbers: “I took in billions and billions of dollars, as you know, from China. In fact, they never took the tariff off because it was so much money, they can't. It would totally destroy everything that they've set out to do.” [ABC News By Riley Hoffman, 2024].

In response, Harris uses an unkind form of dialog – accusations:” But I'm going to tell you all, in this debate tonight, you're going to hear from the same old, tired playbook, a bunch of lies, grievances and name-calling.” [ABC News By Riley Hoffman, 2024]. The sympathy maxim is violated: Kamala calls her opponent's program a bunch of lies and name-calling. At the same time, she herself does not give specific assessments of Donald Trump's policies: Donald Trump left us the worst public health epidemic in a century. Donald Trump left us the worst attack on our democracy since the Civil War.” [ABC News By Riley Hoffman, 2024].

In debates, Harris often uses accusatory statements that undermine the sympathy maxim: "We need a president who will unite us, not divide us," [ABC News By Riley Hoffman, 2024], pointing to the supposed polarization caused by Trump. In turn, Trump states: "We're going to build a wall and make Mexico pay for it," [ABC News By Riley Hoffman, 2024], - thereby ignoring the complexities involved in realizing such an idea. This demonstrates a violation of the clarity maxim, as his promise looks simplistic and does not take into account many factors such as international relations, aspects of geopolitics and international law. When Trump uses phrases like “fake news” in reference to the media, he not only undermines the credibility of journalism, but also avoids constructive discussion of specific facts and issues, which violates the maxim of completeness. This statement raises more questions than it answers, which can make it difficult to understand his position.

According to these examples, it is possible to make a table of the most popular tactics used by candidates during debates.

The 2024 presidential debates clearly violate the communication code that largely defines the culture of political discourse in America.

Candidates use aggressive tactics to highlight their positions, but this often leads to confusion, accusations, and false statements. Instead of a constructive exchange of ideas, there is a significant polarization of discourse.

Donald Trump	Kamala Harris
1) Accusation and insult: ◦ Quote: “Kamala Harris is a socialist who wants to take away your jobs and your healthcare.” ◦ Analysis: This statement not only vividly characterizes Harris, but also uses labels that can elicit an emotional response. It violates the maxim of sympathy because it escalates the conflict without considering the nuances of her politics. 2) Ignoring arguments: ◦ Quote: “You don't understand what's happening in this country, Kamala.” ◦ Analysis: In this case, Trump is ignoring Harris' arguments, effectively claiming she is incompetent. This violates the maxim of respect and is not conducive to constructive dialog. 3) Generalizations: ◦ Quote: “All Democrats want to do is raise your taxes.” ◦ Analysis: This statement generalizes the positions of the entire party, ignoring the diversity of opinions and proposals within it. It violates the maxim of truth because it presents a one-sided picture.	1) Attack language: ◦ Quote: “Donald Trump has failed the American people on every level.” ◦ Analysis: Harris makes a categorical statement without giving specific examples, which violates the maxim of clarity and truth. This can be perceived as a pejorative generalization, creating antagonism. 2) Negative comparisons: ◦ Quote: “He is a divider, not a uniter.” ◦ Analysis: This statement not only criticizes Trump but also forms a negative image of him, which violates the maxim of sympathy. It causes conflict without offering a constructive analysis of his policies. 3) Simplifying complex issues: ◦ Quote: “Under Trump, we saw the worst pandemic response in history.” ◦ Analysis: This statement sounds harsh and fails to take into account the complexity of the situation, which violates the maxim of clarity and completeness. It offers no specific solutions or context.

In sum, the candidates' actions in the debates demonstrate how important ethics are in political communication. The main objective is not only to win the election, but also to effectively communicate information and establish trust with voters. Simplistic promises, such as building a wall or creating better economic conditions, without considering the complexities and realities will lead to distrust and frustration among voters.

REFERENCES

- Gnatiuk O. L. From the history of American communicology and communitivism: Harold Lasswell (1902-1978) // Actual problems of communication theory (pp. 11-20). St. Petersburg: St. Petersburg State Pedagogical University Press. 2004.
- Klyuev E. V. Speech communication: Textbook for universities and institutes. Moscow: RIPOL CLASSIC Publishing House. 2002.
- Kuznetsov S. A. Big explanatory dictionary of the Russian language = BTS [Text] : A-Ya. St. Petersburg: Norint, 1998. – 1534 p.; 27 cm.; ISBN 5-7711-0015-3.
- Pocheptsov G. G. Theory of communication / Editor-in-chief S. L. Udovik G. G. Pocheptsov. Moscow: Refl-book, K.: Wakler, 2001.
- Tymbay A. A. Communicative strategies of American politicians (on the example of the 2016 election campaign). RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 9(1), pp. 105-123. URL:<http://journals.rudn.ru/semioticssemantics>
- ABC News. (2023). Harris, Trump presidential debate transcript. URL: <https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542> (accessed November 1, 2024).
- du Plessis J. G. Why did Peter ask his question and how did Jesus answer him? or: Implicature in Luke 12:35-48. NEOTESAMENTICA, 22. Pp. 311-324. 1988

К. Б. Челышева

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА. АНАЛИЗ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ДЕБАТОВ 2024 В АМЕРИКЕ СОГЛАСНО КОММУНИКАТИВНОМУ КОДЕКСУ

В современной парадигме невозможно разделять политику и коммуникацию, они не просто связаны между собой, они зависят друг от друга. В свою очередь достижения консенсуса в ходе политического диалога задает тренд для сотрудничества. Многие особенности этической стороны этого дискурса определены культурой. На примере культурной особенности политической коммуникации в Америке- президентских дебатов – будут рассмотрены основные тактики, которые используют оппоненты при отступлениях от максим Коммуникативного кодекса.

Коммуникация, теория коммуникации, политический дискурс, президентские дебаты

УДК 304.2

А. А. Чуйко

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
annakot10@yandex.ru

О. Г. Минина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
sefl@mail.ru

ЧЁРНЫЙ ПИАР В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается феномен чёрного пиара, использующий тактики манипуляции для формирования положительной или отрицательной репутации. Анализируются последствия этого явления для политики и общественного мнения. Отмечается, что в некоторых случаях чёрный пиар может способствовать улучшению имиджа и повышению известности.

Чёрный пиар, имидж, репутация, последствия, СМИ

Проблема чёрного пиара достаточно полно рассмотрена в маркетинговых исследованиях, но тем не менее существуют аспекты, которые нуждаются в более глубоком изучении. Например, такие факторы как манипуляции для формирования положительного образа и влияние на поведение общества всё ещё не полностью раскрыты. Но прежде чем изучать эти аспекты необходимо определить сам термин. Пиар – от англ. сокр. PR (public relation) – связи с общественностью – практика создания и внедрения в сознание людей привлекательного образа кого-то или чего-то [Словари и энциклопедии на Академикe]. Он помогает предприятиям и индивидуумам выделяться на фоне множества конкурентов, создавая уникальную идентичность. В современном мире, насыщенном информацией и быстрыми изменениями, роль пиара становится неоспоримой. В зависимости от целей и контекста, он может принимать разные формы.

Так, например, чёрный пиар – это совокупность действий, направленных на создание отрицательного образа. Он включает в себя такие стратегии как провокация, освещение старых скандалов, анонимные публикации и манипуляции фактами. Термин «чёрный пиар» – российского происхождения. Это понятие появилось в конце 1980-х – начале 1990-х годов для обозначения политической и коммерческой информации, распространяемой через заказные публикации в СМИ и листовки, оплачиваемые неофициально. Чёрный пиар, традиционно воспринимаемый как негативное явление, в определённых

обстоятельствах может принести неожиданную пользу и даже повысить популярность. В мире, где информация распространяется с поразительной скоростью, статья, возникшая из-за негативной ситуации, может неожиданно привлечь интерес широкой аудитории.

Исследователи и специалисты в области коммуникаций, социологии и психологии уже давно обращают внимание на механизмы воздействия на мнение людей, в том числе с помощью чёрного пиара. Эдвард Бернейс в своей книге «Пропаганда», написанной в 1928 году, исследовал способы управления общественным мнением и влияние на массовое сознание [Журнал «Полис»]. Он подчеркивал, что успешный пиар требует понимания психологии людей и умения применять эти знания для достижения желаемых результатов, включая аспекты чёрного пиара, когда информация используется для дискредитации конкурентов или создания негативного имиджа. Однако он не изучал само понятие, так как оно возникло в 90-х годах в России.

Как отмечают исследователи, с чёрным пиаром можно встретиться в заказных политических или рекламных материалах СМИ, когда один из конкурентов пытается подорвать репутацию другого. Сообщения в социальных сетях, которые содержат слухи, также быстро набирают популярность, создавая бурное обсуждение среди пользователей.

Яркий пример чёрного пиара можно было увидеть в 2024 году. Во время предвыборного митинга неизвестный покушался на жизнь Дональда Трампа [Ведомости]. В социальных сетях начали распространяться фальшивые новости, нацеленные на подрыв доверия к Трампу. В статьях утверждалось, что нападение было организовано его командой с целью повышения голосов и популярности. Однако в данной ситуации чёрный пиар не только не навредил репутации бывшего президента, но, напротив, способствовал формированию образа успешного миллиардера, «одного против всех», что завоевало симпатию избирателей. Этот случай демонстрирует, что чёрный пиар может стать эффективной стратегией продвижения.

Рис. 1 Покушение на Дональда Трампа на митинге в Батлере 13 июля 2024 года

Чёрный и белый пиар представляют собой противоположные подходы к управлению репутацией и коммуникацией. Для того, чтобы разобраться в этом вопросе следует определить их различия. Целью чёрного пиара является подрыв репутации конкурента. Он использует дезинформацию, клевету, слухи и манипуляции для достижения поставленной цели. Часто считается неэтичным и аморальным, однако также является эффективным, если уметь с ним правильно работать как в случае с бывшим президентом США.

В отличие от чёрного пиара, белый пиар – это метод построения положительной репутации, при котором компания или личность проявляет информационную открытость и предоставляет только достоверные данные в СМИ [Unisender]. Его целью является создание и поддержание положительного имиджа. Он использует такие методы как прозрачность, честность, позитивные сообщения и активное взаимодействие с аудиторией.

Чёрный пиар, хотя и считается неэтичным, может быть эффективен в определённых контекстах. Он может мгновенно привлечь внимание к определённым аспектам, даже если они основаны на дезинформации или манипуляциях. Также он способен быстро разрушить репутацию конкурента [Скан-Интерфакс]. Белый пиар требует много времени для построения доверия и положительного имиджа. Таким образом, важно понимать в каких случаях стоит применять каждый из методов. Неправильное использование чёрного пиара может иметь серьёзные негативные последствия как для жертвы, так и для инициатора, включая утрату доверия со стороны аудитории и возможные юридические последствия.

Таким образом, несмотря на то, что литература по чёрному пиару стала достаточно распространённой, его изучение остается актуальным. В условиях растущей конкуренции и быстрого изменения информационного пространства понимание методов манипуляции и дезинформации становится важным для профессионалов в области маркетинга. Чёрный пиар же в итоге можно определить следующим образом: это совокупность действий, направленных на создание отрицательного имиджа. Его влияние на репутацию организаций и личностей трудно переоценить. Использование данного вида пиара, несмотря на его негативные коннотации, может быть стратегически обоснованным при правильном подходе, поэтому необходимо и дальше изучать этот феномен.

ЛИТЕРАТУРА

- Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/14/1049871-chto-smi-rasskazali> (дата обращения: 10.10.2024)
- Журнал «Полис». URL: <https://www.politstudies.ru/article/4598> (дата обращения: 17.10.2024)

Скан-Интерфакс. URL: <https://scan-interfax.ru/blog/chernyi-piar-na-primerah-metody-plyusy-minusy-i-sposoby-zashhity/> (дата обращения: 17.10.2024)

Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/85473/%D0%9F%D0%98%D0%90%D0%A0> (дата обращения: 10.10.2024)

Unisender. URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary/chto-takoe-belyj-pr/> (дата обращения: 17.10.2024)

Chuyko, A. A., Minina, O. G.

Saint Petersburg Herzen State Pedagogical University

BLACK PR IN INTERNATIONAL PRACTICE

The article examines the phenomenon of black PR, which uses manipulation tactics to form a positive or negative reputation. The implications of this phenomenon for politics and public opinion are analyzed. It is noted that in some cases, black PR can contribute to the improvement of image and publicity.

Black PR, image, reputation, consequences, media

УДК 81'373

Н. С. Щеников

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
schenikov.ns@yandex.ru

И. В. Кузьмич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова
irinakuzmich@inbox.ru

АНАЛИЗ КОНЦЕПТА PLEASURE В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается концепт PLEASURE в английском языке с точки зрения его отличий от других слов, означающих радость или удовлетворённость. Исследуется информационное содержание, интерпретационное поле и образный компонент концепта, а также анализируется его макроструктура. Было выявлено сходство ядра концепта PLEASURE и других слов английского языка с обозначением понятия «радость», однако периферийные признаки указывают на наличие у него негативной коннотации.

Концепт, интерпретационное поле, коннотация, макроструктура концепта, образный компонент

В английском языке существует большое количество слов, так или иначе обозначающих «радость» или «удовольствие». Сюда относятся такие слова, как happiness, joy, enjoyment, jubilation, satisfaction, gratification и др. Среди них особняком стоит слово pleasure, так как его коннотация представляется не такой однозначно положительной, как у вышеупомянутых слов. В связи с этим было принято решение исследовать концепт PLEASURE, проанализировать его информационное содержание, образный компонент, и интерпретационное поле и определить макроструктуру концепта.

Была выдвинута гипотеза о том, что в концепт PLEASURE будут входить не только положительные, но и отрицательные признаки. В процессе исследования для анализа информационного содержания применялись анализ словарных дефиниций и анализ синонимов. Для исследования интерпретационного поля и образного компонента применялись концептуальный и дискурсивный анализ текстов, а также анализ устойчивых сравнений и выделение первичных и вторичных номинативных единиц.

Для определения ядра концепта следует проанализировать информационное содержание. Для этого следует обратиться к словарям

и проанализировать определения слова *pleasure*. Для анализа информационного содержания были использованы словари: Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionary, Collins Online Dictionary и Merriam-Webster.

Рассмотрим определения слова *pleasure* в англоязычных словарях:

I Cambridge Dictionary

Словарь даёт следующее определение слова *pleasure*: enjoyment, happiness, or satisfaction, or something that gives it. В качестве синонимов, словарь приводит в пример слова: *beatitude* «блаженство», *exultation* «ликование», *joy* «радость», *joyousness* «счастье», *joyfulness* «радость», *jubilation* «ликование».

II Oxford Learner's Dictionary

В словаре можно найти три определения: 1) a state of feeling or being happy or satisfied; 2) the activity of enjoying yourself, especially in contrast to working; 3) a thing that makes you happy or satisfied. В словаре также приводятся следующие синонимы: *fun* «веселье», *enjoyment* «наслаждение», *entertainment* «развлечение».

III Merriam-Webster

В словаре представлены пять значений слова *pleasure*: 1) desire, inclination; 2) a state of gratification; 3) sensual gratification; 4) frivolous amusement; 5) a source of delight or joy. В качестве синонимов, в словаре приведены слова: *content* «удовольствие», *relish* «удовольствие», *delight* «восторг», *gratification* «удовлетворённость», *satisfaction* «удовлетворённость», *enjoyment* «наслаждение», *happiness* «счастье».

IV Collins Online Dictionary

Словарь даёт три определения слова *pleasure*: 1) if something gives you pleasure, you get a feeling of happiness, satisfaction, or enjoyment from it; 2) pleasure is the activity of enjoying yourself, especially rather than working or doing what you have a duty to do; 3) a pleasure is an activity, experience, or aspect of something that you find very enjoyable or satisfying. Среди синонимов, в словаре приведены такие слова, как: *amusement* «развлечение», *joy* «радость», *recreation* «развлечение», *happiness* «счастье», *delight* «восторг», *enjoyment* «наслаждение», *bliss* «блаженство», *gratification* «удовлетворённость».

Лексикографические источники определяют *pleasure* главным образом как состояния счастья, наслаждения или удовлетворённости от какого-либо действия, что также отражается и в синонимах, приводимых в словарях – все они так или иначе связаны с удовольствием или радостью. В двух словарях также представлено противопоставление данного понятия работе и обязанностям, что позволяет сделать вывод о том, что важной частью

данного концепта является личная инициатива субъекта, не навязанное извне обязательство. Можно заключить, что информационное содержание концепта PLEASURE включает в себя удовольствие от действий, которые доставляют радость и делаются по собственному желанию.

Можно вывести ядро концепта исследуемого концепта, которое состоит из трёх когнитивных признаков:

- enjoyment
- satisfaction
- entertainment

Таким образом, становится видно, что в ядре концепта находятся признаки «наслаждение», «удовольствие» и «развлечение». Можно заметить, что в своём ядре концепт PLEASURE является положительным и идентичным другим словам, означающими радость.

Исследование интерпретационного поля и образного компонента происходит с помощью анализа лексических и фразеологических единиц, употребляемых в следующих интернет-публикациях: *Pleasure, How to Think about Pleasure, The Experience of Pleasure: a Perspective between Neuroscience and Psychoanalysis, What is the Difference between Pleasure and Happiness, The Difference between Pleasure and Happiness* и *How Pleasure Affects our Brain*. Таким же образом будет проанализирована периферия концепта.

Во всех изученных публикациях, посвящённых концепту PLEASURE, часто проводится связь с гедонизмом (“This simple picture has often been associated with more sweeping normative and psychological claims, all ambiguously called “hedonism” [Katz, 2023]) – учении о том, что получение удовольствия является главной целью в жизни. Подобный образ жизни всегда рассматривался как негативно влияющий на человека, хотя на первый взгляд и приносил кратковременную радость. Ещё одной важной чертой этого концепта является соотнесённость с физическими ощущениями, которые вызывают положительные эмоции (“Pleasure is often emotional and physical and depends on the five senses” [Sasson, 2023]). Получение физического удовольствия всегда рассматривалось в обществе как менее правильное получение удовольствия (противоположное интеллектуальному удовольствию), также негативную оценку носит и эмоциональное восприятие, которое противопоставляется рациональному.

Ещё одним важным аспектом данного концепта является его мотивированность. Во всех проанализированных публикациях получение удовольствия связано с совершением целенаправленных действий и скоротечностью получаемых эмоций (“...pleasure is externally motivated and fleeting...” [Friedlander, 2013]), в связи с чем концепту PLEASURE

противопоставляется концепт HAPPINESS – счастье, которое описывается не только как более продолжительное чувство, но и которое не так сильно зависит от внешних факторов. Данное противопоставление также интересно с той точки зрения, что в словарях данное слово часто приводится как синоним понятия pleasure. Стоит отметить, что ни в одной из публикаций не отрицается связь pleasure и happiness.

Стоит также отметить, что среди прочих категорий, не несущих прямой негативной коннотации, были выявлены и такие, которые прямо несут негативную оценку: это pain (“Bodily pleasures can also straightforwardly lead to pain, in the case of repetition or overindulgence” [Dresser, 2022]), addiction (“Addiction is categorised by a single-minded focus on obtaining the next exposure or “hit” [Kesby, 2018]) и affect (“...the hedonistic marking of affects is the quality at a basic level, distinguishes emotions from other psychological processes” [Moccia, 2018]). Наличие таких категорий выделяет концепт PLEASURE на фоне других слов английского языка, означающих «радость».

Теперь можно составить представление об интерпретационном поле концепта PLEASURE. Оно будет включать в себя следующие признаки: на ближней периферии «мотивированность», «гедонизм», «физическое восприятие», «телесное восприятие», «чувственное восприятие»; на дальней периферии – «скоротечность», «эмоции», «боль», зависимость» «аффект».

Таким образом, PLEASURE действительно не является сугубо положительным, он имеет позитивные категории в своём ядре, но на периферии и в интерпретационном поле он имеет и негативную коннотацию, что отличает его от других слов английского языка со значением «радость», в которых положительная коннотация является преобладающей.

ЛИТЕРАТУРА

- Dresser S. How to think about pleasure // Psyche, on the human condition (электронный ресурс) – URL: <https://psyche.co/guides/from-hedonism-to-humanism-philosophy-defence-of-pleasure> (дата обращения: 21.10.2024)
- Friedlander D. The Difference Between Pleasure and Happiness // LifeEdited (электронный ресурс) – URL: <https://lifeedited.com/the-difference-between-pleasure-and-happiness/> (дата обращения: 22.10.2024)
- Katz L.D. Pleasure // Stanford Encyclopedia of Philosophy (электронный ресурс) – URL: <https://seop.illc.uva.nl/entries/pleasure/#Аса> (дата обращения: 21.10.2024)
- Kesby J. How pleasure affects our brain // The University of Queensland. Brisbane, Qld, Australia, 2018 URL: <https://medicine.uq.edu.au/article/2018/04/how-pleasure-affects-our-brain> (дата обращения: 29.10.2024)
- Moccia L., Mazza M., Di Nicola M., Jarini L. The Experience of Pleasure: A Perspective Between Neuroscience and Psychoanalysis // Frontiers, publisher of peer-reviewed articles in open-

access journals (электронный ресурс) – URL: <https://www.frontiersin.org/journals/human-neuroscience/articles/10.3389/fnhum.2018.00359/full> (дата обращения: 22.10.2024)

Sasson R. What is the Difference Between Pleasure and Happiness // Success Consciousness: Personal Growth and Meditation (электронный ресурс) – URL: <https://www.successconsciousness.com/blog/happiness-fun/pleasure-and-happiness/> (дата обращения: 21.10.2024)

Cambridge Dictionary (электронный ресурс) – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.10.2024)

Collins Online Dictionary (электронный ресурс) – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2024)

Merriam-Webster: America's Most Trusted Dictionary (электронный ресурс) – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.10.2024)

Oxford Learner's Dictionary (электронный ресурс) – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.10.2024)

Shchenikov, N. S., Kuzmich, I. V.

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”

ANALYSIS OF THE CONCEPT PLEASURE IN THE ENGLISH LANGUAGE

The concept PLEASURE in the English language seems to be different from other words with the meaning of enjoyment. This article explores the information content, interpretation field and figurative component of this concept, as well as its macrostructure. Although the concept PLEASURE has positive components in its core, the periphery also has attributes that do not have strictly positive connotation or have clear negative connotation.

Concept, interpretation field, information content, connotation, macrostructure of concept, figurative component

УДК 83,43

Н. Ф. Щербак

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID 0000-0001-8725-9717

n.sherbak@spbu.ru

КОНЦЕПТЫ СОВРЕМЕННОГО КИНО

В статье рассматривается проблематика взаимодействия различных типов художественного и кино-нарратива. Изучаются концепты современного кино, обозначенных философом Жилем Делезом как инновационные. Современный кинематограф концентрируется на перенесении сферы воздействия с зоны действия кино-нарратива в сферу деятельности зрителя, воздействие на которого становится главной движущей силой современного искусства. Концепт ДВИЖЕНИЕ постепенно согласуется и сочетается с концептом ВРЕМЯ и концептом ПЕРЦЕПЦИЯ. Подобный взгляд на язык кино-нарратива позволяет проанализировать творчество таких «пограничных» в отношении норм и сюжетных ходов режиссеров как Ларс фон Триер, определить инновационные техники киноязыка, направленные на перенесение воздействия в зону зрителя.

Различие и повторение, семиотика, кино-нарратив, образ-движения, образ-перцепции, образ-время

Рассуждая о движении и развитии кинематографа, Жиль Делез, инноватор кино и экспериментатор философии постмодернизма, вводит свои понятия кадра, плана и монтажа, противопоставляя их общепринятой кино-теории, рассуждая об имманентности кино. Путем создания своей собственной теории, Жиль Делез представляет читателям идеи об образе-движения, образе-перцепции (пространство-в становлении), образе-переживания, и образе-времени. Книга «Кино», таким образом, становится яркой иллюстрацией этой теории, с привлечением примеров из известных произведений кинематографа.

В некотором смысле, конструкт образа-времени – новый этап в развитии кинематографа, при котором образ-движения становится более традиционным, и принадлежит предыдущим эпохам, как средством выражения. В свою очередь, образ-движения может рассматриваться как новый этап в развитии кино, как становление образа-движения. В некотором смысле, теория Делеза – реминисценция «отсутствия репрезентации», так точно обозначенная в работе Делеза «Различие и повторение» [Делез, 1998, с. 5].

Рассуждая об образе-движения, Делез пишет о том, что «экран» кинопроектора выполняет своего рода роль рамки, которая «наделяет общей мерой то, у чего ее нет: ландшафт и лицо, части, у которых отсутствует общий

знаменатель дистанции, выделенности, света». Взаимодействие сил кадрирования и декадрирования, панорамирования и соединения планов, то есть всего того, что отсылает наш язык к некоей азбуке кино, все это позволяет найти место, откуда становится возможна речь об образе-движении и его составных частях. Делез задается вопросом: когда режиссер Дзаваттини определяет неореализм как искусство стыков; фрагментарных, эфемерных, отрывочных и неудачных встреч и столкновений, – что он имеет в виду? Это определение касается фильма «Лайза» Росселлини и «Похитителей велосипедов» Де Сики. Подробное освещается Делезом и процесс создания Де Сика эпизода в фильме «Умберто Д.»: утром в кухню входит молодая служанка, которая делает ряд машинальных жестов, говорящих о том, как она устала: слегка прибирается, струей воды изгоняет муравьев, берет кофемолку; закрывает дверь каблуком-шпилькой. Внимание к последовательности и деталям, это не только репрезентация, это снова – введение образа-перцепции и образа-восприятия (выраженного посредством взгляда и крупных или общих планов), которые позволяют увести традиционный кинематограф от образа-движения, превращая его в образ-время.

Для неореализма, по Делезу, характерно уже отмеченное увеличение числа чисто оптических ситуаций, которые существенно отличаются от сенсомоторных ситуаций образа-действия, характерных для старого реализма, или импрессионизма – покорения чисто оптического пространства в живописи. Нам возразят, что зритель всегда имеет дело с «описаниями», с оптическими и звуковыми образами, и ничем более. Делез разрушает стереотипичность традиционного восприятия кино, с акцентами на репрезентации. Делез подтверждает и разъясняет, что он имеет в виду, приводя в пример Хичкока: «Хичкок первым отверг эту точку зрения, включив зрителя в фильм. Но как раз теперь отождествление начинает происходить в обратном направлении: персонаж стал своего рода зрителем. Сколько бы он ни двигался, бегал и волновался, ситуация, в которую он попал, превосходит его моторные способности по всем параметрам и дает ему увидеть и услышать то, на что невозможно ответить или прореагировать. И он не столько реагирует, сколько регистрирует» [ibid]. Таким образом, пишет Делез, мы имеем дело с той ситуацией, когда кино и кадрирование не является прямым отображением задумки режиссера, это сконструированная реальность, направленная на воздействие, на перцепцию и восприятие зрителя.

А герой фильма, по Делезу, в свою очередь, не столько вовлекается в действие, сколько предается созерцанию, будучи им преследуем или же сам его преследуя. «Одержимость» Висконти, таким образом, с полным правом считается предтечей неореализма; и что прежде всего поражает зрителя, так это манера, в которой «чуть ли не галлюциаторная чувственность овладевает облаченной в черное героиней». «Она больше похожа на визионерку или сомнамбулу, чем на

соблазнительницу или влюбленную». Рассуждая о работах Рене, Делез пишет, что «в своих интервью Рене часто рассуждает о двух проблемах: о чувствах «за пределами» персонажей и о процессе осознания, о проистекающей из него критической мысли. Это метод критического гипноза, который ближе к тому, что Дали называл методом критической паранойи, нежели к идеям Брехта. Если Брехт достигал в театре этого результата при помощи дистанцирования, то Рене, наоборот, обращается к неподдельному завораживанию. Этот вид гипноза имеет чисто эстетические корни; он дедраматизирует анекдот, препятствует идентификации персонажей и направляет внимание публики только на одушевляющие героя чувства» [Делез, 2004, с. 163].

Вслед за Делезом мы можем сравнить подобные киноэффекты Рене с прозой русского символиста Андрея Белого. Мы можем заметить, что у Андрея Белого между городом и мозгом наличествует топологический контакт; «мелькнувшее мимо (картины, рояль, зеркала, перламутр, инкрустация столиков) – все, промелькнувшее мимо, – было одним раздражением мозговой оболочки, если не было недомоганием... мозжечка» [Белый, 1979, с. 44]. Таким образом, снова мы имеем дело в литературе и киноискусстве вовсе не с репрезентацией, а со «статическим повторением», образом-перцепции, времени и переживания, которые вводятся в ткань киноплёнки для прямого воздействия на зрителя.

ЛИТЕРАТУРА

Белый А., Петербург. М., Художественная литература, 1979.

Делез, Ж. Кино. С-Петербург: Ад Маргинем, 2004.

Делез, Ж. Различие и повторение. СПб: Петрополис, 1998.

Лаврова С.В. Сальваторе Шаррино и другие. Очерк об итальянской музыке конца XX – начала XXI века. С-Петербург, 2019.

Shcherbak, N. F.

Saint Petersburg State University

CONCEPTS OF CONTEMPORARY CINEMA

The article examines the problems of interaction between different types of artistic and film narratives. The concepts of modern cinema, designated by philosopher Gilles Deleuze as innovative, are studied. Modern cinema concentrates on transferring the sphere of influence from the zone of action of the film narrative to the sphere of activity of the viewer, whose influence becomes the main driving force of modern art. The concept of MOVEMENT is gradually being coordinated and combined with the concept of TIME and the concept of PERCEPTION. Such a view of the language of the film narrative allows us to analyze the work of such "borderline" directors in terms of norms and plot moves as Lars von Trier, to identify innovative film language techniques aimed at transferring the impact to the viewer's zone.

Difference and repetition, semiotics, narrative, semiotics, time image, movement image, perception image

УДК 008 (5)

И. В. Шугайло*Российский Государственный педагогический университет им. А. И. Герцена*

ORCID 0009-0007-6613-6153

vshugajlo@yandex.ru

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО, СЕМЬЯ И СПОРТ КАК РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ДИСКУРСА В УЗБЕКИСТАНЕ

В статье рассматриваются некоторые феномены искусства, семьи и спорта как различные типы дискурса в жизни Узбекистана. Делается попытка понимания сопряжения и пересечения этих дискурсов в рамках азиатской культуры, объединенных темой семейных ценностей.

Узбекистан, куклы, перформативность, дискурс семьи, дискурс спорта, фотография Узбекистана

В современном мире национальный колорит коммуникации и языковой личности, встроенной в определенные реалии, привлекает все больший интерес исследователей и туристов. Глобализм сталкивается с вызовами, на которые локальные культуры нашли свои ответы. При расставании с одной культурой имперского типа Узбекистан ищет новые модели самоидентификации и выбирает те дискурсы, в которых в наибольшей степени реализуются его чаяния и мечты. В статье мы будем опираться на понимание дискурса как «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова, с. 137]; текста, рассматриваемого в совокупности с экстралингвистическими факторами [Кожина, 2004].

Культура узбекского народа сохраняет мультикультурализм, в большей степени азиатского типа. «Церковью-куколкой» (терм. А. Тойнби) выступает мусульманская религия и связанные с ней прецедентные тексты, прежде всего, Коран, тюркские и арабский языки. Как наследие СССР сохраняются академические театры оперы и балета и театры оперетты с небольшим репертуаром того же периода, с вкраплением музыки национальных авторов. Качество этих постановок привлекает очень небольшое число зрителей, произведения зачастую в театре оперетты исполняются под фонограмму, плагиат – один из композиционных приемов в мюзиклах, канкан и танцы европейского образца значительно упрощаются. Сами жители говорят, что они просто не любят театр и кино, им предпочитают чайхону. Такая «прививка» западноевропейской культуры на азиатскую почву больше

пользуется спросом у русских и европейцев. Работа А. Лиепы в театре оперы и балета им. А. Навои в Ташкенте породила яркие постановки, раскрыла таланты молодых исполнителей, а восточный колорит «Половецких плясок» из музыки А. Бородина, «Шехерезада» Н. Римского-Корсакова выступает органичной частью когда-то общей евразийской культуры.

Контрастом к этому академическому музыкальному типу дискурса выступает дискурс народной культуры, который функционирует на телевидении, в парках, на площадях городов во время национальных праздников. Особенностью концертов на телевидении является вступительное слово руководителя коллектива или исполнителя. Интересно, что знаменитый шведский музыковед М. С. Казиник, приехавший с лекциями-концертами в октябре 2024 года в Ташкент, хорошо вписался в эту национальную нарративную структуру и дал несколько лекций-концертов в Ташкенте для детей и взрослых.

В театральном дискурсе Узбекистана есть большие куклы народного театра, которые особенно популярны в театральных действиях во время празднования Навруза. Куклы в целом, как предметы игры, выступают агентами семейного типа дискурса, отражая вечное желание девочек иметь детей, заботиться о них, шить на них одежду. Искусствоведы считают, что первые куклы на территории современного Узбекистана появились благодаря древним грекам со времен Александра Македонского. С приходом ислама в Центральную Азию из-за запрета изображать человеческое лицо изготовление кукол было запрещено. Позже, в эпоху Тимуридов появилось большое число кукловодов маскарабозов, которые давали кукольные представления на открытых площадях и рынках. С этого времени берет начало история кукольного ремесла в Узбекистане. Среди персонажей популярен Ходжа Насреддин Афанди, Палван-качала и красавица Бикияхон.

Мастерство изготовления кукол в Узбекистане передается от деда к внуку. Многие тайны профессии возродили современные кугирчокбозы (мастера кукол). Мансур Курязов из Хорезмской области создает куклы специально для спектаклей Хивинского театра кукол. Помимо вышивки и изготовления кукол, он обучает будущих мастеров актерскому мастерству, кукловодству. Яркие расписные куклы становятся и традиционным узбекским сувениром, который можно приобрести, путешествуя по некоторым городам Узбекистана. Особенно хороши куклы Хивы, изготовление которых продолжает традиции Ирана. Дорогие куклы используются как предмет интерьера в доме или офисе, оформляя семейный очаг.

Достойное место занимает и бухарская школа изготовления кукол. Бухарские мастера кукол изучают историю национального костюма,

используют в технологии украшения одежды золотую вышивку. В центре Бухары около площади Ляби-Хауз расположен уникальный музей и при нем мастерская кукол и музей старинных кукол. Посетитель на время может побыть настоящим кукловодом. Таким образом, в театральной культуре преобладает перформативный элемент. Он же и более органичен для азиатской культуры, и не требует высокого уровня развития способностей. Это больше забава и промысел, нежели вид современного дискурса. Сказка остается архаичным жанром, более консервирующем традиционную культуру с ее ценностями.

Значительное место в дискурсе азиатской культуры занимают декоративно-прикладные промыслы. Как полагал Г. Гачев, именно глина таит в себе элементы огня и земли: «большая причастность к свету, солнцу, огню-теплу, большая отсюда исконная посвященность в причины и тайны всего сущего, одаренность этим знанием, тогда как человеку Запада этого приходилось добиваться усилием, напряжением, трудом – тянуться кверху, противоборствуя более сильной здесь тяге земной» [Гачев, 1995, с. 303]. В узорах посуды заключена символика сопричастности космосу, отражены ценности рода, красоты, знания. Вазы здесь видятся европейскому взгляду как бессознательное воспроизведение контуров женского тела. Искусствоведы подчеркивают: что восточная ваза – «ваза для цветов, которой не нужны цветы. Ее красота, красочность, орнаментальная насыщенность просто поглощают, подавляют «живую», природную красоту цветов, по-своему замещают ее. Это ли не воплощенная идеальная красота, далекая от идей практичности и целесообразности, красота, единственная цель которой – быть красотой и приносить эстетическое наслаждение любому, а информацию, скрытую в таинственных сплетениях орнамента, – посвященному» [Юрьева, 2019, с. 518]. Безусловно, еще одним подвидом дискурса является резьба по дереву и чеканка. Узоры здесь выполняют роль оберега, в основном это растительные орнаменты. Колонны и двери – метафизические опоры, связь между мирами и пространствами. Причем, они – более плотный мир, так как есть еще разреженные открытые пространства типа беседок с живым виноградом, навесы, веранды.

Особый тип дискурса Узбекистана представлен фотографией. Авторской фотографии довольно мало в Республике, в значительной степени это связано с запретом изображать человека. До сих пор отношение к фотографированию остается сложным. С приходом гаджетов в массовую культуру, с развитием индустрии рекламы фотография как картинка, содержит изображения человека, но он чаще воспринимаются как знак, тип, а не реальный человек. При удивительно большой страсти к фотографированию, личные фотографии

остаются достоянием семьи, их стараются не тиражировать в общественном пространстве, в т.ч. и в Интернете, где личное и общественное пространство проникают друг в друга. Впрочем, в каждом городе и ауле отношение к фотографии разное: кто-то вообще не разрешает фотографировать свое хозяйство, кто-то разрешает отдельные места, кто-то даже согласен на фотосессию, но чаще с просьбой никому не показывать. Фотограф как бы восполнил тот запрос на получение удовольствия, который не мог в восточном обществе получить художник, по канонам ислама. Сам процесс фотографирования здесь выполняет во многом санирующую функцию, описанную нами следующими словами: «Психика первоначально подчинена принципу удовольствия, позднее отступающему под давлением со стороны требований реальности – художник способен своими созданиями снять этот конфликт и обеспечить их компромисс» [Шугайло 2011, с. 37]. Фотография, стремящаяся «узаконить» свое право на запечатление объективной реальности, хранит «кадры истории» личности и семьи узбеков в собственном архиве. Подтверждением этой идеи служит тот факт, что самым популярным жанром фотографии остается семейный портрет. Как видим, в дискурсе доминирующей темой остается семья, а одним из видов прецедентных текстов выступает семейная фотография. Говоря о семейном дискурсе в российской рекламе, наши исследователи отмечают его существенный вес [Летина, 2015]. О роде семьи в традиционных ценностях Узбекистана пишут узбекские молодые ученые [Исматуллаева, 2015]. Изучая фотографии многих народов, мы пришли к следующему выводу: «Фотографию можно прочесть и как «Тень» человека, то «Я», которое он тщательно скрывает и старается не видеть сам. Это та часть себя, которая не создается позированием для Другого, которая есть мы и не мы. Это та существенная часть нас, которую мы доверяем лишь глазам Другого, с которым мы общаемся в акте сотворчества» [Шугайло, 2008, с. 99]. Так, в дискурсе искусства фотография прогнозирует переход «закрытого общества» Узбекистана в «открытое», с возможностью познания своих иных качеств.

Тема семьи проникает в туристические ролики и тексты. Туризм как выход в открытое неличное пространство постепенно входит в стиль жизни горожанина. Водная стихия становится наиболее привлекательной для отдыха. В Узбекистане имеется огромное количество мест для водного туризма: Чарвакское водохранилище, многочисленные бушующие реки, огромные озера (Айдаркуль, Судочье и Ташморе). Здесь же предлагается экстрим (как выход за свои пределы): катание на скутере и катамаране, плавание на реках Чаткал, Пскем, Угам, Сырдарья и др. Популярен среди

туристов и местных воздушный спорт (метафизический отрыв от земли, в мир мечтаний, грез).

К пиковым переживаниям стремятся любители альпинизма и скалолазания; они осваивают Чимганские горы с пиком Большой Чимган высотой 3309 м, где проложены горнолыжные маршруты. Зимой горные курорты Чимган, Бельдерсай и Амирсой привлекают любителей зимних морозов. В западном Тянь-Шане на высоте до 4326 м расположены более 70 маршрутов различной сложности. Они находятся на Майдантальском, Пскемском и Чаткальском хребтах. Там же ежегодно проводятся открытые соревнования Узбекистана по альпинизму и скалолазанию.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. М.: «Большая Российская энциклопедия», 2002. С. 136–137.
- Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: «Прогресс», 1995.
- Исматуллаева Г. Э. Традиции и ценности в узбекских семьях // Молодой ученый. 2015. № 5. С. 616–617.
- Кожина Н. М. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стилль: Сборник ст. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С.9–33.
- Летина Н. Н., Киселева Н. В., Горева А. А. Семейный дискурс современной отечественной рекламы // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 331–336.
- Шугайло И. В. Фотографирование как санирующая практика культуры // Вестник Омского университета. 2011. № 1 (59). С. 36–40.
- Шугайло И. В. «Автор» и «герой» в фотографии // Вестник Волгоградского. гос. ун-та. Сер. 7,0 Филос. 2008. № 2 (8). С. 97–102.
- Юрьева О. Ю. Азиатский дискурс в российском культурном сознании начала XX в. // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение...Материалы конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. С. 516–527.

Shugaylo, I. V.

Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen

CULTURE, ART, FAMILY AND SPORT AS VARIOUS TYPES OF DISCOURSE IN UZBEKISTAN

The article deals with phenomena of art, family and sports as various types of discourse in the life of Uzbekistan. An attempt is made to understand the conjugation and intersection of these discourses within the framework of Asian1 culture, united by the theme of family values.

Uzbekistan, dolls, performativity, family discourse, sports discourse, photography of Uzbekistan

УДК 7.094

В. Е. Эйдигер

Северо-западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы

seadolphiin@gmail.com

А. М. Лесохина

Северо-западный Институт Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы

alesoj@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКА ТАНЦА (НА ПРИМЕРЕ ФИЛЬМА К. САУРА «КРОВАВАЯ СВАДЬБА»)

Танец – это особый язык самовыражения, подчеркивающий особенности различных этносов и культур. Движения тела выражают как особенности человека, так и характерные черты различных национальностей. Поэтому при просмотре фильма-постановки по пьесе Ф. Г. Лорки «Кровавая свадьба», в которой содержание пьесы передано хореографическими средствами, зритель не только «переводит» движения танцовщиков на вербальный язык, но и воспринимает национальную специфику испанского танца.

Культура, танец, хореография, литературное произведение, экранизация

Для того, чтобы лучше узнать культуру той или иной страны, необходимо уделить особое внимание изучению фольклора, в том числе народного танца. Часто через движения люди раскрывают свои эмоции и рассказывают целые истории.

Испанский народный танец не похож на русский. Ему присущи более динамичные движения, пышные костюмы и плавные движения рук. Одним из самых известных видов национального испанского танца является фламенко. По сравнению с русским народным танцем испанские движения кистей рук более плавные и требуют детальной проработки мелкой моторики запястий, в то время как для русской хореографии характерны более широкие жесты рук, а пальцы на ладонях тесно соединены друг с другом.

Яркий тому пример – экранизация пьесы Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба».

На основе данного литературного произведения режиссер Карло Саура снял фильм, имеющий аналогичное название: “*Bodas de sangre*”. Интересно, что фильм повествует о танцевальной постановке, раскрывающей историю, описанную Федерико Гарсиа Лоркой в своем произведении.

Хореографическое воплощение литературного произведения можно рассматривать как явление межсемиотического перевода, при осуществлении которого литература как система, знаком которой является слово, вступает во взаимодействие с другой, невербальной системой – искусством танца, языком которой выступает движение, пластика, человеческое тело как таковое [Краснова, Ланина, 2020, с. 244].

На протяжении всего фильма К. Сауры танцоры через движения и мимику лица отображают сюжет пьесы, и зритель, не читая произведения, может понять всё то, о чем говорится в повествовании. История начинается с разговора матери и сына, который идет на виноградник. Эта сцена также представлена и в фильме. Танцор, исполняющий роль жениха, делает движение «широкого выпада ногами» после чего проводит рукой, в которой держит нож, чуть выше поверхности пола, демонстрируя жест срезания гроздей винограда.

Вторая картина включает диалог между мужем и женой. Супруги разговаривают друг с другом напряженно. Это также передается через музыку и движения в фильме.

Жена (Леонардо). Что с тобой? Какая мысль гнетёт тебя? Скажи мне, я должна знать...

Леонардо. Перестань.

Жена. Нет! Посмотри мне в глаза и скажи.

Леонардо. Оставь меня. (Встаёт.)

Жена. Куда ты?

Леонардо (раздражённо). Может, ты помолчала бы?

[Гарсиа Лорка, 1957, с. 319]

Для того, чтобы передать эмоции раздражения и ссору артисты совершают резкие движения руками и быстрые повороты тела, то есть «вращения», которые помогают зрителю почувствовать атмосферу напряженности и непонимания между героями. Леонардо резко отталкивает жену, демонстрируя нежелание общаться, и резкими вращениями отдаляется от нее. Танцовщица, исполняющая роль жены Леонардо, также неожиданно вновь кладет на него свои руки, желая продолжить разговор, но мужчина не подпускает к себе жену, благодаря чему зритель понимает, что супруги ссорятся и между ними есть недопонимание. В этой сцене большую роль также играет напряженная музыка и эмоции актеров-танцовщиков, которые за счет сморщивания мышц лица и закрытия глаз показывают неприязнь героев друг к другу и конфликт между ними.

Далее в пьесе описываются отношения Леонардо с невестой, которая скоро выходит замуж за мужчину, шедшего в первой сцене срезать гроздья винограда.

Читатель понимает, что между Леонардо и невестой была любовь, а чувства до сих пор не остыли. Постановщик движений выразил это через лирическую музыку и объятия Леонардо и невесты. Более того, эмоция влечения друг к другу показана путем «переворотов» на полу артистов, исполняющих роль невесты и Леонардо. Находясь на расстоянии друг от друга, танцоры одновременно выполняют одинаковые элементы, выраженные через сложение рук в круг, то есть жест объятий, и переворотов телом на полу с одного бока на другой в тот момент, когда одна из рук начинает тянуться навстречу своему партнеру. Однако герои не соприкасаются и отстраняются друг от друга, так как они не могут быть вместе. Ведь Леонардо уже женат, а невеста скоро выйдет замуж.

Чтобы зритель еще раз осознал чувства между бывшими возлюбленными, невеста, танцуя с мужем во время свадьбы, не отводит взгляд от Леонардо. Прямой контакт глаз и волнующие лица выражают эмоцию любви и желания быть с этим человеком, благодаря чему становится очевидно, что сердце невесты по-прежнему принадлежит другому мужчине.

После свадьбы Леонардо инициирует свой побег с невестой на коне.

Верховая езда на лошади также продемонстрирована в фильме. Танцоры, исполняющие роли невесты и Леонардо, делают движения ногами, так называемые «припадания», проводя стопами по полу, что создает эффект скачки, а сгибание рук в локтях и ладони, сжатые в кулаки и положенные друг на друга, символизируют жест удерживания узды лошади.

Смерть главных героев после «дуэли» ножами показана посредством падения обоих на пол и закрывания глаз. Кроме того, сама сцена «драки» реализуется под аккомпанемент печальной музыки, что погружает зрителя в негативные эмоции и предвещает отрицательный исход пьесы.

В конце пьесы невеста понимает, что два её любимых человека погибли, они больше не вернуться, а значит, она потеряла все:

Теперь лежат они недвижно,

На их устах желтеет смерть [Гарсиа Лорка Ф., 1957, с. 361]

Осознание того, что муж и любимый погибли, а она осталась одна, также показано в фильме через сцену, когда героиня, после дуэли, проходит между мертвыми телами обоих мужчин и вытирает ладони о платье. На её одежде остается след крови, демонстрирующий смерть героев и потерю любимых.

На примере пьесы Федерико Гарсиа Лорки «Кровавая свадьба» и фильма Карла Сауры – экранизации танцевальной постановки по данной пьесе,

становится очевидно, что через танец можно интерпретировать литературное произведение и передать его национальную специфику. Движения ног и тела, сочетания танцевальных шагов проявляют эмоциональнее состояние человека и передают смысловую нагрузку, заложенную в определенные движения.

ЛИТЕРАТУРА:

Краснова И. А., Ланина М. В. «Lost in translation?»: попытка перевода романа И. С. Тургенева «Накануне» на язык хореографии // Перевод. Язык. Культура: XI междунар. науч.-практ. конф. 29-30 мая 2020 г. / отв. ред. И. Л. Гарбар. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020.

Лорка Гарсиа Ф. Театр; сост., ред. пер. с исп., авт. примеч.: Н. Медведев, З. И. Плавский, авт. вступ. ст. Ф. Кельин. М.: Искусство, 1957.

Eidiguer, V. E., Lesokhina, A. M.

The North-West Institute of Management branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

NATIONAL SPECIFICITY OF THE LANGUAGE OF DANCE (ON THE EXAMPLE OF THE FILM "BLOOD WEDDING" BY K. SAURA)

Dance is a special language of self-expression, emphasizing the features of various ethnic groups and cultures. Body movements express both the characteristics of a person and the characteristic features of various nationalities. Therefore, when watching a film-production based on the play "The Bloody Wedding" by F. G. Lorca, in which the content of the play is conveyed by choreographic means, the viewer not only "translates" the movements of the dancers into verbal language, but also perceives the national specifics of Spanish dance.

Culture, dance, choreography, literary work, film adaptation

УДК 327.56

Е. В. Яковлев

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
m5917456@mail.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ПРОКСИ-ВОЙНА» И ИХ РАБОТОСПОСОБНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассматривается проблема определения прокси-войн. Все авторы, которые ранее изучали данную проблему, не смогли дать точное определение прокси-войн, поэтому путем синтеза имеющихся определений, автор статьи вывел собственное, наиболее исчерпывающее определение, которое может являться работоспособным в условиях изучения данного вопроса.

Прокси-война, гибридная война, конфликт, прокси, страна

В 1945 году 6-го и 9-го августа на Хиросиму и Нагасаки были сброшены атомные бомбы – это ознаменовало конец эпохи больших войн. С тех пор великие державы решали свои конфликты исключительно на чужой территории и не вступая в прямую конфронтацию между собой, в следствие чего основным способом ведения боевых действий стала прокси-война [Микрюков, 2015, с. 1].

Изучением данного общественно-политического явления занималась в основном западная наука. Среди отличившихся авторов можно выделить К. Дойтча и Э. Мэмфорда, но помимо ученых своё понимание термина выразил 34-й президент США Д. Эйзенхауэр. Большая часть научных публикаций, связанных с исследованием данного явления, опирается на определения этих авторов. Однако крайне важным вопросом остаётся работоспособность определений, ведь большая часть появилась в период холодной войны, и как следствие описывала специфику конфликтов того времени. Современная же политика стремится к многополярности, а значит стран, желающих укрепить своё влияние, становится больше. Следовательно, конфликты более не сводятся к противостоянию двух полюсов, а это означает что некоторые теоретические элементы определений могут не соответствовать нынешней картине мира.

Карл Дойтч понимал прокси-войну следующим образом: «Прокси-война – международный конфликт между двумя странами, которые пытаются достичь своих собственных целей с помощью военных действий, проводимых на территории третьей страны и с использованием ее ресурсов якобы для

разрешения там внутреннего конфликта» [Микрюков, 2023, с. 1]. Данное определение является классическим и используется огромным числом авторов, однако оно не отражает весь спектр конфликтов. В частности, под это определение не попадают конфликты, которые велись между двумя странами, однако в этих конфликтах были затронуты интересы третьих стран, что привело их к вмешательству в этот конфликт. Помимо этого, К. Дойтч заключает прокси-войну исключительно в рамки противостояния двух стран. Действительно, в парадигме мышления 20-го столетия такое явление имело место быть, однако современные конфликты демонстрируют неверность данного заявления. Помимо того, что в конфликтах может быть более двух противоборствующих сторон, так и количество заинтересованных стран, желающих вмешаться в конфликт, может быть более двух. В итоге можно сказать, что определение работает лишь частично, так как многие конфликты выпадают из этого определения, следовательно, на него нельзя опираться при определении прокси-войны, так как есть риск неправильно определить сущность конфликта.

Не менее значимое определение дал Дуайт Эйзенхауэр: «войны, которые ведутся чужими руками». [Смирнов, 2019, с. 120] Главная проблема данного определения заключается в его краткости. Оно позволяет подвести почти любой конфликт под данное понятие. Следовательно, мы теряем объект изучения, а это означает, что исследование данного явления не имеет смысла. Ведь если не нельзя определить какой конфликт является прокси-войной, а какой конфликт является обычной войной – то это означает, что не существует такого понятия как «прокси-война». Но подобное заявление противоречит объективной реальности. Именно поэтому данное определение можно назвать неработающим.

Главным современным исследователем прокси-войн по праву можно назвать Эндрю Мэмфорда, автора книги «Proxy warfare» и исследователя внешней политики США. Он вывел следующее определение: «Прокси-война – это результат взаимоотношений между бенефициаром, который является государственным или негосударственным актором, не имеющим отношения к динамике существующего конфликта, и выбранными прокси, которые являются проводниками интересов бенефициара» [Mumford, 2013, с. 40]. Определение наиболее полно отражает картину современных конфликтов, однако исключает из себя многие конфликты прошлых лет. Из его определения исходит, что акторы, вмешивающиеся в конфликты не принимают участия в нем напрямую, что противоречит реальности. Для достижения своих целей актор может прибегать к полноценному участию в боевых действиях, чтобы ускорить победу своего прокси в конфликте.

Это означает, что определение не в полной мере описывает данное явление, следовательно, несмотря на его более точное изложение, его нельзя назвать исчерпывающим.

Отечественная наука также занимается проблемой прокси-войны. Можно найти ряд научных публикаций связанной с изучением данной темы, а также определение, которые разрабатывают наши специалисты. Микрюков Василий Юрьевич ввел следующее определение: «...прокси война – это гражданская война, которая либо спровоцирована иностранным государством – третьей стороной конфликта, либо ведётся при её активной ресурсной, политической и военной поддержке» [Микрюков, 2015, с. 1]. К сожалению, определение В. Мирюкова имеет ту же проблемой, что и определение К. Дойтча: сведение любой прокси-войны к гражданской войне. Соответственно, всё сказанное на этот счет об определении Карла Дойтча относится и к определению В. Микрюкова. Также стоит отметить, что определение описывает очень узкую ситуацию, где в гражданский конфликт вмешивается третья сторона, тем самым он исключает возможность вмешательство других сил в течение конфликта. Это означает, что определение не может быть использовано как универсальная модель для определения конфликтов, так как оно описывает исключительно частные случаи.

Резюмируя все выше изложенное, можно сделать вывод, что ни один из авторов не приблизился к созданию универсального определения, которое позволит точно определить прокси-войну. Поэтому предлагаю следующее определение, которое учитывает все проблемы вышеизложенных определений. Прокси-война – это вооруженное противостояние на определенной территории двух или более акторов, которых поддерживают государства или негосударственные образования, которые осуществляют свою помощь напрямую или опосредовано, с целью получения определенных выгод от конфликта. Данное определение устраняет следующие проблемы: сведение прокси-войны исключительно в рамки гражданской войны; определяет типы акторов, вмешивающихся в конфликты; определяет характер помощи, которую оказывает актор своему прокси; не устанавливает верхние количественные рамки акторов, участвующих в конфликте. Таким образом, вышеизложенное определение является наиболее исчерпывающим для определения такого рода конфликтов.

Целью данной работы стояло не принижение заслуг деятелей, которые вводили определение, а выведение более целостного понятия путем синтеза разных определений. Однако стоит понимать, что с течением времени определение может устареть как это было с определением К. Дойтча, а это значит, что данное определение определяет современные и прошлые

конфликты, и в случае, когда подобного рода конфликты изменяют свои качественные характеристики, оно частично потеряет свою актуальность. Но на текущий момент оно позволяет точно определиться с типом конфликта.

ЛИТЕРАТУРА

- Бартош А. А. Прокси-война как определяющий фактор военных конфликтов XXI века // Военная мысль. 2023. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proksi-voyna-kak-opredelyayuschiy-faktor-voennyh-konfliktov-xxi-veka> (дата обращения: 21.10.2024).
- Капицын В. М., Смирнова А. М., Столетов О. В., Щерба К. Д., Зверева В. С., Джанаева А. Э., Деев И. А., Кочетков Д. А., Калфаоглу Р., Черпакова А. И. Прокси-войны и состоятельность государств в современном мире // Социально-гуманитарные знания. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proksi-voyny-i-sostoyatelnost-gosudarstv-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 25.10.2024).
- Микрюков В. Ю. Прокси война / В. Ю. Микрюков. – Текст: электронный // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности: [сайт]. – URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/proksi-vojna/> (дата обращения: 16.10.2024).
- Фадеев А. С., Ничипор В. И. Военные конфликты современности, перспективы развития способов их ведения. прямые и непрямые действия в вооруженных конфликтах XXI века // Военная мысль. 2019. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voennye-konflikty-sovremennosti-perspektivy-razvitiya-sposobov-ih-vedeniya-pryamye-i-nepryamye-deystviya-v-vooruzhennyh-konfliktah> (дата обращения: 20.10.2024).
- Mumford A. Proxy Warfare and the Future of Conflict // RUSI Journal. Vol. 158. 2013. No. 2. pp. 40–46.

Yakovlev, E. V.

Herzen Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen

DEFINITIONS OF PROXY WARFARE AND THEIR WORKABILITY IN TODAY'S WORLD

The article deals with the problem of definition of proxy wars. All the authors who have previously studied this problem could not give a precise definition of proxy warfare, so by synthesizing the available definitions, the author of the article derived his own, the most exhaustive definition, which may be workable in the conditions of studying this issue.

Proxy war, hybrid warfare, conflict, proxy, country

Материалы
XVII межвузовской научно-практической конференции
«Палитра языков и культур»
Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2024 года

Редколлегия:

Курганская Е. В., Малышева В. Н., Степанова Н. В., Тихонова Е. С.,
Чупахина А. О., Шумков А. А.

Статьи печатаются в авторской редакции

Подписано в печать 13.11.24. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 8,5.
Тираж 30 экз. Заказ 146.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197022, Санкт-Петербург, ул. Проф. Попова, 5Ф

